

Станислав Смелянский

ПОЛЕТЫ НАД ВЕЧНОСТЬЮ

роман-эпик

«Альпина Паблицер»

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Москва
2013

УДК 82-31
ББК 84(2=411.2)6-44
С55

Смелянский С.

С55 Полеты над вечностью / С. Смелянский — М. : Альпина Паблишер, 2013. — 232 с.

ISBN 978-5-9614-1989-4

Остросюжетный роман-action о любви и приключениях молодого режиссера, о брендах и трендах, о Каннах и Москве, о тайной Организации, убивающей гениев, о полетах над вечностью.

Дебютный роман Станислава Смелянского, режиссера, журналиста, композитора, художника, креативного директора, победителя фестивалей рекламы, автора многих известных реклам, в прошлом ведущего телепрограммы «До 16 и старше».

УДК 82-31
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-9614-1989-4

© Станислав Смелянский, 2012
© ООО «Альпина Паблишер», 2013

Содержание

ПредСказание

11

**Между нами
здравствуй, Москва**

13

**Научные
трактаты о любви**

15

**Премьера
дэнс-мюзикла «Сити»**

19

**Машутка,
девушка перед Тобой**

24

Перед премьерой

31

Дэнс-мюзикл «Сити»

37

Научные трактаты о любви.

Манипуляция

43

Рецепты

47

Запеканка с фруктами

48

**На полпути
к середине книги**

49

Вторая встреча

50

Paroles, paroles, paroles

54

Научные трактаты о любви.

Пирамида

58

Слова, слова

60

Мороженое

65

Покушение

67

Между нами:

лечу!

69

Поворот

70

Между нами:

почему

72

Карта моря

73

Лавина

86

Между морем и землей

88

Небо на подошве

96

Научные трактаты о любви.

Словарь

107

Круазеттимся

110

Научные трактаты о любви.

Диалектика

121

Полет над вечностью

124

Последние часы

129

Всё?

134

Первая Большая стихотворная сноска

Ты и я

137

Жареные пирожки из творожного теста

146

Скоро конец

147

В Польше...

Освенцим

149

Холокост

150

Вторая Большая стихотворная сноска.

Тетрадь

152

Возвращение

172

Бизнес

173

**Между нами:
на солнечных ветрах!**

177

Работаю.

Москва, прием-прием

178

Научные трактаты о любви.

Пророк

182

Пикантные подробности.

Лубянка

188

Между нами:

Ты

192

**Работа та еще и там еще.
Тройной агент-провидец-консультант**

193

Статья

207

Старик vs Мандельштам

209

Газетная вырезка.

Письмо лагерника

211

На багровых

руках старика

213

Научные трактаты о любви.

Ролевые игры

215

Найден

220

Всё

224

Она?

229

Яблоки в тесте

231

Посвящается моей маме

ПредСказание

Однажды я поехал в Лондон и не взял зонтик...

С тех пор я не слежу за погодой, она следит за мной*.

*

Как-то раз я поехал в Голландию, купил сигарету в стеклянном футляре, зажигалку с фотографией голой женщины, сел на стул и закурил. Я улетел в прошлое и предсказал оттуда убийство, а когда вернулся, узнал, что моего народа больше нет.

С тех пор я не попадаю в истории, история попадает в меня.

*

Когда-то я учился в первом классе и дернул за косичку Светку Капустину. Я предчувствовал, что она погонится за мной, но непременно хотел убедиться.

С тех пор я не гоняюсь за женщинами, скорее наоборот.

* Это был ноябрь 1994-го, самый солнечный в истории Англии (*прим. ред.*). The Guardian, 04.12.2011: The warmest November in a record that stretches back to 1659 was only November 1994.

*

Не так давно я провожал дедушку в больницу и подал ему пиджак. Дед принял его очень осторожно, словно символ, словно весточку, скроенную из старого твида по классическому образцу. И вдруг светски улыбнулся и элегантно взмахом набросил его на плечи, так никто не умеет теперь обращаться с одеждой.

Когда через месяц я пришел в палату, майка, трусы и рубашка были сложены аккуратной стопочкой на пустой застеленной койке, палочка прислонена рядом, а пиджак висел отдельно, подобающе статусу первой вещи гардероба.

С тех пор я не ношу вещи, они носят меня.

*

Однажды я родился мертвым и через пять минут ожил. И вскоре, через двадцать три года, на излете девяностых, встретил тебя.

С тех пор я не писал этого романа. Он написал меня.

Между нами (набито в Sony Ericsson): **здравствуй, Москва**

*Вот и Москва.
Знаменитое хамство.
Всюду амбициозные люди,
Которые не желают работать. Я скучал.
И едва
Войдя в аэропорт бывшего ханства,
Я остро почувствовал дыхание своей сути,
Своих начал.*

*Паспортист брякнет строго:
«Смотреть на меня».
Таксист еще строже: «До центра — штука».
Мазутного воздуха вдох.
Москва. Как много...
Грязи, а я свинья,
Любви, а я шлюха,
Денег, «а мне пох...»*

*В кафе Мисс Вселенная подаст холодные блины
И принесет счет.*

А как насчет

Сдачи? Или смысла в жизни? Или молодой луны?

Гаишник, конечно, потребует мои права...

Новая моя Византия, в чистом поле царствуй.

И — здравствуй,

Москва.

Научные трактаты о любви

Записано на iPad
и загружено в Facebook

«Научные трактаты о любви» — солидная академическая книга внутри чуть ли не бульварного чтения под названием «Полеты над вечностью» (речь, правда, идет о чтении на достойных бульварах, таких как Монмартр, Капуцинок или Гоголевский). Аналитические выжимки выполнены на электронных девайсах и загружены в Интернет, чтобы подчеркнуть высокий уровень технической подготовки научного коллектива в лице автора. Крайне важный подраздел «Трактатов» под названием «Между нами» отвечает за умозрительный опыт, оставшийся за пределами эмпирического.

Не являясь членом-корреспондентом, автор сумел экспериментальным путем опровергнуть знаменитое наблюдение Эйнштейна: «Самая большая глупость — это делать то же самое и надеяться на другой результат». После неоднократных идентичных экспериментов выведена формула женской сексуальной энергии.

$$E = mc^2,$$

где E — {f. sking} Energy, любовная энергия, переменная женской сексуальности, m — money, деньги (мужчины), эта переменная — постоянная, и c — care, забота, константа неказистого мужского внимания, бесплатного, но все равно очень приятного.

Формула меняется в зависимости от типа женщины.

Тип женщины	Формула
Женщина Нормальная, она же Разумная, или <i>Femina Sapiens</i>	$E = mc^2$
«Рабочая лошадка, или Я много работаю и мало сплю»	$E = m/10 \times c$
«Сейчас я не работаю, если честно — никогда не работала»	$E = cm^2$
«Люблю клубы, платья, путешествовать»	$E = m^3$
«Порву за Lanvin, Hermes, Dior, Louboutin, Van Cleef & Dolce & Gabbana»	$E = m \times \text{Lanvin} \times \text{Hermes} \times \text{Dior} \times \text{Louboutin} \times \text{Van} \times \text{Cleef} \times \text{Arpels} \times \text{Dolce} \times \text{Gabbana}$
«Вчера каталась на роликах, завтра идем в поход»	$E = 0 \times mc$
«Рабочая пони, или Я довольно много работаю, и я очень рада нашему знакомству»	$E = m/5 \times c$
«Я недавно из провинциального городка, и ты мне сразу понравился. Кстати, посмотри, какие у меня блестящие сапоги / сумка Биркин / яркие колготки и т. д.»	$E = c^2 m/10$

Тип женщины	Формула
«В моей деревне советуют пару раз отказать, чтоб сильнее любил»	$E = 0$
«Мне нужны серьезные отношения»	$E = tp$, где t — это «ty», а p — это «popal»
«Я хочу ребенка»	$E = b$, где b — это «begi!»
«А что ты мне подаришь?»	$E = m^{3*}otn$, где otn — это «ono tebe nado?»
«Стояла в пробке на Рублевке / Остоженке / у марины Порто Черво»	$E = (m100c100) + pp$, где pp — это «problemy s parou»
«Мужики козлы, ненавижу!»	$E = b-e-e-e$
«Мне чуть-чуть за 30, а ты самый лучший. Кстати, я с деньгами и связями»	$E = \text{Wow!}$
«У меня давно не было секса»	$E = E^2$
«Ну чо?»	$E = c/100$
«Я тебя понимаю»	$E = zags$, где $zags$ — это ЗАГС
«Ну, я не знаю... А расскажи еще про себя»	$E = c^2 \times t^2$, где t — это время (оно же деньги, см. исходную формулу)
«У меня, если честно, не много опыта»	$E = t^3$
«Что я, дура, что ли?»	$E = 2\text{pizza}$, или $E = \text{povezlo}$

Ну, а секретная формула максимальной женской сексуальности: $E^2 = dhpvpoI$, что в переводе на русский «дорогой хороший подарок от влюбленного рослушного обеспеченного Юха».

Есть еще самая секретная формула, $E^\infty = \text{Love}$, причем ей, кажется, посвящена эта книга.

Премьера дэнс-мюзикла «Сити»

В гримерной. За минуты до финальных оваций. Я снова обрушиваюсь на нее. Так стонет, что прикрываю ей рот, продолжая сзади. Растрепанный, едва застегнув брюки, я успеваю выскочить к софитам и аплодисментам.

Что это было? Кто пустил ее за кулисы? Как ее зовут? Где ее найти?

Она зашла в начале второго действия, представилась журналистом и тут же расстегнула пару пуговиц на серебристой кофте. Под кофтой сверкнуло тело молочного цвета. Но я, буквально раскрыв рот, неотрывно смотрел в зеленые глаза. Все остальное: идеальная фигура, хрупкая, легкая, с правильными выпуклостями (под 170, 2,5 плюс бутоны сосков, попка «навывает»), густые рыжие волосы, нежнейшая розоватая кожа, мягкие губы и щеки, милый носик, сексуальная линия скул, глубина души и легкость ума — все остальное открылось мне позже. В этот момент я смотрел только на радугу, искрящуюся и зеленым, и желтым, и серым.

Гормоны рассыпались по комнате разноцветными драже. Когда она расстегнула третью пуговицу, сознание отключилось. Набросились друг на друга.

С силой. Жадно. Словно последние хищники в тайге мегаполиса. Почуявшие свою половинку на расстоянии — вплоть до последней молекулы ДНК и генетического кода, до биения крови в аорте, до электрических импульсов в нервные волокна. Просто полный АБЗАЦ: Абсолютная Биологическая ЗАЦикленность, либо АБбалденная ЗАЦелованность. А может, ГКЧП: Главное, Как Чпокнулись, Пипец!

Да простит меня читатель. В романах читаешь про развитие отношений, а в моей истории все началось с того, чем нормальные книжки заканчиваются.

Рыжая бестия, белокожая тайна, зеленоглазый туман, вспышки и сумраки опытной женщины. Ее тело металось, дергалось в судорогах, выгибалось, само повисало в воздухе. Я еле удерживал ее. Казалось, вопреки законам тяготения, она выскользнет из рук, пробьет стену и вылетит в зал. А со сцены звучало:

*Свет висит лохмотьями рваными.
Губы запеклись, обожженные.
Мечемся, потолками, диванами
Окруженные.*

*Веером повсюду горошины —
Стены пробиваем гормонами.
Дикими рычим, нехорошими
Стонами.*

*Капли пота вылизав досуха,
Дергаемся, хищные, гибкие.
Держат нас молекулы воздуха
Липкие.*

*И с лучами острыми, ранними
Все не затихает качание.
И сверкает звонкими гранями
Отчаянье.*

— Гений, пора на поклон, — улыбнулась она. — Иди, иди.

Наблюдая за моими поспешными сборами, вдруг зашептала:

— Тебе нужно уехать. Срочно. Завтра. Куда угодно. Ты в опасности! Прислушайся к себе, к интуиции. Тогда поверишь и уедешь.

Я вывалился на сцену, софиты ослепили, и шум зала ударил в перепонки. Было забавно кланяться и получать цветы сразу же после всего, что я выделял за кулисами. Цветы вручила и моя Машутка, она была счастлива.

Когда вернулся, гримерная была пуста. Я сел спиной к зеркалу. И подумал, что уже никогда не буду прежним.

Успокоившись, обратил внимание на свежие, грязно-мокрые следы грубых мужских ботинок на полу. Кто-то заходил недавно.

Эхом звенел в ушах главный хит.

Он:

*Бабочка, размахивая цветными крыльями,
Может вызывать ураган на другом конце света.
Так же и мы. Кожей, мышцами, сухожилиями
Что-то сделали на самой границе рассвета.
Молекулы вздрогнули, атомы заиграли в салочки.
Это называется эффектом бабочки.*

Она:

*Сначала было трудно дышать — всюду тела твоего
запах.*

Потом слушать — всюду твои слова.

*Потом смотреть — всюду силуэты в полных
лампах,*

Янтарный цвет утра и синева.

Трогаю твое имя на визитной карточке.

Может быть, и это называется эффектом бабочки.

Я тронул след от ее укуса на свежесбритой щеке: рана саднила. Интересно, заметит ли Машутка? Если что — скажу, снова неудачно соскоблил щетину дедушкиной стальной бритвой. Когда дед в свои двенадцать, в разгар НЭПа, сам поехал в Москву из маленького городка, он впервые увидел трамвай и купил в магазине свою первую фирменную рубашку. Бритва была подарком к покупке и пережила рубашку, войну, а недавно и своего хозяина. Теперь легендарным станком пользовался я, втайне надеясь тоже заболеть раком. Сколько раз за последние месяцы я царапал шею, веря, что рак передается через кровь! Потому что никак не мог смириться с потерей авторитета, заменившего отца, и, самое главное, человека, которого любил.

Жизнь преподносит сюрпризы. И от таких сюрпризов «киндерам» достается по-взрослому. Очкарик-режиссер, огонек в глазах, ветер в голове. 23 по паспорту и 17 морально. Через полгода я состарюсь и полечу к финалу. Без права выбора между долгой жизнью в неведении и — всем и сразу. С той премьеры, с того безумия в гримерной начинался новый я, самый счастливый и одновременно несчастный.

На следующий день о мюзикле напишут в одном из первых номеров «Афиши» (где-то между новостями о «Матрице» братьев Вачовски и постановке «Трех товарищей» в «Современнике»): «Артхаусный постмодернизм, прогрессивный примитив текстов и мелодий, мощные ритмы, достойная хореография и коммерческий успех. Танец, драйв, напор и юношеский максимализм — все поставлено превыше классического в мюзикле. Текст, созданный молодым режиссером, доминирует, но не давит. Дебютант, только что закончивший ВГИК, весьма уверенно загоняет действие в рамки авансены, сужая пространство и стирая границу между актерами и зрителями. Демонстративно развинчивается на детали сценический нуар, где герой и его фам-фаталь то и дело совершают небывалые прорывы из балагана в эпос. Очарование постановки — в единении жуткой лютости происходящего и эфросовской интеллигентности человека, дирижирующего всем этим. Гимн сильных и открытых чувств в эпоху тотального упадка оных: внутри простого парня заперт супергерой, кокетка являет чудо жертвенной любви и даже эрзац-влюбленный в эпизоде исполняет недюжинную трагедию отвергнутого. Избыточность постановки начинает казаться нетривиальной формой аскезы. Отечественный авангард нашел нового «параллельщика».

Машутка, девушка перед Тобой

За два месяца до премьеры

— Я не понимаю тут себя! Не чувствую! Какая биография роли? Кто я? Откуда я? Зачем я?

Актриса сводила с ума. Репетиции мюзикла в разгаре.

— Пой, Аня, ты все знаешь!

— Я ничего не знаю! И это не моя тональность!

Все плохо, актеры нервничают, декорации рушатся, продюсер в бешенстве, в сценарии дыры. Пахнет жареным, и прима скоро съест одного молодого ягненка в толстой оправе очков. В такие моменты режиссер, то есть на самом деле обыкновенный человек, который почему-то решил, что он режиссер, то есть непосредственно я, должен взять ситуацию в свои руки. Командно-приказная манера не сработает. Необходимо перейти на понятный исключительно актерам некий птичий язык, на нем говорить и мыслить, забыв на время про нормальную речь.

— Подстройся под него. Накапливай! Не забивай гвозди, оставь воздух! Он ушел, а внутри у тебя что?

— Ну, он ушел, а я сажу, как дура. А теперь что — я встала и пошла?

— Аня. Приди к тому, чтобы встать. Проживи это. Переживи проживание в активную зону! Из дырки не возникает ничего!

— Прогоним снова с Сашкой?

— Не надо. Твоя мизансцена. Он ушел, а ты — что?!

— Я одна, холодно.

— Верно. Пошел внутренний монолог. Да! Тут статика очень выразительна. Дальше внутри себя говори! А теперь скажи вслух, что в тебе, не по сценарию, сама скажи!

— Смотри, что ты делаешь со мной, видишь!

— Да! Сковырни! Еще!!!

— Это твоя вина, я люблю тебя!

— Да! Саша, на заднике! Обернулся. Услышь! Очень точно услышь! Да, задержи! Свет! Где свет на Саше!!! Стоп! Кто на сцене! Кто?!

Новенькой по гриму вздумалось припудрить актрису. Польщенная таким вниманием, главная героиня мюзикла с удовольствием поворачивала голову навстречу танцующей кисточке. Гример совершенно спокойно обернулась и, хлопнув ресничками, пискнула в ответ на мой крик:

— Пудра потекла, ей нужно другую, полюбэ заблестит на премике.

Задохнулся от возмущения:

— Видели? Вот что я называю контрапункт. Теперь поняли?

Общий смех.

— Всем спасибо. Давайте переспим с этим. Как тебя зовут-то?

— Маша.

— А что такое «премик»?

— Премьера! Ну вы дэ!

Марию приняли в команду в день той забавной репетиции «с контрапунктом» и общего похода в ресторан «Генацвале».

Столы сдвинуты. Хачапури с киндзмараули, сациви с хванчкарой, лобио с саперави, чурчхела с ахашени, разговоры с улыбками. Эффект Кахетии. То, что объединило в один и тот же момент грузинских усачей за деревянным столом тбилисского кафе при потекших свечах, поскольку опять отключили электричество, русского миллиардера за инкрустированным столиком в частном самолете Gulfstream, небрежно шепчущего в розовое ушко стюардессы, которая не зря вчера оставила ползарплаты в салоне красоты, сытую взъерошенную птицу с измазанным клювом, только что поймавшую поток ветра, да еще и шумный коллектив мюзикла «Сити» в ресторане, где готовят долго, а едят еще дольше. აბჯობო. Ахашени. Крупные, будто муляжные гирлянды винограда сорта «саперави» на холме за каменной церквушкой, у селения Ахашени в Гурджаанском муниципалитете Грузии. Легкая терпкость с тонами экзотических фруктов. И пресованное, забродившее, разлитое по бутылкам чувство.

Мария... Какая улыбка! В Москве не умеют так улыбаться, восхищаться, смотреть в глаза. Девушка с Севера, училась в Нижнем, в Москве недавно.

Словно Аленка с шоколадки — ожила, выросла и стала красивой, как кукла.

Мы проговорили весь вечер. Лишь под конец я понял, что за четыре часа бурного общения она ничего не рассказала. Долго и радостно обсуждала сегодняшнюю погоду, гордо поведала, что живет одна, хотя снимает квартиру с подружкой. И, собственно, все. Главный

секрет столь интересной для меня дискуссии таился, помимо физиологического влечения, в ее «актуальном» умении сокращать слова.

— Гуд, что мы на рэ.

— То есть хорошо, что мы в ресторане, — легко переводил я под конец беседы.

Она нахмурилась, задумалась. Потом улыбнулась:

— Ну да, в рестике.

— А какой твой любимый рэ?

— На Кропотке хо, и др.

Я невольно поддался чарам простоты. Маленькая головка, в которой мозг поместился бы с трудом. Распахнутые глаза и тихая улыбка. Точеная фигурка. И крапивообразные, зовущие к поцелую губы. Было тепло от одного созерцания.

Нагрязнили мои «однополчане», выпускники ВГИКа. На Машу тут же уставился Юлик — обжигающе-немигающими глазищами. Полгода назад, во время ознакомительной поездки вгиковцев в Госфильмофонд (по адресу «Белые столбы и направо»), он так непристойно набрался, что расхаживал в жанре неприкрытого ню по «объекту культурного наследия народов РФ».

Полногрудая Ольга, бывшая староста группы, с ходу объявила приказным басом:

— Стас, давай так. Музыка — это твое. Арт-хаус — Юлика. А постановки и фильмы про обычных людей и их земные взаимоотношения — это мое!

— А нам что, снимать про хорьков в космосе?! — завизжал Виктор.

Когда ему стукнуло сорок, он продал бизнес, поступил на режиссерский и купил квартиру в Пальма-де-Майорке, чтобы там спокойно, ни на что не отвлекаясь, монтировать фильмы. Оставалось только их снять.

Последняя сценарная заявка Виктора начиналась зловеще: «Ночь. Подоконник. Тарелка. Чистая белая тарелка. На тарелке гайки диаметром 17 мм».

— Вить, представляешь, а я то же самое хотела спросить у Дэвида. Хотела выцепить его с пресс-конференции, побалакать о нашем, про красную йогу, но охрана не пустила! — Документалистка Юлия гордо озидала притихших друзей, крупный прыщ на ее лбу напоминал настоящий третий глаз.

Присутствующие без лишних пояснений догадались, что «выцепить» предполагалось «все-то навсего» автора «Человека-слона», «Твин Пикса» и «Шоссе в никуда», лауреата «Золотой пальмовой ветви», Его Психоделичество Дэвида Кита Линча.

— А я бы про хорьков спросил у Альмодовара, тоже хороший режиссер! — усмехнулся Виктор.

Все обернулись к Юлику. Он вскочил, часто задышал, покраснел. Потом замахал руками и стал подпрыгивать. С губ слетали слюни и обрывки фраз.

— Никогда... Ничего... Никогда... Вообще никогда не говорите... про... про... Аль... модовара! — Юлик остановился и возвел руки к плафону светильника. — Да я готов задницу ему расцеловать!

Тем временем танцовщица массовки втиснулась между мной и столом, уперлась в мое лицо филейной частью, и стала долго что-то вытаскивать из клатча, лежавшего на свободной стороне стола. Певица, с которой у меня было пару раз, то и дело просила огня, чтобы закурить. А официантка слишком часто и слишком интимно спрашивала, что еще принести.

*Еда приносит больше удовольствия,
Чем женщина, чей голос нарочит.
Побольше в холодильник продовольствия!
Но, впрочем, если женщина молчит...*

— Не обращай на них внимания! А лучший все равно Антониони, — подмигнул я Маше с апломбом маститого режиссера. — Поэт отчуждения, правда, не особо жаловал закадровую музыку, считал ее дешевой манипуляцией, но даже у него танцы в *La Notte*, классный саундтрек в «Забриски Пойнт». Умер в позапрошлом, в один день с Бергманом.

«Киношная распальцовка» не очень-то сработала. Мария заскучала, застегнула сумочку, встала.

Я предложил подвезти. Не успела дверь такси хлопнуться, позвал к себе. «Аленка с шоколадки», не глядя на меня, пробормотала что-то про «в другой раз». Я настаивал, «почему не сегодня», лез с поцелуем. Она отстранилась, а причину назвала первую попавшуюся — не было с собой зубной щетки и расчески. С чувством интеллектуального превосходства (несомненно, ложным) вцепился в конкретную причину отказа и, не дав девушке опомниться (как мне казалось), попросил таксиста припарковаться у подъезда ее дома исключительно для того, чтобы она сбегала за умывальными принадлежностями и вернулась обратно. Покорно поехала ко мне. Сначала осталась на одну ночь, потом на вторую и так далее. Мгновение то и дело норовит растянуться на полжизни. Особенно если утро после ночи начинается с готового завтрака и на все готовой девушки.

Все шептались, осуждали, мол, стирает и готовит, мол, кухарка-эскорт. А я был счастлив. Маше можно было ничего не рассказывать, ведь она все равно не многое

запоминала, и ничем не удивлять — ее устраивало все. Каждый вечер в ее тишине или косноязычном стрекоте был похож на маленький отдых на теплом курорте. И по утрам, когда она с видом заядлой хозяйки хлопотала у плиты, очередная порция переваренных макарон или недожаренного омлета казалась очень вкусной.

Машутка напоминала мою милую бабушку. Которая так любила дедушку. Которого так любил я. И без которого жизнь начисто потеряла смысл. Дед отказался от первых еврейских красоток ради тихой провинциалки. Она приехала к нему в Москву без вещей и приданого. Она ночами изучала Устав КПСС, всегда хотела вступить в партию, на всю зарплату патриотично покупала советские облигации вместо хлеба. И любила деда до последнего вздоха.

Эх, Машутка...

Перед премьерой

*У меня только я.
У тебя только ты.
У нее лишь она.
И у нас только мы.
Потому что есть я!
Потому что есть ты!
И, конечно, она!
И, наверное, мы...*

Хорошо помню сутки до премьеры.

Тогда я снимал однушку на верхнем этаже панельного дома на Высокой. Обои с подтеками, крепкая старая мебель и замечательная широкая кровать из ИКЕА, которая занимала значительную часть пространства комнаты и была крайне необходима при моем образе жизни.

Если бы та кровать могла ожить, она стала бы моей идеальной подругой — умеет хранить секреты, не скрипит, не ревнует, всегда можно положиться. Кстати, при обоюдном превращении предметов в людей, а людей в предметы, новые люди вымерли бы из-за нас, предметов, ведь при таком раскладе все расклеится и станет никудышным: кровати будут чуть что ломаться,

компьютеры ловить «глиюки», чайники «тупить», соски глумиться, торговые и парковочные автоматы бесконечно заглатывать купюры, любые вещи мешать жить, а светофор непрестанно гореть красным из принципа (как говорится, ни себе, ни людям).

В коридоре поздоровался с соседкой. Марионеточно качая головой, старушка проскрипела свое вечное:

— Сгорим, ой, сгорим! Точно сгорим.

Старуха каждый вечер повторяла угрозу, причем с одинаковой горечью и убежденностью.

В десять вечера в дверь позвонила управдом. Толстые ноги в тапках, халат, хмурые брови в линию.

— Сергей приходил?

Своего арендодателя Сергея я не видел уже полгода. Между запоями он гастролировал по Подмосквовью: ремонтировал квартиры исключительно у одиноких женщин и с обязательным скандалом. После месяца совместного проживания дамы обнаруживали разрушенную ремонтом квартиру, недостачу чего-нибудь серебряного или золотого в серванте (шкатулке/матрасе/секретном пакетике среди белья или простыней) и к тому же незапланированную беременность.

Управдом, не дожидаясь моего ответа, с силой захлопнула дверь. Сцена повторялась еженедельно и каждый раз была предзнаменованием неприятностей.

Машутка, тоже в халате, перебирала вещи.

— Не хочешь заняться чем-то более интеллектуальным? — раздраженно брякнул я.

В ответ Маша заморгала и загадочно промолчала.

— Гарь! Гарь чувствуешь?

Маша заморгала еще чаще.

Подхожу к окну. Вместо классического абстрактного пейзажа «Трубы ТЭЦ полуночной Москвы» вижу подо-

зрительную картину «1999-й. С огоньком, или Синий туман похож на облом». Открываю окна, снизу валят клубы гари.

— Пожар!

Услышав мой крик, Маша села и возмущенно ударила руками по коленям. Мол, «вот сволочи!» А я тем временем возился с огромным пижонским светло-голубым чемоданом Bric's, который превосходил размерами и нахальной расцветкой всех своих чемоданных конкурентов. Аккуратно, пожалуй, чрезмерно спокойно, положил на дно документы, ноутбук, какие-то Машины вещи и свой белый костюм.

Уважение к собственному костюму теоретически сближало меня с супергероями комиксов. Причем вскоре к костюму прибавится и супергеройская мания самосуда, и организованный враг, и тайная жизнь, и необычные способности, и почти несгибаемая воля. А если серьезно, без бэтменства и спайдерменства, то за показной преданностью вещественному миру, возможно, скрывался страх ботаника-затворника перед миром одушевленным.

Один обойдет целый свет, не выходя из панциря (или клетки, или четырех стен). А иной от первой искры выскочит в открытый опасный мир.

— А рэ?

— Ресторан? А, рубли!

Достал из тумбочки две пачки тысячных, погладил Машутку по голове, накинул на нее плащ, взял за руку и так, компактенъко, с Машей и чемоданом, пошел из квартиры. Машутка вдруг браво развернулась, желая напоследок проявить хозяйственность. Торжественно прошла по квартире. Ее настороженный взгляд остановился на холодильнике. Нахмурившись, она прибли-

зилась и поправила сувенирный магнит. Затем резким движением вырвала провод из розетки. Холодильник поперхнулся собственным звуком и замолчал. Удовлетворенная содеянным, Маша гордо вышла вслед за мной.

Мы сели на скамеечке. И каждый, кто входил и выходил из тусклого подъезда, смотрел на нас, как на сумасшедших. В насмешливых взглядах читались вопросы. Зачем этим идиотам ночью такой большой голубой чемодан? И вообще, чего ради эта смешная парочка вырядилась в тапочки и куртки поверх халатов, не вздумалось ли им подышать свежим воздухом в полночь рядом с ТЭЦ и Каширским шоссе? При этом дымящее окно никого из жильцов не интересовало в принципе.

Пожарные приехали, чтобы тотчас уехать. Пока они добирались, квартира выгорела, пьяный хозяин сгорел. Ночью Маша крепко спала, а я, богемный неженка, задыхался от гари.

Все утро и часть дня Машутка гладила мою рубашку «на премик». Накрахмаленный, выбритый, причесанный, в костюме, я скакал по лестничным пролетам. Лифт, как всегда, не работал. Снизу слышались грудные, грубые голоса.

— А мне, Люсь, нужен сильный яврей. Крепкий такой, настоящий такой яврей, Люсь!

На площадке третьего этажа курили две толстые домохозяйки в спортивных костюмах. Застыли. У одной из пальцев выпала сигарета, у второй дымящийся окуроч прилип к нижней губе раскрытого рта. Они смотрели на меня как на явленное чудо. Казалось, если я вознесу руку — обращу их в любую веру, коленопреклоненных и кающихся. В лучах мигающих ламп дневного

света, сияющих вокруг моих кудрей, с благостным взглядом и небесным благоуханием Chanel Platinum Egoiste вокруг костюма Nina Ricci, сотканного из шерсти новозеландских овец и купленного в Петровском пассаже на последние деньги, я проплыл мимо них дальше — в жизнь, в боль, в свою премьеру.

Солнце плеснуло в глаза кислотой весны. Жмурясь, я спешил к метро.

Встречный наркоман, увидев костюмированного меня и, по всей видимости, получив неожиданный приказ прямо из космоса, подпрыгнул и попытался сшибить меня шаолиньским ударом ноги. Не задержавшись ни на секунду, продолжая движение в том же темпе, я ловко пригнулся под пролетающей ногой. И пошел себе дальше, не оглядываясь на грохот (бедняга явно не удержал равновесия), как будто произошел обычный ежедневный ритуал. В метро полупьяный верзила гаркнул: «Чо ты лыбишься?!» — тогда я посмотрел на черные катакомбы в окне, и улыбка, действительно, улетучилась. Но снова вышел к свету. И снова — до ушей. Солнце, думал я про себя, спасибо за такую весну.

А ведь когда-то, в точно такой апрель, мой любимый дед не спал в очередях трое суток, чтобы попасть на выставку трофейных картин Дрезденской галереи в Пушкинском музее. Там он впервые увидел «Сикстинскую Мадонну» Рафаэля Санти и «Девушку, читающую письмо у открытого окна» Яна Вермеера. На первую, кстати, похожа Машутка, на вторую — рыжекудрая зазноба, которую я встречу на премьере мюзикла.

Пожалуй, именно дедушка, кумир моей юности, повлиял на мою страсть к мюзиклам, соединяющим красоту постановки, декораций и музыки. Когда-то он нарисовал через трафарет золотой краской псевдообой

у себя в комнате — в коммуналке на улице Огарева. Обои были выполнены в духе декораций Бакста для дягилевских Ballets Russes. А еще в детстве он пел в церковном хоре. Дед знал арии из всех популярных опер, а став водителем при Министерстве культуры, лично поблагодарил Клавдию Ивановну Шульженко за ее вклад в эстрадное искусство.

Дэнс-мюзикл «Сити» (фрагменты)

*Эта поэма легла на ноты.
Ритмы, диджей, готовь.
— Кто ты?
— Любовь.*

*

*В городе выхлопы. Запах ванильный.
Дым поднимается под углом девяносто градусов.
Круг солнца рассыпается на миллионы радиусов.
Архитекторы радуются:
В городе отсутствуют горизонтальные линии.
Тянутся шеи, напрягаются спины,
Дороги скручиваются в спирали, пружины.
Лифт скоростной пробивает крышу.
Вертикальное эхо — ничего не слышу.
Вытянуты вверх движения, порывы,
Если вы не упали, то, наверное, живы.
Служебные лестницы, безумия пропасти.
Крутятся пропеллеры, сверкают лопасти.
Грубые судьбы, как рисунки на скальных.
Вер-ти-каль-ны-е.*

*Вверх!
Вниз.
Снова вверх!
Жаль, но..
Мне это все — вертикально!*

*Расскажу о себе. Мне двадцать три.
Но, если верить в реинкарнацию, держу пари,
Мне — тысяч пять одиноких лет.
И я до сих пор не оставил след.
Был волнорезом, когда был камнем,
Деревом в поле сухим, пока мне
Случай не представился стать человеком,
Трижды уничтоженным прошлым веком,
В 1976-м
Я вновь появился на свет. Потом
Поехал на море, влюбился в девчонку.
Расстался. Пил. Чуть не посадил печенку.
Проснулся. Увидел вертикальный город.
Побрелся, причесался, был молод и горд.
Взял кредит, жвачками скрыв перегар.
Купил на окраине огромный ангар.
Трахал там женщин. Объятьями потными
Заменяя девчонку с золотыми копнами.
Забыл о пустой карусели, о пляже,
Забыл о песке на щеке ее даже,
Забыл навсегда сладкий вкус ее кожи.
И слезы ее. И свои слезы тоже.
Устал от людей, и от клонов, и хоббитов.
В ангаре я начал выпускать роботов.
Конвейеры, прессы — их мир не знает горя.
Роботы — не помнят полыхающего моря!*

*

Длинный ноготок
На кнопке «стоп».
Слабый биоток
От век до стоп.

Слитые тела
Теряют пульс.
Полубняла.
Не шевелюсь.

Сил укрыться нет.
У нас озноб.
Задержись, рассвет,
На кнопке «стоп».

Стоп, автомобиль,
Бродяга, стой.
Ты всю ночь клубил
Совсем не с той.

Стоп, часы в домах,
И стоп, метро.
Стоп, огни впотьмах,
Как серебро.

GSM-эфир,
Ночная высь.
Дикий этот мир,
Остановись.

Вяжем темноту
На небоскреб.
Удержав мечту
На кнопке «стоп».

*

*Люди бегут повсеместно.
Рвутся из пробок.
Тесно
Даже внутри черепных коробок.*

*От суеты ошалев,
Люди быстрее мчатся по суше.
За каждым тянется виртуальный шлейф
Дел, встреч, разлук, потрапушек.*

*Игра в монополию ради монет.
Глобализация. Мир преступен.
Абонент
Недоступен.*

*Включи телефон. О времени поговорим.
О мелькающих цифрах столетия, года.
Каждый сверкающий миг неповторим.
И он уплывает, как соединение кислорода и водорода.*

*Криобиология, цифровая реальность — пока
Напрасно любое научное усердие,
Только любовь — до подсознания, до ДНК —
Только любовь дарит Бессмертие.*

*Сквозь неба брезент
Бью в лунный бубен.
Звоню тебе. Абонент
Недоступен.*

*Свежий номер «Сити» покупаю в киоске.
Буквы высыпаются из журнала сами.
Выскакивают заглавия в глянцевои лоске
И красотки, забыв на страницах лифы с трусами.*

Включи телефон. Посмотри, что творится.
Раскачиваются здания, рвутся генные нити.
И это еще не перевернута главная страница
Нашего с тобой журнала «Сити».

Лови этот момент!
Ответ недружелюбен.
Абонент
Недоступен.

*

— Привет.
— Привет.
— Где мы?
— В мире.
В слоях и отблесках мира.
В природе, в квадрате Казимира,
В прямом эфире.
— Кто мы?
— Элементы замысла. Фрагменты смысла.
Участники любовных соитий.
Буквы глобального журнала «Сити».
Люди, знаки, числа.
— Мы живы?
— Конечно. И мы торжествуем.
Мы шагаем по городу, среди таких же как мы,
смеющихся, беседующих.
В этой жизни и в следующих —
Мы любим, следовательно, существуем.
Свет каплями стекает с жести.
На деревьях гирляндами качаются листья.
Пахнет клевером, углекислым газом, асфальтом,
высью.

Выполнена наша человеческая миссия.

Мы вместе.

— Я люблю тебя.

— Я люблю тебя.

— Люблю.

— Люблю.

Научные трактаты о любви.

Из HTC Touch Pro выложено в Twitter

Манипуляция

Высокое искусство женщины — умение заставить мужчину сделать то, что хочет он, но что на самом деле хочет женщина.

Искусство женской манипуляции основано на примитивной конструкции мужской психики.

Виртуозная техника женской манипуляции позволяет мужчине не чувствовать дискомфорт, а часто и получать удовольствие при исполнении женских прихотей.

**Мужское качество,
пригодное
для манипуляции****Формат/образец
манипуляции**

Игра на мужском чувстве
противоречия

«Хорошо, зай, если не хочешь, давай тогда завтра это купим (черт-те где с черт-те какими муками), чем покупать это прямо здесь и прямо сейчас»

Игра на мужской
сексуальности

«Если ты мне вот это прямо сейчас дашь, я тебе в постели вот так / такое потом, возможно, скоро — дам!»

Мужское качество, пригодное для манипуляции	Формат/образец манипуляции
Игра на мужских фантазиях	«Если ты мне вот это прямо сейчас дашь, я скоро позову к нам подружку»
Игра на мужском упрямстве	«Но оно же красивое, ну и что, что дорогое! Ну зай!.. Хорошо, как скажешь, эх, жаль, ладно, покупаем Galliano и уходим ни с чем»
Игра на мужской жадности	«Смотри, какие цены! Ух ты, смотри, а это почти даром!»
Игра на мужской расчетливости	«Не хватает нала? Тогда заплати за меня карточкой, а я отдам тебе твою наличку!»
Игра на мужском чувстве прекрасного	«Посмотри, как мне идут эти сережки! {далее, примеряя, сделать глазками в стиле «Кота в сапогах 3D»}
Игра на мужском чувстве ужасного	«Что? Да ты... моржовый... старый, да пошел ты... да я тебя... да я тебе... да ты будешь ..! Понял меня?!»
Игра на мужском тщеславии, амбициях, жажде лести	«Ты меня удивил. Ты такой сильный / умный / симпатичный. Круто, что ты решил это сделать». Или: «Ну что, супермен, куда пойдешь? / Хочу тебя. Весь день вспоминала ночь. Ты лучший. Не забудь про...»
Жесткая манипулятивная игра на мужском желании быть самым лучшим	«Ты у меня самый лучший!»

**Мужское качество,
пригодное
для манипуляции**

**Формат/образец
манипуляции**

Игра на мужском интеллекте	«{хлопая ресничками} Уау! Я не все поняла, но круто, молодец. А еще расскажи! {после его подробного рассказа} Классно. Очень круто. А что такое «акция»? Только расскажи по дороге в ресторан / магазин, ладно?»
Игра на мужской наивности	«У меня ведь... месячные / ПМС / грудь болит / болит низ живота / голова/ноги болят — туфли плохие // трудный период — нужны деньги / нет денег // звонил бывший // подруги дома / был день рождения подруги // телефон не работал — зарядка кончилась // надеть нечего // работа»
Игра на мужском мазохизме	«Езжай, наконец, в магазин!» / «Работай, милый, нам деньги нужны!» / «На тебе — кашки, ночная смена и покупки! Я и так с ребенком все остальное время!»
Игра на мужском трусливом садизме	«Шлепни меня! Все, хватит» / «Можешь взять за волосы, только аккуратно!» / «Сожми грудь, но не сильно»
Игра на мужском желании быть нужным	«Ты мне нужен!» / «Можно с тобой посоветоваться?» / «Ты во сколько заканчиваешь? А то я тут ходила по магазину и подумала... о тебе»
Игра на мужской логике	«Мы через такое прошли, мы столько были вместе, ты столько мне купил, в конце концов, — зачем нам расставаться?»

Мужское качество, пригодное для манипуляции	Формат/образец манипуляции
Игра на мужском желании похвастаться	«Видишь, я у тебя самая-самая, особенно в этом платье!»
Игра на мужской любви к автомобилям	«Вышел новый Porsche Cayenne. Поехали вместе на тест-драйв!»
Одновременная игра на мужском страхе одиночества и мужской любви к автомобилям	«Скучаю... хочу к тебе! Заедешь?»
Игра на убеждении мужчины, что его не понимают, и надежде, что хотя бы одна его поймет	«Я тебя поняла!» / «Круто» / «Ты молодец!» / «Они тебя не понимают!» / «Ну, мы-то с тобой знаем!»
Игра на мужском страхе жениться	«Я, кстати, против брака! Я считаю это вообще ненужным! Можно просто... жить вместе!»
Игра на основной мужской слабости	«На, покушай!»

Рецепты

Моя мама умеет готовить.

Она прочитала, наверное, все книги, изучила мир на своем опыте, познала много горя и мало счастья, говорит красивыми строчками лучшего романа, который не будет написан. И умеет готовить...

Мой любимый дедушка помнил настоящий вкус каждого блюда. Ведь его мама, которую он носил на руках, замечательно кухарничала. Поэтому кстряпне дочери дед относился критически. «Ну, сервировать стол она умеет», — говаривал он. И тут же уточнял: «А что ты имела в виду приготовить?»

Мама не знает, что со мной, где я, с кем я. Но если я порой зайду к ней, или не зайду, но в душе очень хотел бы зайти, она идет на кухню.

Ее руки месят тесто, но мне кажется, в ее руках солнечные лучи смешиваются с мякотью судьбы, чувствами и стихами, будто она выпекает чью-то жизнь. Может быть, мою.

Запеканка с фруктами

500 г творога

$\frac{1}{2}$ стакана сахара

3 яйца

3 столовых ложки манки

Выложить на противень, сверху воткнуть кусочки яблок и апельсина.

И в духовку на 40 минут: выпекать при температуре 180 градусов.

На полпути к середине книги

Середина часто приносит разочарование. Особенно если сравнивать с началом.

С возрастом мы превращаемся в персонажей. А герои книг — в тряпичных кукол в усталых руках.

И все же. В середине порой даже маленькая перемена стоит всего пройденного пути. Что уж говорить про мой грешный путь. Прогулочка в пол-Европы и пол-вечности. На мой взгляд, весьма любопытные воспоминания о воздушной гимнастике под куполом неба, в звездных софитах, когда незрелый паренек балансировал без страховки на зыбкой оси любви.

Вторая встреча

После премьеры я вернулся с Машуткой на Высокую. Устало повернул ключ. Дверь не открывалась. Надавил плечом, с трудом отодвинул. И увидел гору битого бетона. А сверху — звездное небо с клочьями облаков и полную луну по центру. Крыши не было. Она квадратно, по границам стен, упала вниз — на пол квартиры. Машутка плакала — впервые с нашего знакомства. Но не в последний раз.

— Бывает, — объяснил мне по телефону бывший одноклассник, который служил на Лубянке и в СБ табачной компании. — Слышал, есть такой секретный гель. Все прошибает. Кому-то ты, видать, круто насолил, запугивают!

Наутро по Интернету забронировал миланский Carlton Baglioni, заранее прочитав о нем на сайте Trip Advisor. Пара из Нью-Йорка написала про отель прагматично: «It was our honeymoon. Once we arrived the staff told us our room was not ready. This was understandable since we got there pretty early. They held our luggage and we went off shopping. The location is perfect for serious shopping», итальянец добавил, что «otel ottimo, posizione perfetta», а какой-то японец воскликнул: «快適な滞在でした». Мнение японца убедило меня окончательно, и я вбил номер кредитки.

Продюсеру и актерам по телефону сообщил о срочном отъезде в разгар весеннего сезона, вызвав всеобщий нецензурный гнев. Искренне радовался за меня и одобрял поездку лишь второй режиссер, мой помощник-стажер, студент пятого курса ГИТИСа с зеленой кожей и длинными речами об искусстве. Он явно надеялся на повышение.

Счастливая, что у нас «лэ» (любовь) и что у нее «ше» (шенген), Маша с двойным усердием отдавалась мне в Милане. В благодарность наряжал ее ярко, как елку, покупал цветные платья в Etro и дешевые шмотки в Max & Co. «Модница», — дразнил я ее. Она ласково улыбалась в ответ.

В третью миланскую ночь меня неожиданно разбудили. Еще не проснувшись, понял — тормозит какая-то родная, любимая ладонь. С улыбкой открыл глаза. В тусклом свете увидел над собой двух красавиц. Рыжую, в роскошной кожанке, и поодаль Машутку, в вафельном отельном халатике.

Рыжая засмеялась. Я вскочил.

Вот Маша, бледная и немая. И вот ослепительная гостья, в крупинках ночной влаги на волосах. «Незнакомка» прильнула ко мне и увлекла в бездну поцелуя. Я забылся, падая в неизвестность. Где-то далеко, собирая вещи, кричала Маша.

Дверь захлопнулась, наверное, с грохотом, но для меня это был далекий, ватный звук. Не распахнутая московская и захлопнутая миланская. Doors Джима Моррисона между познанным и неизведанным. Двери восприятия Хаксли — прочь из устаревшего времени и пространства. Вот в чем косяк. Вот где порог. Только протяни руку к скважине — мирра любви потечет с перстов на ручки замка, как в Песне Песней.

Думаю, в ту ночь заработал необратимый процесс моего преобразования, превращения в мужчину. Когда, к примеру, заводишь часы, то крутишь заводной механизм. Когда заводишь женщину, заводной механизм крутит тобой.

Маша, Машутка, красивая моя, прости.

*Последний Блюз.
Блюю, плююсь,
Но снова пью,
Да, да, да,
Хрусталь из люстр,
Любовь из уст,
Мечту твою.
Да, да, да,
Последний Блюз. Йе.*

*Ушла в семь.
Насовсем.
Остались только
Твоя заколка,
Зубная щетка.
И память кожи:
Касанья обжиг,
Почти щекотка,
Осталась тоже.
Мне счастья мало.
Все ерунда.
Ты и не знала,
Что ты уходишь,
Да, да,
Совсем уходишь,
Да, да, да —
Навсегда. Йе.*

*Дайте, дайте, дайте
Еще одно тело — я вытью душу.
Еще один берег — я вытью сушу.
Ну хоть однажды, молю,
Утолите жажду мою,
Дайте, дайте, дайте
Музыку. Последний Блюз.
О, йе!*

Paroles, paroles, paroles

Валялись. И снова занимались любовью. Как вилки из старого наркоманского анекдота, которые упали — и давай валяться. Заказывали в номер ужин, звонко игрались металлическими крышками для блюд, вместе ели, свесив ноги с постели. И вновь любили друг друга. В ее страсти таилось что-то звериное, дикое. Она рычала перед оргазмом, слепо кусалась, впивалась когтями. За нанесенные увечья извинялась — тоже по-звериному. Фырчала, таким милым хомяч-ком, часто-часто вдыхая и выдыхая, своеобразно соединяя передние зубы с нижней губой. Получались милые ффрр-извинения — а я и не обижался.

Прервали молчаливые споры на кричащем языке тел лишь на следующие сутки. Я ликовал, словно случайно открыл светлый секрет Вселенной, да еще умудрился удержать его в руке.

Сквозь приоткрытую штору на простынь между нашими телами падала ломаная линия света.

— Не пора ли познакомиться... — Я не узнал собственный голос: тенор джентльмена без бабочки.

— У меня нет имени. Придумай его.

— С ума сойти. Хочешь поиграть? Допустим... Ева.

— Пойдет. Ты первый гений, который меня так увлек.

Ее рука на светлой полосе. Моя сверху. Мягкий свет слабо согревает мои фаланги, проигрывая глубокому теплу внутри ладони, от ее нежных пальчиков. Разомлев, промямлил:

— Какой гений, о чем ты.

— Режиссер и параллельно ученый. Сначала меня поразила твоя «Архетипическая лингвистика в юморе». Лихо ввел новый термин и структурировал архетипы. А твоя недавняя научная статья «Психология юмора»... Нечто! Переворот!

— Откуда знаешь? — Отпустил ее руку. — Статья еще не вышла.

Она улыбалась, наблюдая за моей реакцией.

— Я давно слежу за потенциальными гениями. И некоторых обязательно спасаю. Революционная тема, поверь. Считай меня, так сказать, Че Геваршей. А потом, если сохраню хоть с десятков гениев, наеду на глобализацию и транснациональные холдинги. Но, видимо, теперь не успею.

— Рот Фронт! Но пасаран! — поднял кулак в шуточном приветствии. — Прикольно, продолжай!

— Есть первая организация антиглобалистов People's Global Action. Я придумала им лозунг «Ya Basta» — «С нас хватит!». Потом бросила мексиканских сапатистов, потому что поссорилась с их субкоманданте Маркосом. «Четвертая мировая война началась» читал?

— Ничего себе, шпаришь! Отличная импровизация.

— Он скорее марксист-анархист-маоист, чем настоящий антиглобалист. Скоро, кстати, будет заварушка в Сиэтле. Хорошо бы переименовать город в Кобейнсита, в честь Курта. Против форума ВТО под нашим лозунгом «Мобилизация против глобализации» выступят тысячи людей. Мы создаем информагентство антиглобалистов Indymedia.

— Тише-тише, слишком быстро.

— В Сиэтл не поеду, буду в Испании — поменяю лицо.

— Замри! Как Моника Витти в «Затмении». Bravo, отличный монолог! — Я засмеялся и вальяжно похлопал, трижды ударив в ладоши. — А серьезно? Как ты нашла обе статьи? Только друзья знают про мое хобби. Признавайся!

Она изобразила разочарование и скуку так властно, что я не смел продолжить расспросы. На ее стороне была сила обаяния. Изображая оскобленное самолюбие, симпатично надула нижнюю губку. На ее стороне было и солнце. Лучик заглянул в ее розовое ушко, потом скользнул на аккуратный прямой носик.

— Давай еще, мне нравится! Могу подыграть. Ты сказала — «спасаешь гениев». И что, ты спишь со всеми «спасенными»?

Она взглянула на меня ласковыми зелеными глазами. И наизусть, слово в слово, стала монотонно повторять мою статью в 25 000 знаков:

—Афористическое использование фразеологических единств, сочетаний и сращений...

— Хватит, хватит, — прервал я. — Ну и память! Мои актеры «с листа» не запоминают, месяцами учат. Я ведь решил снимать кино, буду искать продюсера. Так что, считай, прошла кастинг.

— Сейчас или ночью?

— Еще в гримерке. Задача режиссера — проникнуть в актрису, понять ее изнутри...

— И путь ее в искусство проходит через сауну? Не парься. Авангарду реждвижения не до игры.

— Да я пошутил. Значит, ты просто моя первая фанатка?

— Ну-ну, не зазнавайся. Ты смог доказать, что люди шутят, как роботы, — всегда одинаково! Причем вообще все люди, во всех концах света! У всех одни и те же шутки, с одинаковыми логическими, лингвистическими, образными, архетипическими, смысловыми и прочими ходами. И главное, все систематизировал! Не нашла ни одной ошибки. Таблица Смелянского когда-нибудь станет известнее таблицы Менделеева! Получилась универсальная штука для всего искусства. Фильмы, спектакли, бестселлеры — все можно создавать по твоей системе, супер!

— Точно фанатка. Дай поцелую, — потянулся, чтобы чмокнуть.

Она отстранилась, продолжая в том же тоне:

— Одно «но». Ты в своей работе дал человечеству шанс развиваться. Как бы открыл перспективы развития юмора. Что пока недоказуемо. И, похоже, неверно.

— Лучше было бы «одно ню», а не «но». Все там верно! Люди не звери и не роботы.

— Уверен? А вдруг они рабы?

— Чьи?!

Она обхватила губами мой член.

— Опять? — притворно возмутился я. И тут же заметил острую вспышку света.

На полу блеснула Машуткина сережка: наверно, обронила в спешке.

Научные трактаты о любви.

Из ноутбука Vaio загружено в Odnoklassniki.

Пирамида

Пирамида потребностей Маслоу — навеки! Главное ее вовремя «обновлять» и уточнять, чтобы гуманистическая психология не отставала от реальной жизни.

Потребность из пирамиды	Пример потребности	В преломлении к женщине	В преломлении к мужчине
Самореализация	Достичь высокого результата	Родить ребенка и воспитать мужа	Заработать столько, чтобы женщина была всем довольна и больше не беспокоила
	Делать то, что больше всего нравится	Не работать	Работать
Самоуважение	Обладать материальными ценностями	Иметь под рукой то, что есть у мужчины, плюс все то многое, что нравится женщине	Иметь туло деньги
	Чувствовать себя уверенно на мероприятии	Приехать в шикарном автомобиле, дорогущих туфлях, ослепительном платье и брюликах	Как угодно, главное с полной кредитной карточкой

Потребность из пирамиды	Пример потребности	В преломлении к женщине	В преломлении к мужчине
Любовь	Любить и быть любимым по количеству	Любить! Одного! И только его! Каждый раз! А уж раз на раз — сами понимаете	Любить многих женщин (в том числе одновременно)
и принадлежность	Любить и быть любимым по времени	Всегда	Хоть иногда
Безопасность	Война ради мира, атака ради защиты	Взорвать мужчине мозг / Стрельнуть взглядом / Возбудить так, чтоб дымился	Все выполнить, что скажет женщина, а потом на нее профилактически гаркнуть / Окружить и атаковать армией сперматозоидов, чтоб не рыпалась / Выполнять любые приказы с видом главнокомандующего
Физиологические потребности	Физиологические нужды	Делать шопинг / Жрать и не поправляться / Моргать, как Барби / Открывать коробки и корбочки с подарками / Получать цветы / Орать на мужа / Прикидываться блондинкой / Ждать принца / Хотеть и требовать заботы и ухаживаний со стороны мужчины в режиме «нон-стоп» / Истерить в ПМС	Ссать в компот / Плевать в колодец / Храпеть во сне / Ворчать / Заснуть после секса / Испытывать желание по утрам и откровенно намекать на это женщине / Туло хотеть женщину

Слова, слова

Я вскочил с кровати, потянул ее к зеркалу:

— Посмотри, какая ты красивая. И вместе мы неплохо смотримся.

Она, покраснев, отвернулась.

— Что с тобой?

— Не люблю смотреть на себя в зеркало.

Мы упали на кровать. Ева делала мне массаж. Оказавшись сверху, она перехватила инициативу и в разговоре:

— Мы неудачные клоны тех, кто достоин жить на этой планете.

Я молчал.

— Жить опасно. А со мной — вдвойне. Не боишься?

— Я ничего не боюсь.

— Что ты говоришь? Увидим! А ты... был в Риме?

Вскоре я привыкну к подобной реактивной смене тем, свойственной всем визуалам. Хотя сомневаюсь, что хоть один мастер НЛП смог бы «заякорить» или ввести в транс мою симпатичную визуалку.

— Да.

Корсо, Ватикан, Пантеон... Рассказал о своих римских каникулах после окончания ВГИКа. Именно там, гуляя по Трастевере, я познакомился с компанией

слегка обкуренных ребят с психфака МГУ и решил заняться факультативным изучением психологии юмора.

Обсуждали Италию, мол, какой город лучше. Она настаивала на Неаполе, загадочном городе на горе, чем-то схожем, по ее мнению, с израильской Хайфой. А Рим у нее ассоциировался с Иерусалимом.

— Ватикан тогда сравнишь с Назаретом, что ли? Я был в арабском Назарете ночью — страшное дело. Ой, полегче... — Она не щадила мои плечи.

— Кстати, римский Колизей построили рабы-иудеи. В курсе?

— Сомневаюсь.

— Похоже, ты еще много чего не знаешь о своем народе. О Холокосте. Тебя ждут потрясения, мне жаль тебя... «Не город Рим живет среди веков...» — нараспев процитировала она Мандельштама.

— «...А место человека во Вселенной»... Знаю. При чем здесь Холокост?

Она ударила меня по спине. Я гаркнул:

— Полегче! О'кей, продолжим. Венеция? И Лидо!

Город каналов, по ее мнению, не шел ни в какое сравнение с Флоренцией, родиной итальянских гениев.

— Хотела бы я постоять с тобой на одном мостике во Флоренции. Или целоваться на смотровой площадке у статуи Давида. А еще люблю Позитано под Неаполем, «вертикальная деревня», как ее называют итальянцы. И Капри. И Канниджионе на Сардинии.

Теперь уже я принялся за массаж, мял ее розовую спину с редкими веснушками.

— Как тебе Вена? — В географическом споре я вышел за пределы итальянского сапожка.

— Красивая, но помпезная. Лучше Прага. Уютная и роскошная. Многие Габсбурги жили в Праге. И вообще, Чехия — прелесть.

— А мой друг считает, что Прага — Лондон для бедных.

Она лихо ударила меня пяткой, согнув ножку за моей спиной.

— Ты явно не был в Праге.

— Не был, но поеду.

Я рассказал ей, как в Лондоне, чтобы попасть на чаепитие в Ritz, был вынужден на последние фунты купить себе пиджак. Как обманным путем проник в модный клуб Chinawhite с его морскими камешками на стеклянных раковинах, как пытался попасть в закрытый клуб White's, членство в котором получают, в основном, по наследству. Она хохотала:

— Я была в нем. Ничего особенного. А в Токио был? Эх ты. Там центр величиной в пять центров Москвы. А в Киото, городе храмов?

Она рассказала мне про Императорский дворец в Токио, этакий оазис среди небоскребов, про район электроники Акихабара с сумасшедшими хакерами, про то, что в модных магазинах вся женская одежда одного размера.

— Твою Японию задвинул Китай. Пекин, Шанхай и Гонконг рулят! — Оставлял борозды на ее спине, сначала розовые, потом и вовсе красные, руки устали, костяшки пальцев болели, но она не замечала беспощадного массажа.

— Ты был в Гонконге? Там половина небоскребов — панельные дома в аварийном состоянии. А на обзорную точку поднимают на ржавом доисторическом трамвае.

Удар по голове. Что такое? Ах ты! И началась битва подушками. В какой-то момент я с удивлением увидел:

она, словно маленький ребенок, раскрыв ротик, сжалась и радостно пицчала в ожидании подвоха или скрытого броска. Девочка моя, как же ты росла, если не наигралась в своем детстве. А еще меня поразила точность и мужская сила каждого ее удара. То, что ей казалось шалостью, мне уже напоминало драку, причем драку сильной со слабым.

Примирились на Швейцарии. Средневековый Цюрих, зеленый и радостный Люцерн, интернациональная Женева, рабочий Шаффхаузен и набоковский Монтрё — все у нас совпадало по впечатлениям.

— А Париж? — спросил томно.

— О, Париж...

— Париж был непередаваем...

*Необъясним, неповторим.
А мы идем, переживаем,
И говорим, и говорим.
И я забыл уже про Сартра,
Гюго, Матисса, Пикассо,
Пока от Башни до Монмартра
Крутил Парижа колесо.
Арабы жарили каштаны
У бутиков на Риволи.
И воровали хулиганы,
И умирали короли.*

Я нараспев декламировал свой старый стишок, обращаясь к резному лакированному шкафу. Обернувшись, встретился с ее счастливой улыбкой, с ее лучистым взглядом в тени длинных ресниц. Поправил ее рыжий локон, и, когда рука скользнула мимо ямочки на щеке, она успела коснуться языком моих пальцев.

— Что, моя сладкая фанатка? Между прочим, в Париже, еще студентом, я придумал вместо выпускного фильма поставить музыкальное шоу. И написал первые стихи к мюзиклу. Премьеру которого ты чуть не сорвала... Давай я наконец-то расскажу тебе, что было с моей квартирой, а ты...

— Молодец! Спасибо за стихи и массаж. — Она перевернулась, грубо продемонстрировав власть над течением беседы. — И все-таки Санкт-Петербург.

— Ах ты, командирша-Че Геварша! Что ж, а по ритму Москва.

— Согласна.

Мороженое

Белокаменный Дуомо исчез за бюстом официантки — обманчивость перспективы. Нам принесли мороженое.

К краям стеклянных вазочек магнитились лучи...

Ева радовалась, и снова чрезмерно, как ребенок.

Я с грустью посмотрел на сумки с модными брендами, занимавшие два пустых стула, — дешевое мороженое порадовало ее сильнее всех моих подарков.

Сливочная горка быстро растаяла, Ева измазалась.

— Детский сад! — ругал я, вытирая ей рот и щеки салфеткой.

Одной тонкой бумажки, вежливо предоставленной кафетерием для посетителей, явно не хватало. Измазанная красotka сориентировалась на месте. Когда официантка с бюстом, точнее, если отдавать должное пропорциям, бюст с официанткой, проходили мимо, Ева выхватила матерчатую салфетку с подноса, предназначенного другим туристам. Более того. Вытерев лицо, она умудрилась баскетбольным полукрюком подбросить грязный хлопковый комок так, что салфетка, будто с неба, упала на торчащую грудь официантки. Та возмущенно озиралась. Моя спутница невинно рассматривала Дуомо, она выглядела так, что я сам засомневался в ее причастности к международному инциденту.

Честно говоря, было смешно. Но я задумался над несуразной смелостью шутки и ее виртуозным исполнением. Рыжая шалунья. Она не знала, что, кроме меня, проказы видел кто-то еще. В снайперский прицел.

Покушение

Есть такая патология психики, когда человек играет со смертью. И есть такая патология бытия, когда смерть играет с человеком...

Сидели в обнимку на верхнем открытом этаже экскурсионного автобуса. Вдыхали ветер, целовались. Солнце выплескивало тысячи красок. Я оглянулся: позади нас цвета блекли, остывали.

Монумент с иглой на Пьяццале Кадорна вызвал ажиотаж у группы японцев, они верещали и смотрели через глазки японских фотоаппаратов и видеокамер, сделанных в Китае. Звук в наушниках снова пропал, я наклонился пошевелить штекер. Автобус качнулся, я буквально повалил свою спутницу на узкую скамейку.

И тут началось необратимое изменение реальности, страшное и ритмичное, под тяжелые удары перепуганного сердца. Ева с силой оттолкнула меня, мы упали на пол. Синхронно оглянулись: на спинке скамьи чернели две дыры... Свежие следы от выстрелов. Траектория очевидна — в наши головы целились с крыши. Взвизгнул металл поручня — новый выстрел? Заголосили японцы, сохраняя и в крике характерное интонирование. Схватила меня за руку и кивнула. Понятно. Автобус продолжал круговое движение, угол для снайперской атаки

постоянно менялся, а значит, появился шанс выжить. Помню громкий удар сердца перед прыжком. Словно в замедленной съемке, ясно видел летящие щепки, падающих на пол японцев. Ева проорала какой-то неразличимый приказ. Отчаянным рывком мы бросились к другой стороне автобуса и вниз. Было похоже на самоубийство. Мой первый, но далеко не последний прыжок с высоты в пропасть, мой полет в никуда, мое дежавю, мое проклятие, или обязательная репетиция настоящей жизни.

Повезло. Мягко приземлиться со второго этажа прямо на студента-итальянца, который притормозил на мопеде рядом с автобусом, надо умудриться: оба отделались ушибами, он стонал и что-то тараторил. Моя спутница была уже на ногах и помогала мне встать. Как не переломали кости — загадка. Она чуть ли ни швырнула меня обратно к автобусу, ближе к огромному колесу. А перед нами, на асфальте, лежало распластанное тело японца.

На дальней полосе таксист звонил по мобильному. Ева взмахнула растрепанной рыжей копной волос в его сторону и прошипела: «На раз, два, три!» Я кивнул в ответ. Она начала: «Раз!» Вдруг будто громко лопнула струна — видимо, совсем близко срикошетила пуля. Мы, как по команде, единым броском ворвались в желтый фиат, я заорал на таксиста: «Ten thousand euro — go, go, go!» Через мгновение мы куда-то мчались и слушали нецензурный итальянский смешанный с нецензурным английским про то, что теперь его точно уволят, что он сейчас отвезет нас в полицию, что what the fuck и что десяти тысяч евро будет маловато.

Между нами

(записано на китайский девайс
с незапоминающимся названием):
лечу!

У меня есть старый китайский DVD-плеер ВВК. Он открывает любой диск или файл. Если поставить мою жизнь, он прокрутит и ее. Сначала попробует привычные: DVD-Video, Super VCD, VCD, Blu-Ray, BD-Live, MPEG 1/2/3/4, MOV, AVI, MKV, DivX, OpenDivX, H. 264, MP4, MP3, WMA, JPEG, Kodak Picture CD, Dolby Digital True HD, LPCM, DTS, Full HD, HDTV, HDMI, NTSC/PAL, CD-R/CD-RW, DVD-R/DVD-RW, DVD+R/DVD+RW, BD-ROM, BD-R/BD-RE, AVCHD, LAN, Flash, USB. Зависнет минуты на две, не меньше. А потом поймет. Тут Dolbanny SRAM H Strah (Glaza Pro-3). Соответственно, нужен «кодек полета» в «формате времени».

Перемотаем обратно. Стоп! Только что оттолкнулся от автобуса, завис в прыжке, глаза навывкате, руки врозь.

Сначала было страшно. Главное — научиться падать вверх, срываться ввысь.

Поворот

Перебранка с итальянцем завершилась устным контрактом, по которому таксист, Агент (или Исполнитель договора), довезет нас, никчемных Принципалов (Заказчиков), по оговоренной фантастической таксе до Форте дей Марми. Ева молчала, отвернувшись к окну. Когда выехали из города, набриолиненный делец потребовал оплату, он явно сомневался в финансовых возможностях пассажиров. Я запротестовал — что еще оставалось. Моя спутница прервала меня и протянула золотую карту. Наблюдая за медленно ползущим чеком, я почувствовал приступ тошноты. Попросил остановить, вышел в свежий вечер. Небо, оставшись без светила, приблизилось.

Обочина длинного и плавного поворота шоссе. Я стоял спиной к машине. Смотрел на фонтаны вечерней синевы, бьющие вдоль леса. Вдалеке мерцал Милан. Сердце стучало громко, у самого горла.

— Дальше поеду один, увидимся, — с трудом ссидил слова и сплюнул для пущей мужественности. Плевок не получился — слюна упала на живот.

Ева вышла из машины и прикоснулась к моим плечам. Я поежился, сбросив ее руки.

— Послушай.

— Да кто ты такая?! Ты понимаешь, что произошло?

— Без истерик! А как люди бежали из концлагерей, воевали в гетто...

В драматический момент машина с жутким ревом рванула и умчалась, оставив нас на обочине скоростной трассы. Мы переглянулись и... засмеялись. Вдруг умолкли.

— И все же прощай. Прости.

— Дурачок.

— Хватит со мной, как с щенком! Я пошел.

Она догнала, прильнула к моей спине, зашептала:

— Нас все равно убьют, мы приговорены, нам обоим нечего терять. Если повезет, у нас с тобой несколько дней. Проведи их со мной. Я потом все объясню. И... я... Будь со мной... пожалуйста... пожалуйста...

Между нами

(набрано в TAG Heuer Meridiist):

почему

Представляю моих друзей в какой-нибудь «Шоколаднице». Разбор полетов под холодные блины.

— Почему не сбежал? — деловито спросит меня Миша. Он учится на MBA и скоро станет большим боссом.

— Почему не спрятался? — подскажет Гриша, макая блин в сгущенку. Он бизнесмен, дешево скупает и дорого продает железные балки, а еще все время худеет.

Я улыбнусь в ответ.

Не спрашивай, зачем и почему.

Да просто потому что, по-то-му...

Карта моря

Форте дей Марми. Воздух можно было есть, ветер пить. Повисшее цветочное марево сводило с ума и мешало дышать. Кусты размером с деревья, домики, утопающие в цветах, загадочные огни в темноте. Добравшись на попутке, мы поселились в первом попавшемся отеле, в узкой комнате с кроватью от окна до входной двери. Легли спинами друг к другу. Спали крепко, до самого чек-аута в 12, одурманенные запахом растений.

Проснулся от ослепительного солнца и жары. Кондиционер не справлялся. Из ванны вышла не рыжеволосая ведьмочка, а сексапильная брюнетка. Волосы стали прямыми, блестящими. Фиолетовая помада, яркие тени и темный лак на ногтях — только сейчас я понял, что прежде она не пользовалась косметикой.

— Теперь зови меня по-другому.

— Как?

— Придумай, поэт!

— Не до этого. Слушай, давай обсудим...

— Сначала имя.

— Ты можешь быть серьезной?

— No.

— Я позвоню в консульство, потом пойдем в полицию.

Зря вчера укатили.

- Но.
- Что «по»?
- Сначала имя.
- Эльвира?
- Excuse me?
- Кэтрин?
- Уже лучше.
- Ирена!
- Супер. Пошли, я тебя постригу.
- Ты что, еще и парикмахер?
- Человек способен достичь высокого мастерства в любой деятельности, но ленится и «тупит».
- По поводу «тупит»: у тебя есть хоть какие-то мысли «про вчера»?
- Конечно. Только спроси у своей интуиции, хочешь ли ты сейчас, неподстриженный, неуложенный, обсуждать вчерашний день, ладно со мной, так еще и с одной из пяти полиций Италии. Побежишь в военную *l'Arma dei Carabinieri*, государственную *Polizia di Stato* или сразу в тюремную *Polizia Penitenziaria*?
- Не люблю, когда актриса режиссирует! Или фанатка выходит на сцену! Ты вообще — загадка. Ответь мне на простые вопросы...
- В чем смысл жизни?
- Кем ты работаешь?
- Скажем так, я многое умею, но мало делаю. Говорила же, специализируюсь на революциях и гениях. Вот сейчас одного гения собираюсь постричь, сам себя не узнает.
- Ответ не принят. Повторяешь шутку. Причем не вовремя. Вчера бредила про «нас убьют». Неужели до сих пор в себя не пришла?
- Нас убьют.

— Понятно. Еще вопрос, пока тебя санитары не увезли. Часто ли меняешь свой образ?

— Постоянно. Иногда с помощью париков. Раз в пять лет — лицо.

— Господи, ты разведчица? Или террористка? И ты можешь сказать, что...

Она прервала меня поцелуем:

— Не угадал. Пошли. Заодно поберею тебя... там! Молчи, а то ничего не расскажу! Я знаю, что вчера случилось, не злись, отчитаюсь сегодня же, обещаю. Пока поедем по Италии, запутаем следы.

Через час мы ехали на новенькой BMW третьей серии, моя девушка запросто вытащила ключи из кармана француза, который подробно выяснял на ресепшн, как добраться до Рима.

Особое ощущение зрело внутри. Угроза, смерть, боль оставались в параллельном измерении, где-то там, за гранью, за тонкой пленкой, внизу, далеко. Не потерять ее становилось важнее, чем не потерять себя. Для бабочки свеча — лишь свет. Икар забывает о воске в крыльях.

Столько солнца я прежде не видел. Словно по прихоти итальянского портного, волшебными ножницами разрезавшего огромное полотно песочного пляжа на тонкие лоскуты, побережье было поделено на полоски частных пляжей. Форте дей Марми звало барахтаться в теплом мелководье. Виареджио, Ливорно. И дальше, в Портофино. Прощай, Тоскана, родина Леонардо, Микеланджело и Данте. Я не забуду ароматы твоих цветов. И смутное предчувствие расплаты.

Свет-тьень-свет-тьень. Поездка по дорогам Лигурии с ее бесчисленными тоннелями превращается в утомительную игру с выключателем.

Курортный Санта Маргерита вдоль ломаной линии берега и, наконец, Портофино, город-картинка, жемчужина итальянской Ривьеры. Здесь тревога смягчилась. Мы сели на допотопный кораблик и поплыли в Сан-Фруттуозо — посмотреть на живописную крепость между скалой и морем.

Солнечные лучи путались в ее черных волосах, возвращая им прежний рыжий оттенок.

— Слышал радио? Про обстрел нашего миланского автобуса? Среди версий и стычка итальянской мафии с румынской, и мусульманский террор!

Она смотрела на воду. Я - на ее волосы.

— А там не передавали, почему я до сих пор с тобой? Я вот перебираю медицинские диагнозы. От легкой такой аллергии на Милан, где остались документы и деньги, до крайнего обострения сексуальной зависимости! Ты обещала что-то рассказать!

— Стреляли в нас. Ты же понял.

— Не факт... За что?

— За то, что мы есть.

— Ты о чем? Кто стрелял?

— Организация, убивающая гениев.

— Так. Первая нормальная девчонка в моей жизни оказалась ненормальной, кто бы сомневался.

Я заглянул в болотный сумрак ее глаз, тщетно надеясь найти малейшую искринку иронии. Или безумия.

— Мы те самые гении, за которыми они охотятся.

— Какие гении?

— Мы еще не проявили гениальность в полной мере.

— Бред. Полный. Учти, пока я изучал психологию юмора, успел кое-что узнать про патологии! Ты меня пугаешь! Даже во ВГИКе ребята адекватнее.

— Ты привлек внимание своей теорией юмора или творчеством. В этом, может, и нет гениальности, но есть больше, чем талант.

— Без комментариев, как-то вот не хочу ругаться матом в Западной Европе. А ты в таком случае тоже гений?

— Скорее всего, к тому же я слишком много знаю и пытаюсь действовать. Не перебивай. Есть еще один признак.

— Что еще?

— Ты... предчувствуешь будущее. Как все гении.

— Полный бред. Даже слушать не хочу. Я, конечно, в курсе: некоторые гениальные поэты предсказали свою смерть и все такое...

— Вот-вот. Про поэтов — в точку. Например, мой любимый Гумилев перед самым расстрелом читал Гомера и ведь заранее знал, что так и будет: «Я закрыл „Илиаду“ и сел у окна. На губах трепетало последнее слово. Что-то ярко светило — фонарь или луна...»

— «И медлительно двигалась тень часового». Помню. Я его тоже люблю. Понятно. И у Рубцова: «Я умру в крещенские морозы, Я умру, когда трещат березы». И Пушкин предсказывал, и остальные, знаю... Но я-то тут при чем? Пишу плохие стихи, придумал и поставил дурацкий мюзикл с актерами-студентами, пописываю странные статейки, ничего пока не предсказал и вообще никому не нужен. Открой глаза!

— Ты слушаешь? Дело не только в стихах или статьях. Предчувствие будущего — в природе любой гениальности. А ты предчувствуешь сильнее многих.

— С чего ты взяла?

— Как с чего? Ты спас мне жизнь. И себе, кстати, тоже.

— Когда?

— Когда толкнул меня в миланском автобусе за миг до выстрела.

— Да я возился со штекером, у меня звук пропал, а автобус дернулся!

— Тебе показалось. Автобус не качался, а наушники ты поправлял пару раз, но в итоге отложил их еще в начале поездки. Просто от шока ты забыл детали.

— Не верю. Все произошло случайно.

— Случайно-неслучайно, а было. Я тебя проверяла: ты не выпил кофе, в который я подсыпала снотворное, в тот же день, у Дуомо. Я несколько раз тебе устраивала маленькие проверки. Не хочу рассказывать, чтоб не бесился. Кстати, мне нравится, как ты ворчишь. В общем, благодаря тебе Организация не сумеет поработать с нами тонко — подкинуть капсулу, выстрелить какой-нибудь отравленной иглой, прилепить марку или датчик. Ты увернешься на чистой интуиции.

— Слетела с катушек. Слушай. Мне не нравится! Возвращаемся в Портофино — и чао. То ли ты сбежала из психушки, где лечилась после нападения маньяка, который вчера снова в тебя целился. То ли из тебя каждый день ровно в 15:30 льется потоком бред сумасшедшей — я не знаю. С твоим появлением все пошло вверх дном. Меня ждут актеры, нужно починить квартиру, помириться с продюсером, издать статью...

— Хотел бы — давно бы ушел. И я тоже, — неожиданно потерлась носом о мою щеку.

— Ладно, допустим, крыша съехала, наоборот, у всех, кроме тебя. По-твоему, будут еще стрелять? И нас все равно убьют?

— Да.

— Но... зачем нас убивать?

— Начнем с того, что гении всем мешают. Они опасны. Нужна система, в которой середнячки за руку с талантами медленно двигают прогресс, богатые богатеют, а бедные работают. Гении взрывают экономику, разрушают политику, переворачивают культуру. Гении несут в себе революцию. А значит? - От них надо избавляться. В истории человечества почти все гении, за редким исключением, ликвидированы Организацией.

— А Леонардо, а другие?

— Говорю, за редким исключением! Леонардо зашифровывал или сжигал свои открытия. Рукописи достались его ученику Франческо Мельци, а тот их уничтожил и умер весьма состоятельным — догадайся почему. Уцелело немного, хоть и нашли лет сорок назад чертежи «робота Леонардо». Между прочим, возможно, Леонардо сотрудничал с Организацией, выдавая других гениев, поэтому и выжил.

— Очередная бредня. Не верю. Хорошо, Моцарта, допустим, отравили. А Эйнштейн?

— На то есть свои причины... Поверь, все сходится. Не хочу тебе сейчас объяснять. То, что его оставили в живых, связано с его национальностью... Его специально оставили, чтобы он был как бельмо на глазу. Счастливый еврей-гений был одним из многочисленных раздражителей трагических процессов до и во время Второй мировой, страшная тема, не хочу пока говорить, да и ты еще не готов...

— Подожди, ты о чем...

— Давай не будем. Была уйма гениев, но скажи, многих ли мы знаем? Ты любишь литературу, знаешь биографии поэтов. И что? Скажи! Гениальные поэты в своем большинстве умирали своей смертью и в глубокой старости? Все дуэли, рас-

стрелы, болезни, несчастные случаи и прочее были организованы.

Кораблик причалил.

— Во что ты меня втянула?!

— Поцелуй меня.

Я пытаюсь разделить на отдельные слайды потертую и кое-где засвеченную пленку воспоминаний.

Озеро Комо. Старая чаша чистой воды с зубчатыми краями гор, плавающими крошками кораблей, выпуклыми узорами городков. Мы брели вдоль причала. Она объясняла мне, что и в самой дикой деревне, спрятавшись в гнилом подвале, все равно попадешь под камеру наблюдения или взгляд предателя. Так что если засекали, то погибаем красиво. Мне было интересно наблюдать, как отсветы зари алым восстанием отражаются в зеленых глазах моей революционерки.

Еве-Ирене зачем-то срочно понадобился мой мобильный. Набрала номер и в ожидании ответа, прижав телефон плечом к уху, попросила мои часы — посмотреть.

— Осторожно, купил на гонорар с мюзикла.

— Классные. Patek Philippe — the best.

Я расстегнул ремешок и протянул хронометр. Мгновенным движением она вышвырнула в воду мобильный и часы:

— Тебе они больше не нужны.

В ответ я машинально схватил со скамейки ее рюкзачок и тоже бросил в воду. Она побледнела.

— Ты даже не представляешь, во-первых, какой ты дурак, а во-вторых, что было внутри.

— Стерва. Я столько пахал ради этих часов!

— Зря. Часы жизни обменял на хронометр. Знаешь, в чем причина твоего вещизма? Тебе нравятся модные

штучки и тренды, поскольку они творения рук человеческих, увлечения масс, а тебя интересует все, что связано с деятельностью и сознанием людей. Так уж вышло — мы живем в эпоху потребления, вот ты и носишься с брендами. Как папаша, который рад всему, во что играют его дети. Очнись! Массовым сознанием и экономикой управляют компании-монстры, с глобализацией надо что-то делать.

Я посмотрел в небо. Расправил плечи. На миг почувствовал себя загадочным. С губ невольно слетело глупое:
— Да!

Взглянул на волны, вспомнил про хронометр, насутился.

Размышлял о часовой мануфактуре в Женеве, где трудились поляки-эмигранты, о ссоре Патека и Чапека, знакомстве Патека с Филиппом. А еще о великолепном Хрустальном дворце Crystal Palace, который был построен из железа и стекла в лондонском Гайд-парке ко Всемирной выставке 1851 года. Именно там королеве Виктории, красивой женщине, страдавшей от гемофилии, были преподнесены первые часы под маркой Patek Philippe & Co. Ровно через десять лет после этого она потеряет мужа, принца Альберта, и потом сорок лет будет носить только черные платья, неутешная во вдовстве. А волшебный дворец будет разобран и перенесен в лондонское предместье, где его уничтожит пожар. «There will never be another» — так скажет последний управляющий Хрустального дворца, воздушного здания, похожего на мечту.

Зачарованно наблюдал переливы отражений на глади воды и закатное море. «There will never be another». Другого не будет никогда.

Всю ночь мы крутились в раздолбанном автобусе по узкому серпантину, поднимаясь в итальянскую Швейцарию.

Желтый автобус, прилепленный к пластиковой горе, внутри сувенирного снежного шара.

Но стекляшку некому встряхнуть, и снежинки осели в глицерине...

Она, уютная, в толстом свитере, тихонечко напевала начало мюзикла: «Эта поэма легла на ноты, ритмы, диджей, готовь. Кто ты? Любо-о-о-овь!»

Я философствовал, а точнее ворчал, все еще переживая из-за выброшенных вещей.

— Тяни «Любо-овь!» Нужна опора. Требуется вибрато. И не расслабляй диафрагму, там две ноты «си». А про «си-си» я вот что думаю. У мужчины нет механизма защиты от симпатичной женщины, которая его выбрала. Нет таких шестеренок и пружин, которые могут развернуть инертную мужскую душу. Говорят, у Полански к концу лета выйдет фильм на эту тему — «Девятые врата». Короче, бабочка на огонь, змея на дудочку, мужчина на женскую удочку.

— Прибаутки — «в кассу», возьми на вооружение. А у нас, у женщин, свои заморочки: как назло, нет механизма защиты от пропаганды индустрии моды. Каким-то боковым зрением, советом подружки или прямым походом в магазин мы впитываем тренды, поглощаем ароматы и силуэты. Самая заядлая хиппушка выберет дешевую китайскую подделку вполне в соответствии с мировой модой на цвет и дизайн. И миллиардерша, уставшая от брендов, выберет ту же подделку, обзовет ее винтажной и своим выбором подтвердит модную тенденцию сезона, разработанную креаторами глобальных корпораций. Такой враг, которому хочется сдаться без борьбы!

— Кстати, что за кроссовки прикольные? Как советские кеды.

Спросил, а сам подогнул ноги, спрятав потертые Salamander, которые носил в память о любимом человеке. Дедушка еще в восьмидесятые купил для меня дефицитные немецкие ботинки, точно угадав не только мой будущий размер, но и возвращение витка моды к этому фасону через десять лет.

В ответ — положила свою ногу на мою.

— Тоже мне хипстер. Тебе бы сменить очки на Ray Ban Wayfarer. Кроссовки Black Chuck Taylore All Star Converse. В подобных Converse ходил Курт Кобейн, пока в них же в Сиэтле не был застрелен Организацией.

— Опять ты про свою Организацию. Он ведь покончил с собой, умер от передозировки.

— Да-да. И в крови была тройная смертельная доза героина, хотя от одной впадают в кому на третьей секунде, не успев вытащить иглу из вены. И на ружье нет отпечатков. И в записке он просто общается с поклонниками, ничего не говоря о смерти. И так далее. Ты еще скажи, Фредди Меркьюри заразился в мюнхенском гей-клубе, а потом по случайному недоразумению его врач Гордон Аткинсон целых пять лет не проверял его кровь и не давал никакого лечения.

— Совет режиссера. Очень увлекаешься. Говори спокойнее, менее убежденно, и люди к тебе потянутся. В тебе есть потенциал, я, к примеру, до сих пор не отличаю.

— Режиссер! Ты в курсе, твоего помощника уже назначили главрежем и мюзикл идет с аншлагами?

— Догадываюсь. Подумаешь! Мои амбиции — в сфере творчества, а не славы. То, что происходит с нами, похоже на апофеоз творчества.

— Рассказывай! Все вы, мужики, макаронных дел мастера, вешаете лапшу, не успеваешь снимать!

— Лапша, говоришь?

Я дернул ее шнурок, развязав один бантик. Она легко ущипнула в плечо.

— Давай поиграем во что-нибудь интеллектуальное.

Радостно вспыхнула:

— Давай!

— Скажи какое-нибудь слово.

— Купидон.

— «Пора тебя откупидонить!» Поняла? С помощью глагольного словообразования получаешь сексуальный намек. Попробуй! Тюльпан.

— Мужчина с большой «М», конечно, ждешь чего-нибудь типа: «Надеюсь, ты не натюльпанился сегодня? Колокольчик в порядке? Одувань! А то отхризантемлю гиацинтово! Хочу тебя сегодня затюльпанить!»

— Ого! А с географией? «По самые Хельсинки!»

— «У тебя такой Копенгаген! Моя Норвегия соскучилась! Не будь Осло, македонь меня до Северной Ирландии! Сингапурь и альбань своим Чили!»

— Супер. Во что бы нам сыграть... Ты согласна, почти любое творчество бренно и все суета сует?

— С Экклезиастом не поспоришь. Я считаю, хватит «собирать камни» — самое время их разбрасывать.

— Точно. Если творчество — процесс создания субъективно нового, обреченного на уничтожение временем, не обязательно его фиксировать в виде материальных объектов. Достаточно послать сгусток интеллектуально-духовной энергии сразу в ноосферу.

— Здорово. Что-то почувствовала или придумала — фиксирую умом и отправляю. И как называется такое «творчество»?

— Не знаю пока. Наоизм? Мол, «наполняем ноосферу».

— Или эаризм. От air. Или филингизм, от feelings. Для тебя, кстати, весьма полезное упражнение!

— Так, поехали. Концентрируемся и отправляем креативный посыл. Кто больше зашлет, тот круче.

Сидели, тужились.

— Все, я выиграла!

— Откуда знаешь?

— Ты на пять раз реже прищурился, и ты туповатый, послы в основном эротические.

— Читать мысли нечестно!

Лавина

Фешенебельный высокогорный Сент-Мориц. Тяжелые тучи и странный застывший гул — то ли в собственных ушах, то ли по всей округе. Двери рельсового поезда-подъемника с грохотом захлопнулись. Мы одни в поезде. Городок за минуту уменьшился до ювелирной миниатюры, созданной швейцарским Левшой на булавочной головке.

Облака на дальних горных пиках, тучи буквально над головой, днем можно прикоснуться к вечернему дождю и завтрашнему снегу.

Гул нарастает. Перепады давления?

«Медленно спешим» навверх по рыхлому снегу. Редкие снежинки в разряженном влажном воздухе. Мурашки, то ли от недобрых предчувствий, то ли от холода.

Станция подъемника исчезла в белизне. Мы на каменном выступе у самой вершины горы. Здесь перила и платный бинокль, как на всех смотровых площадках. Моя спутница суетится, щурится в бинокль, напряженно смотрит вниз. Медленно вытягиваю руку, осторожно трогаю ее за плечо.

Гул, застывший в воздухе, резко умолкает. В тишине чуть шелестит снежный ветерок. Насосом шумит мое учащенное дыхание. А на меня... словно смотрит сам дьявол.

Зрачки почернели и увеличились, на искривленном лице ни кровинки. Сгибается и открывает рот. Потом медленно выпрямляется и поворачивается к перилам, а рот раскрывается все больше и больше. Орет. Страшно, дико, пронзительно, издавая какие-то неразличимые человеческим ухом звуки. Она вся, и тело, и лицо, которое, кажется, теперь состоит только из двух разинутых челюстей, вся, до скрюченных пальцев рук и закатившихся глаз, она вся полностью превратилась в этот нескончаемый крик.

Замолкает и падает, оставив страшную звенящую тишину. А потом приближается, нарастает грохот. Я подхожу к перилам, как контуженный, еще держась за уши. Прямо подо мной с соседнего склона несется белый ураган, неистовая снежная лавина.

Оглядываюсь на дьявола в женском обличье. Дрожит в позе зародыша. Наклоняюсь. Ее губы шепчут:

— Там были они, прости, беги.

Как дотащил ее до подъемника, как удирали на поезде из городка, помню смутно. В висках стучало: скорее обратно, к уровню моря. А еще монотонной записью крутились последние слова моего дедушки, сказанные в реанимации такими же бледными губами, как и у моей ведьмы: «Женщина всегда права...»

Между морем и землей

Если прошел немалую часть пути, не хочется возвращаться, так и тянет дойти до конца...

К вечеру мы прибыли в Монако. Княжество на скалах, неприветливое luxury, достойное человечества и семьи принца.

— Нам все равно не скрыться от камер, так что пошли в казино, — предложила она. — Заодно убедишься в наших с тобой способностях. Как меня зовут?

— Анна.

— О'кей. Раздобыть бы карту Cercle, по которой здесь можно за все платить, в том числе за фишки.

— А помнишь нашу первую встречу? Твоя кофта напоминала блестящее платье Стоун, в котором она разбрасывает фишки и встречает взгляд Де Ниро в «Казино» Скорсезе.

— Сравнил! Я смотрела: то платье было с вульгарными цветочками вокруг шеи.

В бутиках рядом с казино накупили новых шмоток, сорвали ярлыки, переоделись, упаковки и старую одежду оставили в примерочных кабинках. Все оплатила она — той самой, ни пойми откуда взявшейся картой Cercle. Блестящими туфлями Jimmy Choo она щелкала по площади мимо кабриолетов, в несуразно больших затем-

ненных очках Roberto Cavalli, которые противоречили строгой блузке и короткой юбке Prada. Небрежно держала меня под руку, касаясь мягкого синего пиджака Yves Saint Laurent, скрывавшего непроглаженные углы на рукавах и спине пижонской рубашки Gucci и непозволительное отсутствие ремня на джинсах GF Ferré.

Пролетел час, а может быть, все пять. Мы вяло рассматривали картины и позолоту на стенах, жемчуга на туристках. Заказывали коктейли (я предпочитал колу, тянул себе из соломинки). Угадывали, кто из присутствующих местный житель.

И... выигрывали, выигрывали, выигрывали.

Мне нравилось наблюдать, как вертящаяся рулетка отражается в ее очках, брошенных на столе. Нравилось держать эксклюзивные фишки, прямоугольные, увесистые, с закругленными краями, с выдавленными пятизначными числами. Нравилась показная вежливость каждого нового крупье, их редкие шутки о летнем сезоне, о монегасках, о Князе. Только мокрые подмышки и чуть заметная неловкость выдавали их тихую панику. В какой-то момент моя бестия, выпятив нижнюю губку, шепнула:

— Мы не унесем все фишки. И нас не выпустят с такими деньгами.

— Мне после Швейцарии ничего не страшно. Еще коктейль?

— Идея! Подари крупье треть фишек.

С сумкой, набитой пачками евро, ей непременно захотелось дожидаться рейсового автобуса. Утром в тесной старой жестянке было жарко. Толстяк явно хотел сесть на наши места, недвусмысленно намекая на свое желанное грозно нависающим животом. Тогда моя королева

рулетки медленно расстегнула молнию сумки... Новенькие пачки пятисоток обдали бледные щеки наглеца розовым пламенем. В пустом уголке автобуса спокойно доехали остаток пути до Кап-Ферра.

Мы устало бродили по вилле-музею Эфрюси де Ротшильд на вершине холма, я с удивлением наблюдал аккуратное великолепие садов и цветов.

— Здесь устраивают такие балы... Я проверяла твою родословную. Ты не Ротшильд. Жаль, жаль, — хмыкнула она, пока я рассматривал замечательный сервиз в выставочном зале виллы.

— Какие тут бокалы, чашки, ложки! Ты не понимаешь. Мой дедушка так любил фарфор! Обожаю вазы Lalique и хрусталь Baccarat.

— Смотритель общается с туристом. Хороший момент. Значит, так: я встаю здесь, вот так, а ты хватай серебряную ложку.

— И не собираюсь. Зачем?

— Если сейчас возьмешь, то по воле случая выживешь и станешь богаче Ротшильдов. В основе каждого успеха лежит преступление! Так всегда говорит мой... влиятельный родственник.

— Яблочко от яблони, — шепнул я, резко перегнулся через канатное ограждение и схватил антикварный экспонат.

Мы побежали вниз, с холма, по узким дорожкам.

— Какие-то виллы у этих миллиардеров мелкие, — брякнул я.

— Хочешь, залезем, стибрим что-нибудь?

— Воровка! С кем я связался!

— Ложка-то в кармане?

Перед нами открылся захватывающий вид на море.

— Идея! — Она устала на скопление яхт в бухте.

— Не знаю, о чем ты, но я не участвую.

— Да ты подумай, дурачок! Я в жизни еще не угоняла яхту!

Рыжая заплатка заката у края атласного моря. На вышитом узоре пара неверных стежков — маленький и крупный.

Я крутил весла шлюпки, украденной с пирса. В крошечной темноте мы подплывали к огонькам огромного лайнера, который вполне мог бы принадлежать и Бэтмену, и Агенту 007, и самому г-ну Абрамовичу.

— Моторная суперяхта, построена на верфи Blohm + Voss, стальной корпус, максимальная скорость 20 узлов, длина 40 метров, — дразнила она меня.

— Повторяю, очередное самоубийство, жду полчаса и уплываю.

— Я же сказала, знаю в совершенстве почти все виды борьбы. Скинуть за борт человек пять экипажа — дело десяти минут. И никого не спасай, оставим им лодку.

По якорной цепи моя камикадзе шустро поднялась на борт. Замелькали какие-то тени, слышались короткие стоны и затем шлепки в воду...

Она неплохо смотрелась у бассейна под звездным небом. Я лег рядом. Яхта плыла на автопилоте по лунной дорожке.

Мы смотрели на звезды.

— Я люблю тебя, — вдруг прошептал я.

— И я люблю тебя, — ответила так же тихо.

Мы не касались друг друга. Просто лежали рядом и шептались.

— Когда нас убьют, встречаемся у той звезды, на которую смотрю я.

Она поймала мой мизинец и сжала его своим.

Звезды не двигались.

Послышался всхлип.

— Устала скрываться... Хочу быть с тобой.

Бывают следы на песке — их не сотрет волна. Порой падает слеза — и ей никогда не раствориться во Вселенной. И бывает взгляд. Недолгий. Например, зеленоглазый, твой, встретившийся с моим. И в такой момент умолкают пальмы. И осы прячутся в мокрые бутоны. И звезды послушно гаснут. Ведь этот тихий взгляд — навсегда.

Я рывком подхватил ее и — в бассейн. Научил ударять руками по глади без всплеска, но со множеством подводных пузырей — делать «водяную бомбочку». Я знал, что игры в бассейне тотчас приведут ее в детский восторг. Потому что помнил и битвы на подушках, и мороженое, и наше стопроцентное счастье до покушения.

Не вытираясь, голышом спустился в салон. Янтарный мрамор, кожаные кресла и рояль Steinway в центре. Заиграл мелодию из мюзикла «Сити», сначала тихо, потом с рвением. Фортепьянный мастер Генрих Штайнвег на схожем по размеру кораблике когда-то отправился из Гамбурга в Нью-Йорк, нездоровый, на шестом десятке, усталый, разоренный, чтобы основать Steinway & Sons и стать миллионером. *C'est la vie*. Когда играешь, мысли, как пальцы, перескакивают с одной темы на другую. «*Се ля ви*». Красивый язык. *Pardon, Déjà-vu, Portemonnaie, Comme il faut, Voilà. Voulez vous coucher avec moi?* Вы хотите со мной переспать? Жё не манж па сис жур — Я не їв вже 5 днів... Жопá сушамі. И *Cherchez la femme*, куда без него, без шерше нашего дорогого, без ля фам любимого.

Капли лихо летели на черный лак, пальцы били по влажным клавишам, когда моя спутница вбежала с криком:

— Все, бежим, у нас минута, шлюпку спустить не успеем!

Она прыгнула первой. Особое чувство — решиться прыгнуть в ночь, в пустоту, в пропасть, в никуда. Ведь не видно ни волн, ни берега. В полете сердце замерло. Начало стучать лишь под водой. Взрыв яхты ослепил, пожар освещал путь по воде к пляжу.

«Взрывоопасная леди» влезла через окно в ближайшую пустую виллу, я за ней. Вытерся покрывалом, перевернул его сухой стороной, укрыл им свою террористку. Упал в соседнее кресло и заснул мертвецким сном.

Ранним утром в одежде, найденной в доме, мы брели вдоль дороги. Лучезарная Зорька Лазурного берега, Золотившая далекие облака, превратилась в невежливо обжигающий Желтый поток, который непрерывно лился с безжалостного неба.

Я что-то ворчал про бессмысленный взрыв яхты и споровшие деньги. В конце концов, зачем привлекать внимание к нашим перемещениям?

— Во-первых, там еще была твоя ложка, так что я заметала следы преступления. А во-вторых... Это была моя яхта.

Я схватил ее за руку, вонзил пальцы в кожу.

— Дурила меня!

— Но захват-то был настоящий. Не ругайся.

Я отпустил, отвернулся.

— Смирись, мы точно мертвецы. Они здесь, где-то рядом. Хотелось что-нибудь этакое выдать, ведь нам, может, дня два осталось.

— Человек всегда хочет жить!

— Не вижу здесь человека, вижу трусливого зайца.

— Слушай! Надоело прикидываться марионеткой!

— А мне тем более. Сам меня выдумал! Мечты, конечно, сбываются, я не против, но трудно быть живым

воплощением твоих сексуальных фантазий и духовного роста!

— Блин, и постмодернизм твой достал.

— А ты не сублимируй!

— Стерва. От тебя одни неприятности! Устроила мне «монтаж аттракционов» Эйзенштейна с «экспериментами Кулешова».

— Невежда. Систему Станиславского разучи как следует!

— Ах ты! Колдунья, приворожила меня!

— Тупица.

— Убийца, воровка!

— Сам вор, спер серебро мадам Ротшильд!

— Сука.

— Кобель.

Впереди заиграл нежными оттенками Сан-Тропе, сувенирный городок с игрушечными домиками. Вдоль улиц медленно ползли одинаковые спортивные автомобильчики — проходила выставка Porsche под открытым небом.

Через полчаса красный двухместный кабриолет Vauxster летел мимо Сент-Максима. Я радостно поднял руки над стеклом, но получил мощный удар ветром.

— Люблю тянуться ногами к педалям, а в Поршах неудобно, смотри, колено упирается в руль.

— Еще успеем ноги протянуть, угонщица. У нас какой-то «дауншифтинг с апшифтингом» получается.

— Потому что мы внутри золотого миллиарда. Мы потребляем основные ресурсы планеты, — перекрикивала гул двигателя и свист ветра, — так что протянуть ноги гуманнее, чем продлевать жизнь с помощью технологий

будущего. И тем самым усваивать еще больше ресурсов, которые могли бы достаться миллиардам обездоленных.

— По-твоему, человек рождается, чтобы умереть. И в лучшем случае перевернуть мир. А по-моему, он живет, чтобы любить! Сам догадался! Запатентую лозунг! — Я прислонил ладони ко рту и закричал: — Live to love!

Мы поели в придорожном McDonald's.

— Проехали Сэн-Рафаэль! Ты понимаешь намек? — лукаво прищурилась, запивая Биг Мак молочным коктейлем.

— Какой, смертница-крикунья-взрывотехник-грабитель-убийца ты моя?

— Значит, минут через десять — Канны!

— У меня как раз ощущение, что кино не кончается. Альмадовар, Годар, Бергман, а теперь полный Линч. И все жанры сразу. Роуд-муви, мистический триллер, боевик с бондианой, артхаус и жесткое порно с элементами мелодрамы. Если бы заранее вмонтировать в очки видеокамеру! Жаль, не получу Каннского льва или Пальмовую ветвь! — Я стер следы майонеза с ее подбородка.

— Не жаль, а слава богу! Звездная болезнь не лечится.

Блондинка. Два портфеля и билет.

Нажал на ключ — мигнул кабриолет.

Ты шаршишь в бардачке, там паспорта

С твоим лицом, с чужими именами.

А ты... забыл задание свое.

Забыл жилые, тряпье свое, ружье.

Но дверь кабриолета заперта,

Блондинка села с книжкой Мураками.

Небо на подошве

Город фестивалей, умытый теплым светом. Три улицы, но зато какие. Мы попали на распродажу Dior.

— Всегда могла себе позволить что угодно из новой линии, но в распродажах есть нечто манящее.

— Куда ты столько берешь, у нас и чемодана нет.

— Обожаю покупать. Все равно оставлю в номере.

— Опять карточка? Как ты их воруюшь? У тебя что, магниты на платиновый Mastercard и Visa Gold?

— Беру их только у тех, кто ими не дорожит. Как женщина Робин Гуд, которая у богатых брала, а бедным давала.

— Что особого ты дала бедным, ворюга?

— Ну, я их хотя бы не трогаю! Уже благотворительность!

— А как же твой антиглобализм, революция? Пробьешь такую сумму в Dior.

Она щелкнула меня по груди.

— Наконец-то ты мыслишь в нужном направлении! Но сегодня у меня выходной. И запомни, дешево все, что можно купить за деньги. Которые, конечно, уйдут к Бернару Арно, уроженцу малюсенького городка Рубе, инженеру из Политехнической школы. Арно единолично

владеет половиной мирового рынка роскоши со своей компанией LVMH.

В ритм монотонного перечисления она ловко перелистывала белые платья в нежных узорах.

— Он владеет марками Christian Dior, Louis Vuitton, Guerlain, Givenchy, Fendi, Kenzo, Christian Lacroix, Berluti, Celine, Emilio Pucci, Marc Jacobs, Donna Karan, Chanel, Loewe, TAG Heuer, Hublot, Zenith, Hennessy, Moët et Chandon, Dom Pérignon, Veuve Clicquot, Pommery, Krug, Ruinart, Sephora, Cruise Line, Radio Classique...

Наблюдал, размышляя о том, что Диор и помыслить не мог о покупке своего модного дома господином Арно из городка Рубе. Впрочем, маэстро не знал и другого. В его времена в Москве у швейной машинки «Подольск» трудился вполне достойный соперник. Любимый мой дедушка был шестнадцатым ребенком в трудолюбивой семье, мастеровившей и шоры для лошадей, и зимние шапки для еврейского местечка. Но дед удивил всю семью, когда в свои семь лет пошил и развесил изящные занавески через весь дом, красиво разграничив интерьер. Тонкая работа с материалом и плиссировка повторяли фирменный стиль месье Люсьена Лелонга, у которого Диор учился. А позднее дед обшивал бабушку и мою маму изящными платьями с вырезом «каре». Похожее коктейльное платье из малинового фая вошло в одну из последних прижизненных коллекций Кристиана Диора. Линия Aimant, «манящая».

Мы загорали на пирсе отеля Carlton Intercontinental. Официанты приносили ледяные фрукты.

— Думаешь, нас могут здесь подстрелить? — буркнул я, поворачиваясь на лежаке.

— Не нуди. На, ешь клубнику. Раз ты спокойно лежишь, без плохого предчувствия, значит, не могут.

— Давай-ка еще раз все сначала. Расставим точки над «ё». Расскажи про себя.

— Ого!

— Да! И еще раз про твою «Организацию». И про то, почему ты, такая гениальная, еще жива.

— А что мне за это будет?

— Ничего.

— Тогда не расскажу.

— Согласись, я не знаю почти ничего, а участвую во многом. И еще я тут начал как-то смутно догадываться: с нами все происходит не во сне, а на самом деле. И твои истории, возможно, реальнее, чем эта клубника. Так что давно хотел нормально «поспикать»... И ладно. Исполню желание, если смогу.

— Мужчины... Начинается, ежели да кабы.

— Дыню будешь?

— Угадал. Спасибо. Я родилась в Москве, но с семи лет жила в Австрии, в родовом замке.

— Ничего себе. Вот откуда мягкий акцент.

— И у меня... очень... очень влиятельный... родственник, который, кстати, живет в России.

— А родители?

— Они погибли в автокатастрофе, когда мне было шесть лет.

— Извини, сочувствую... Сорри. А насчет замка — круто. И что было дальше?

Спросил и, слушая, невольно рассматривал зазывные ее выпуклости, такие манящие под тонким купальником.

— Ну, я с детства проявляла разнообразные способности. Учителя жили в нашем доме какое-то время, а потом исчезали. Замок стал тюрьмой на первые пят-

надцать лет моей жизни. Была отрезана любая связь с внешним миром. А потом... я сбежала. Когда случайно узнала про Организацию, сначала не поверила. Но потом убедилась, пыталась кое-кого спасти. Гении исчезали или погибали — обычно через месяц с момента публикации научной статьи или художественной работы. Когда поняла, что сама «на мушке», стала скрываться. Поверь, пластические хирурги и макияж — далеко не все, что я взяла на вооружение.

— Подожди-ка. Статью «Психология юмора» отправил в журналы недели за три до премьеры...

— Может, именно статья привлекла внимание. Раз ты все еще жив, значит, они не смогли толком определить, велика ли сила таланта, присматривались, пасли. Но гениальный дар у тебя, бесспорно, есть, и я его нашла. Я всегда их опережала на полшага, вот в чем моя гениальность! Вероятно, и жива я вовсе не из-за умения скрываться, а потому, что они используют мою «чуйку». А у тебя, мой дорогой, дар предвидения редчайший. Вон сколько выиграл в Монако! Но ты не умеешь управлять собой и своим талантом, и не факт, что научишься.

— Опять за свое! Не учи меня жить, помоги выжить! «Влиятельный родственник» тебя случайно не ищет?

— Еще как.

— Понятно! Еще один хвост.

— Хочет поймать и снова посадить в золотую клетку. Но теперь не успеет.

Я заметил, как пляжный фотограф до того переусердствовал, снимая девушку в черном купальнике Victoria's Secret, что прямо в брюках зашел в воду по пояс.

Невеселое упражнение для собственной фантазии: Рой Реймонд на всех ветрах залива, на перилах ржавого цвета. Рой, повернувший лицо к закату над темной

водой. Прощальные блики дрожат на пышной листве холмов, стенах тюремного острова Алькатрас и мачтах порта Сан-Франциско. Основатель марки Victoria's Secret продал ее за бесценок, деньги ушли на неудачные проекты, и в 1993 году он оттолкнулся от моста Золотые ворота, на высоте 67 метров расправил плечи и полетел над морем. В истории остался сам прыжок, а не уродливое тело, прибитое к берегу в графстве Мэрин.

— Так что за интрижка у тебя там была с так называемой «Организацией»? Я почти ревную.

Актерски прикусила пальчик, подхватив интонацию.

— Я думала, все будет «ни о чем», а вышло прям вау-вау! Приехала к тебе в Милан, а оказалась на пирсе в Каннах.

— «Верю!» — сказал бы даже Станиславский. А серьезно?

— Например... хотела спасти одного парня. Замечательного гения. Он был лучшим в Институте астрономии Макса Планка, участвовал в разработке самого крутого научного спутника «Ньютон», который должен получить достоверные данные по гравитации нейтронных звезд. Представь себе звездочку! Десять километров в диаметре, масса в два Солнца, а магнитное поле выше, чем у Земли, в десять в четырнадцатой степени раз!

— Секундочку. Все, вижу, такое и школьник вообразит.

— Не шути. Парень рассчитал точную массу объекта Стрелец А. 4 310 000 масс Солнца.

— Мой самый любимый объект.

— Не в курсе? Так называется черная дыра в центре нашей Галактики. Юноша был великим спецом в науке о черных дырах. Его понесло в теорию квантовой гравитации, он был принят в ученую группу, работающую с Большим электрон-позитронным коллайдером.

— В Швейцарии он, по-моему. Сексуальное название. Помнишь, играли в слова. Как тебе мой коллайдер?

— Ты слушаешь? Вскоре уволился, предсказав аварию. Мол, в тех конструкциях рано или поздно электрическая дуга расплавит контакты сверхпроводящих магнитов, гелиевая система охлаждения будет пробита, и жидкий гелий окажется в туннеле.

— А короче?

Она не спешила с ответом. Томно наносила на бедра и живот солнцезащитный крем Lancaster. Влажная кожа заблестела, сводя с ума.

— Если совсем коротко... он разрабатывал теорию квантовой гравитации и в итоге... открыл способ контролируемого формирования планковской черной дыры.

— Чего?

— Маленькая такая черная дырочка, не рассмотришь и в микроскоп. Такая подконтрольная мини-дыра изменила бы, например, представление об оружии.

— Про дырочку шутить не буду, прикинусь интеллигентом. В общем, ты, конечно, не могла пройти мимо такого красавчика с коллайдером?

— Как тебе сказать... Зря я из своих революций полезла в физику. Вместо спасения решила для начала познакомиться с одним известным профессором, тот подправил пару формул в доказательной базе рукописи. В координатах Бойера-Линдквиста метрика Керра-Ньюмена дается одним уравнением, которое он не привел в своем исследовании квантовой черной дыры, и это был серьезный пробел в теории. То есть нельзя переходить к открытию без толкового обоснования. Гений позвонил профессору, назначил совместный бранч. Взял в охапку все бумаги, поздоровался с соседкой, зашел в лифт, двери закрылись...

— И? Не томи!

— Истории конец. На нижнем этаже двери открылись, но никого в лифте уже не было.

Я заметил немолодую женщину на другом конце пирса, которая упрямо копалась в сумочке Gucci с бамбуковыми ручками и была абсолютно уверена, что найдет искомое. Услышав про лифт, припомнил, что Гуччио Гуччи мечтал создать свою знаменитую сумку, когда копил на флорентийскую мастерскую, десять лет работая лифтером в лондонском отеле «Савой».

— Если тебе раньше удавалось скрываться, может, получится снова?

— Теперь все иначе. Влюбилась кое в кого и попалась.

— А нельзя было влюбляться осторожнее? Чтобы не подставлять себя и свою прекрасную любовь.

— Я ни о чем не жалею.

Принялась намазывать крем на мое лицо, я сопротивлялся.

— А Организация? Что про нее известно?

— Ничего. Нет имен, нет названия, штаба, знака. Но все секретные службы мира по сравнению с ними — детский сад.

— Как ничего! Ты знаешь хоть что-нибудь?

— Есть некая теория.

— Давай.

— Тебе покажется еще одним бредом.

— Не большим, чем все остальное. Не смейся. Сказал ведь: протер глаза и начинаю рассматривать детали.

— Я встречалась с учеными и историками, немало просидела в библиотеках и в архивах разных стран, сама переводила древние тексты. Начала я с шумерской цивилизации, город Ур, знаешь?

— Знаю. Шлиман и все такое. Библейский Авраам чуть ли ни оттуда. Первый город на Земле.

— Верно. Хотя были города до Ура, и еще какие. Если коротко, выстраивается такая картина. — Она начала

мазать холодный гель на мои красные плечи, я дернулся, отстранившись. — Как хочешь! Так вот... Есть предположение, что в древности, до того самого Ура, люди были рабами... инопланетян! Совет из семи инопланетян прилетел на Землю на летающем устройстве, то бишь «тарелке».

С подчеркнутой многозначительностью пододвинула фарфоровую тарелку, взяла дольку яблока. И обернулась ко мне. Я затаил дыхание. Та же, что и в Сент-Морице: жуткая бледность лица, а в глазах — расплывшаяся по радужной оболочке чернота.

— Они подчинили своей воле наиболее разумную группу живых существ на нашей планете, то есть людей. Ты учти, я не придерживаюсь теории, что они нас и создали. Люди-рабы были нужны им исключительно для добычи и хранения некоего полезного ископаемого, важного источника энергии. У меня есть даже версия, что из-за многовековой неконтролируемой добычи начались тектонические процессы, приведшие к исчезновению целого материка с развитой цивилизацией рабов — Атлантиды. В любом случае в какой-то момент ископаемое иссякло, планета стала неинтересна для космических хозяев, и постепенно началась современная история медленного превращения рабов в людей — история, которая еще не закончилась.

— Чушь, конечно. Но что-то в этом есть.

— Так вот, таинственные участники Организации, как я понимаю, считают, что служат тому самому совету инопланетян. По их мнению, люди — по-прежнему жалкая раса рабов, которая еще может для чего-то пригодиться инопланетным старейшинам. И лишь гении своими открытиями, своим влиянием на науку, технику, искусство, политику могут помешать тяготящему про-

зьябанию человечества. Рабы не должны превратиться в конкурентов хозяев. Поэтому гениев нужно отслеживать и уничтожать. И такое положение, похоже, выгодно всем. Революционные прорывы и резкие перемены никому не нужны. Спокойное поступательное прозябание, прежде всего, на руку транснациональным глобальным корпорациям. С ними тоже надо обязательно разобратся. В общем, по моей версии, основателем Организации был Ур-Наму, один из первых правителей Ура.

Я вздохнул и оглянулся. Фотограф вышел из воды, удовлетворенно изучая слайды на экране — нащелкал на кругленькую сумму.

Любимая засобиралась, крем в полотенце, ноги в шлепки. Она словно догадалась о каком-то нехорошем продолжении разговора и хотела в буквальном смысле уйти от вопроса.

— Подожди. Расскажи мне еще...

Она испуганно остановилась.

— Расскажи про Холокост.

— Не надо.

Явно сожалела — значит, я задал тот самый вопрос. Уставилась в одну точку, возможно, точкой был черный Maubach у входа в отель.

— Надо.

— Не хочу. Страшная история.

У ее нижней реснички как будто что-то блеснуло.

— Надо! Мне — надо!

— Ты еще не готов. Не понимаешь, кто ты, и еще меньше — откуда ты. А ты оттуда, из того огня, чудом уцелевший. Твой дедушка воевал в Красной Армии, рисковал жизнью, но выжил. Остальных сожгли. Всех. И твоих родных.

— Знаю!

— По моим данным, в начале века перед Организацией встал вопрос о двух народах. Русские показали себя. Достижения в искусстве, коммерции, науке — небывалые. Миллионы талантов, сотни гениев, статистика зашкаливала, и вообще к двадцатому веку народ стал самым необыкновенным. Агенты Организации участвовали в Революции, внедрились в ВКП(б) и НКВД, помогли параноику Сталину возглавить ЦК и прочее. В итоге до 40 миллионов репрессированных, миллион расстрелянных, до шести миллионов погибших в ГУЛАГе. Уничтожен цвет нации, причем изнутри. А потом еще и 27 миллионов убитых во Второй мировой. Так сказать, контрольный выстрел. Сам посуди, причин воевать с Советским Союзом у Германии не было, с точки зрения военной тактики двигаться на Восток было бессмысленно. Тут поработала Организация, внедренная в фашистскую верхушку.

— И что Германия?!

На лице ни кровинки. Упорно не смотрела на меня, изучала что-то вдалеке и бубнила все тише, но, казалось, каждое слово колко звенело у меня внутри.

— Я же говорю. Вопреки логике нарушила выгодный Договор о ненападении. Не было задачи побеждать в войне, требовалось подорвать качество ДНК за счет уничтожения значительной части населения. Кроме того, была конкретная задача, пользуясь войной на Востоке, полностью уничтожить миллионы оставшихся европейских евреев-ашкенази на территориях Прибалтики, Украины и Белоруссии.

— И что Германия?! Что?!

— Милый. Пошли в номер. Я устала.

— Говори!!!

Я отвернулся от нее. И закрыл глаза.

— Ты хочешь услышать мою версию о Холокосте? Апофеоз «успеха» Организации. Нация, дающая больше всех гениев, стала заметной и наиболее успешной именно в Европе. Я думаю, Организация причастна к уничтожению всего европейского ядра народа, так называемых истинных ашкенази. Для этого выбран исполнительный и методичный немецкий народ, к тому же исконно питающий ненависть к евреям, и еще в удачный момент экономического кризиса. Организация в начале двадцатых внедрилась в логово антисемитов, в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию, помогла им с властью, разработала план по Untermensch (Недочеловеки) и далее реально истребила почти всех европейских евреев. Выжившие «остатки» нации уже никого не интересовали. Задача выполнена с максимальным результатом и четко по плану, от пропаганды и гетто до концлагерей и карательных айнзацгрупп. Например, вместо снабжения в должном объеме немецких солдат топливом и боеприпасами чуть ли не все железнодорожные составы были отданы под отправку евреев в газовые камеры. И так далее. Да ты пойми, уничтожение гениев, судя по всему, было важнее войны. Отсюда и Холокост в ущерб войне, и ненужное нападение на Россию, и другие жуткие парадоксы. Давай не будем, страшно.

Научные трактаты о любви.

Из ноутбука Apple загружено
в Livejournal.

Словарь

Наиболее педантичные туристы специально изучают основные матерные слова страны посещения, чтобы точно знать, куда их посылают местные жители. Учитывая, что мужчина и женщина напоминают два континента, между которыми пропасть, без словаря тут не обойдешься.

Фраза мужчины / женщины	Перевод с женского	Перевод с мужского
Нет	Да	Нет
Как пройти?..	Как бы пройти, не важно куда, главное, с тобой	Как пройти конкретно туда и коротким путем?
Я тебя люблю	Ну, ты попался, держишь	Я тебя хочу регулярно

Фраза мужчины / женщины	Перевод с женского	Перевод с мужского
Я задержусь на работе	Да будь проклята любая работа. Куда лучше в бутик / к подругам / к любовнику / в театр / на море. А ты тем временем веди себя хорошо, приду, может, и вовремя — чтобы проверить!	Я, ну пожалуйста, пофлиртую / пересплю после работы и вернусь верным и послушным
Мне нужно домой в 12	Дурачок, успевай все по-быстрому	Сегодня я не в форме, но давай посидим в кафе, лапши повешаю
Не стоит	Не сто́ит	Не сто́ит
Отдых был потрясающий	Успела чикнуться в последний вечер	Кинул палку у самого моря
Уезжаю в командировку	Еду, возможно, на б...ки	Еду на б...ки!
Дурак! / Дура!	М...к!	Дура!
Не хочу	Может, хочу	Вообще не хочу
Может, еще потусим?	Давай, скорее тащи меня к себе и ..., но вообще-то я бы еще и потусила, да и хорошо бы ты догадался подарить мне цветы, дурачок	Сейчас напьюсь в хлам

**Фраза
мужчины /
женщины**

**Перевод
с женского**

**Перевод
с мужского**

Давай
дружить!

Давай не сразу,
давай продлим
конфетно-букетный
период, плюс я тебе
еще мозг повзрываю,
а ты будешь кивать
и все выслушивать,
как миленький!

Подружмся
организмами?

Не хочу
замуж /
жениться

Хочу срочно
замуж! За богатого,
успешного, не старого,
не юного, верного,
щедрого, сильного,
умного, не пьющего,
не торчащего,
интересного, веселого,
любящего меня, детей
и желательно мою
маму, заботливого
принца на белом
коне (на хорошем
автомобиле)

Не хочу жениться,
мне и так хорошо!

Круазеттимся

Я взял пожухлую розу из старой вазы и теперь кидал сорванные лепестки вниз, наблюдая за их кружением с ажурного балкончика в стиле ар-деко верхнего люкса отеля Martinez.

Внезапно я почувствовал, что теряю равновесие, и тут же какая-то сила увлекла меня обратно на балкон.

— Обычный растяпа и тюфяк, как все мужики.

— Сбросить хотела?

Мы притворно дрались, она крепко схватила мои руки, так что я не мог ими пошевелить. Очень сильная. Открытый ротик и горящие глазки, взрослый ребенок во время игры.

— Знаешь что! В знак протеста я напишу здесь что-нибудь такое, такое...

— Стихи?

— Прозу! Назло тебе! — Я вырвался.

— Я только за, мой гений. А мне надо убежать до вечера.

— Куда?

— Не важно, по делу.

— Ничего себе! Я с тобой!

— Нельзя. Попытаюсь хоть как-то повлиять на наше положение, возникла одна идея.

Очередную карточку со столика в карман и скорей из номера — решил проследить. По лестнице в холл. Она выходит, а за ней, с усилием крутанув стеклянную вертушку, на улицу спешат двое мужчин в бейсболках и шортах. Казалось бы, ничего особенного, но воспринималось ясным сигналом: видимо, хвост.

Бейсболки исчезли в темных недрах горы на колесах под названием Cadillac Escalade. А Porsche уже сиганул на красный, подпрыгнув на лежащем полицейском. Задыхаясь, побежал со всех ног в соседнее здание, к вывеске Rent a car. Швырнул на ресепшн карту, наплел какую-то историю и наконец рванул из Канн, мимо Ле Каннет, мимо гудящих машин и светофоров, на Mercedes Benz CLK. Неожиданно в траффике показался Cadillac, мелькнули и габариты красного болида моей «Шумхерши». Я маневрировал и приближался. Где-то рядом с Ниццей гора черного металла чуть не столкнулась с Ситроеном, по инерции я мог въехать в джип, но ловко перестроился. Начинаясь пробка на несколько километров. Парни в шортах вышли, изображая крайнюю обеспокоенность причиной затора, а на самом деле зашагали напрямик к авто моей любимой. Но моя полоса в траффике продвинулась еще, и я первым увидел пустой кабриолет. Анна успела обогнать грузовик, и ловко скрылась. «Бейсболки» оглядывались, по-хозяйски держа руки в боки. Я вжался в кресло, через секунду машины снова тронулись. В московском стиле нагло подрезал несколько автомобилей, чтобы прижаться к обочине. Выскочил, согнувшись в три погибели, вернулся к Porsche и дальше, прячась, к черному джипу. Преследователи стояли спиной ко мне, вглядывались в сторону ближайшего квартала, один говорил по мобильному. На окнах и балконах старых зданий колыхалось белье, город будто издевался

над всем происходящим с помощью комичной инсталляции из цветных тканей. Кое-как просеменив до вражеского авто, вытащил ключ через открытое окно, выбросил его за бордюр. И по другой полосе, скрывшись за каблуком Renault Kangoo, добрался до своего Мерседеса.

Когда вернулся в номер, услышал шум воды: она уже была в ванной!

На полу валялась грязная одежда. В центре комнаты стояла потерянная сумка. Я взял ее за толстые ручки из кожзама, чтобы поставить на полку, но с грохотом бросил, не в силах бороться с земным тяготением.

— Не трогай! — крикнула сквозь шумовую завесу льющейся воды.

— Чуть не надорвался! Что там? Где ты была?

Осторожно расстегнул тугую тракторную молнию: внутри железный саквояж. Щелкнул необычной застежкой... И ее рука хлопнула по крышке.

— Я сказала, не трогай!

Женщина в гневе сразу после душа — картина не для слабонервных. Я на миг застыл, глядя на розовое тело и торчащие соски, но опомнился.

— Так! Может, там бомба. Ты снайперов убираешь лавинами, значит, и ядерный взрыв подойдет!

— Ядерная бомба, даже маленькая, не поместится в таком чемодане.

— Одно то, что ты осведомлена о размере ядерной бомбы, — для меня сигнал. Покажи, или я уйду.

Я направился к двери.

— Ладно, смотри.

Я подошел. Она открыла. Я молчал, наверное, минуту.

— Что это?

— Ты хотел посмотреть, а не выпрашивать.

— Объясняй! Что за оружие? Такого и в кино не увидишь.

— Новая разработка ЦРУ. Нанотехнологии. Можно назвать его наномет. Давно за ним охочусь.

— Откуда взяла?

— Понимаешь, — пробежалась пальцами по корпусу изделия, — в Каннах, в том числе в нашем отеле, во время Второй мировой квартировались американские военные. Места им приглянулись, и рядом, недалеко от Гроссе, была построена секретная тюрьма ЦРУ. Очень удобно — схватил какого-нибудь шейха за яйца во время отдыха, намотал на них колючую проволоку и в бункер. Хотя с виду тюрьма, конечно, выглядит как старинная усадьба, никакой там проволоки нет, одни лазеры, компы и камеры.

— И что? Хочешь сказать, оружие оттуда? Ты работаешь на ЦРУ?

— Я ни на кого не работаю. Украла.

— А как же крутая охрана?

— Я смекалистая и спортивная. Ты разве не заметил? — Она ухмыльнулась и закинула ногу на мое плечо.

Закрылся в пропаренной ванной, сел на крышку унитаза. Ноги чавкали в луже — протекла душевая кабинка.

Если мускулистый красавец Жан Бо позировал для скульптуры «Мыслитель», то с меня какой-нибудь современный Роден мог бы смело лепить в тот момент композицию «Лузер».

Оставалось массировать виски и думать, но о чем думать, я как раз додуматься никак не мог.

Мы вышли поужинать на веранду Карлтона. Моя красавица блистала, ее было не узнать. Свежая, лучистая шатенка, «вся в Диоре», с цветочным кольцом Dior Joaillerie, с длинными бриллиантовыми серьгами и под-

веской Vvlgari. Вместе с новым тончайшим платьем, макияжем, прической совершенно поменялись ее движения и манеры. В руке вместо сумочки она держала небольшой розовый ноутбук.

— Сегодня ты Афина.

— Архетипическая дева-воительница? Хочу заново быть Евой!

Подошел официант. Она бегло заговорила по-французски, потом я услышал знакомые слова.

— Лонг-Айленд. Только водка, джин, текила, ром и Куантро, не добавляйте колу или айс-ти.

Я попросил виски с колой.

— Откуда еще и Vvlgary? И снова глобальный бренд!

Она потрогала цветные камни на тонких цепочках.

— Ты все знаешь: кому-нибудь отдам или выброшу. Между прочим, во время Второй мировой Константино Булгари с женой Лаурой спрятали трех еврейских женщин в своем римском доме. Спасли жизни незнакомых людей, не побоявшись наказания.

Француз за соседним столиком забыл про свою спутницу и неотрывно смотрел на мою. В какой-то момент Ева резко обернулась и так пронзила его своим ведьминым взглядом, что тот подавился и закашлял. Пока подбежавший официант помогал ему прийти в себя, я тронул Еву за руку:

— Ты не замечала слезки?

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Не видела днем погони?

Снова непонимающий взгляд.

— За мной никто не гнался. Машину бросила на дороге и в нее же потом вернулась.

Я засомневался... Неужели сегодня потащился за мирными геями, которые подозрительно уверенно рванули в Ниццу?

— Не боишься, что сцапают? Застряли в Каннах.

— Не умею бояться, если честно. С твоими талантами и бояться нечего. И у нас теперь есть чем ответить, забыл?

— Весело. А как действует твой наномет?

— Тихо ты! Сама не знаю! Значит, так. Как ты выразился, я «фанатка» твоих стихов. А ты сегодня грозился прозой! Как видишь, я взяла ноут.

Я минут двадцать строчил.

— Так, показывай.

Синай. За три тысячи лет до.

Ципора спала, капли пота стекали с черной кожи на грязную льняную ткань. Моисей вышел из палатки. Сотни грубых лоскутов покрывали бархан. Песок змеился под ногами. Старик не надел сандалий. Не взял посох. Песчинки блестели в бороде и глубоких морщинах. Ветер обдавал запахом мочи, пустыни, манной похлебки и великой мечты. Солнце и луна — с двух сторон на бездонном куполе. Моисей посмотрел на лагерь, на Ципору, на палатки Гершомы и Элиэзера, сыновей своих, на небо. Старик размазал огромной ладонью слезы, смешивая их с песком на щеках своих. Губы зашевелились.

— Дай мне перейти. Прошу Тебя. Только дай мне перейти!

Пустыня молчала. Ему почудилось, что солнце и луна — две дыры в синеве: одна дыра источает время, другая пространство. А еще в этот миг ему почудилось, что он абсолютно один.

Моисей вытянул вперед скрюченные шершавые пальцы. И вдруг застывший в воздухе вид на барханы вздрогнул волнами. Словно одним касанием он встревожил отражение на глади вертикального озера.

Ницца. Недавно.

— А знаешь ли ты про концепцию конца истории? О ней писал Гегель.

— Мы учили три его закона диалектики: переход количества в качество, закон отрицания отрицания и, как его там, единство и борьба противоположностей!

— Да-да. Помню, когда-то я мечтал придумать четвертый. Теперь я знаю, что их десятки.

Девочка с филфака МГУ сверкнула стекляшками очков. Судя по торчащим бледным коленкам, она сбежала от спящей мамы не ради лекции по философии. Мы были соседями в гостинице Le Meridien, обменялись улыбками во время завтрака и теперь сидели на знаменитой Променад дез Англе. пляж впереди, наша самая страшная гостиница побережья позади, а вокруг шелестели дряхлые гости Лазурного берега. До встречи с девчонкой я бродил по Ницце три дня. Зашел за скоростную трассу, вышел к предгорью, спотыкался на дороге из песка и щебня, дышал сухим воздухом, видел нищету и не видел надежды.

Слушай же, недотраханая книжная девочка, слушай чело- века, отчаянного в своем одиночестве.

— Так вот, понимаешь, вся классическая история — грустная история войн и насилия. А наступит время, когда объединятся все народы, наступит всеобщий мир, люди сольются в экстазе, в прогрессе и в радости. Больше не будет всяких там страшных событий, а значит, наступит конец истории.

Последние слова я произнес со слезами. Сильный ветер хлестал по лицам. Я знал, что сейчас произойдет. Девочка уже не слушала. Она распахнула глаза, приоткрыла рот. Я смотрел на этот рот и жалел, что никогда им не воспользуюсь. В ее очках отразился вертолет, опускающийся прямо

на пляж, выпрыгивающие из него люди в камуфляже, распуганные туристы и я. Точнее, мое тело с надетым на голову мешком, уносимое в вертолет. Придавленный коленями к железному полу улетающего вертолета, я представлял себе влажный рот, все еще раскрытый там, на набережной Ниццы. Там, где отели выстроились полумесяцем у остывшего моря. Там, где еще недавно Айседора Дункан мчалась на белом Дукаатти, а розовый шарф обвивал лебединую шею и закручивался в сверкающие спицы колес.

— Уау! Супер. — Захлопнула ноут. — Хотя пока бесвязно. Но есть постмодерн. Значит, ты сегодня сгонял в Ниццу. А откуда знаешь про десятки законов диалектики?

— Это так, для прикола.

— Почему, все верно. Я однажды их разработала. А куда тебя уносит вертолет?

— Не знаю. Что там с диалектикой, ну-ка?

Я был уязвлен недостаточным проявлением восторга в адрес написанного.

— Трудно говорить о диалектике с тем, кто наверняка не изучал критический рационализм Карла Поппера. Между прочим, Поппер вовремя убежал от нацистов в Новую Зеландию. Ты, получается, в курсе и конца истории, молодец, любимый!

— Хватит сюсюкать!

— Люблю концы. Кстати, Гегель украл концепцию у иудеев. Придет Мессия, построит третий храм, наступит благоденствие. Как там у пророка Исайи? «И перекуют все народы мечи свои на орала и копыя свои — на серпы; не поднимет меча народ на народ и не будут больше учиться воевать». Но по телеку будет тоска, сплошной Bloomberg, MTV, Eurosport и тому подобное.

— Как соотносить счастливый конец истории с твоими «рабскими теориями»?

— А что? Мессия — потомок царя Давида по мужской линии через сына Соломона, с таким ДНК он точно будет гением! Причем посланным для спасения человечества. Можно сказать, он будет гением Последней Революции. Возможно, его прихода больше всего и боится Организация! Ой, не удержусь, допишу-ка сюда в твоём стиле.

Она принялась щелкать по клавиатуре с неслыханной скоростью и повернула ко мне ноут.

Первый контакт

Нанна — лунный бог. Мозур — корабль.

Нанна, Мозур.

Яркие звезды над домиками из глины. Большие звезды и маленькие домики. Первые зовущие звезды над первым городом Земли. Смуглый человек по имени Наму, путаясь в ткани, бредет из Ура навстречу влажному ветру Евфрата. Ноздри его дернулись, уловили вкусный запах. В Лагаше, соседнем городке, жарят инжир. Вдруг поднялся песочный вихрь, летящий одновременно во все стороны. Казалось, прах времен витийствует и ропщет. Косы покрылись песком. Протер лицо. И его глаза не увидели ночного неба.

Огромная круглая гора повисла в воздухе перед ним и сверкала.

Семь существ спустились с горы и приблизились.

Наму трясло от неотвратимого прикосновения. Слюни и сопля разлетались лохмотьями, по ногам струились испражнения.

— Клянусь, — шептал он на шумерском. — Клянусь!

Этот смуглый человек, Ур-Наму, получит весь город Ур от внезапно утонувшего Утухенгаля. В соседнем Лагаше назначит править своего друга Ур-Абу вместо Наммахани. Вернет спорную территорию между Уром и Лагашем обратно Уру. Сделает Ур портом индийской и аравийской торговли. Построит храм в честь лунного бога Нанна. И его Зиккурат, храм из простых усеченных пирамид с цветными террасами и лестницами, будет сиять многим поколениям в закатном солнце Востока.

Ур-Наму создаст тайну.

Тайну, которая все века парит над человеческими жизнями, широко раскрыв ледяные крылья.

Тайну, тень которой над нами.

Нанна, Могур.

— Как? — Она улыбалась, понимая свое превосходство.

— Женщина-гений... — На самом деле я был раздавлен. Уловить стиль, и так лихо выдать про древнее Междуречье.

— Выпьем. За тебя!

Пригубил шампанское.

— Хочешь, доверю тебе свой главный секрет?

Я посмотрел устало.

— Если я гений в революции, то мое достижение — спасение главного гения, который живет сейчас на Земле. На него я возлагаю большие надежды.

— А что он сделал?

Она равнодушно провела пальчиком по бокалу:

— Как тебе сказать...

— Не томи.

— Ничего особенного. Единственное... завершил Единую теорию поля.

— Которую не смог закончить Эйнште...

Она показала пальчиком «тсс».

— Да. Его «теория всего» объединяет все четыре фундаментальных взаимодействия, а именно гравитационное, электромагнитное, сильное ядерное и слабое ядерное.

Говорила заученно, с полагающимся вздохом, без энтузиазма, но дипломированный режиссер с полугодовальным стажем, конечно, заметил нотки торжества: она гордилась успехом.

— Пока готова лишь Специальная Единая теория поля, он работает над Общей теорией. Он уже смог объединить квантовую механику и общую теорию относительности, развил догадку Эйнштейна про пятое, невидимое микроизмерение, объяснил существование вселенных с произвольным числом измерений и так далее. Из теории возникают предпосылки для экспериментов и для наблюдения над новыми фундаментальными частицами и силами.

— Как... как ты его нашла, как спасла? Где он?

— Долгая история. Вытащила из России. Он здесь с женой.

— Как? Где?

— В Каннах. В пятистах метрах отсюда, в конце Круазетт. Я им подобрала милые апартаменты, они тут года три. Хочу их предупредить — пора переехать.

Улыбнулась, положила ложечкой кусочек торта в мой раскрытый рот:

— Мой тебе подарок — успеть в этой жизни пообщаться с самым умным человеком на Земле.

— Лучший подарок.

— А секс со мной?

— Рутина.

Научные трактаты о любви.

Из Samsung Galaxy Tab
выложено в vKontakte.

Диалектика

О любви — к философии!

Когда тебе грозит опасность или, например, любовь, порой невольно подумаешь о вечном. Вот и три закона диалектики Гегеля никак не дают покоя. Как можно было ограничиться только тремя законами, объясняя Вселенную? Тем более что в них ни слова о любви, о чувстве...

Пофантазируем.

Три закона диалектики Гегеля с точки зрения алкоголика.

Переход количества в качество. Выпил 200 граммов — я себя не уважаю. Выпил 400 граммов — я тебя уважаю. Выпил литр — кажется, все меня уважают.

Закон отрицания отрицания. Сказал, хватит, значит, хватит. Сказал, завязал, значит, завязал. Ну, давай, по стопочке, и все.

Единство и борьба противоположностей. Пиво с водкой.

Самое обидное, что закона всего три. Интуиция подсказывает, что их гораздо больше. И они запросто откроются современному студенту-философу, который под впечатлением от Гегеля несомненно увлечется употреблением спиртного и некоторых легких наркотиков.

Его законы были бы полны любви к философии и бытию, к конопле и коксу.

Законы диалектики студента-философа-торчка-второгодника

Все во имя добра. Спросите у пива.

Вселенная во всем. Все во вселенной. Мама!

Бесконечность рулит.

Не трогай ноль.

Земля и небо. И снова земля. И снова небо.
Как я попал на батут?

Все затягивает.

Уходы и приходы. Улеты и прилеты. Ух ты!

Всегда навсегда. Никогда на никогда. Все везде. Ничто нигде.

Почему? Потому!

Бесконечность вставляет. Уже вставила.

Между инь и янь всегда какой-нибудь ёнь.

Непараллельное параллелится, параллельные пересекаются...
И нюхаются!

Леннон жив. Ленин мертв. Уау!

Мы все умрем. Я, возможно, сегодня.

Жизнь — это жизнь, смерть — это смерть, а стафф — это стафф.

Б-г существует. Спорим?

Мы на волнах. Хорошо!

Мир больше, чем больше, чем больше. Ух!

Колбасит даже колбасу.

Уау! Прямо уау-уау-уау!

Галлюцинация — реальность. И наоборот. И еще раз наоборот.
И еще два раза.

Все пройдет, кроме мака.

Забей.

У всего есть дилер.

Если есть тара, выброси тару. Если есть terra, выброси и ее.

Полное в порожнее.

Форева опохмел, и отходняк форева. И нэва, нэва, нэва!

Догоняй. Догоняйся.

И да. И нет. И да-а.

Любовь побеждает... Все! Победила!

Полет над вечностью

Покрутились на всякий случай по каннскому холму до госпиталя, потом по бульварам Вотрен и Александра Третьего, далее на Газанэр и Палм Бич. Пролетев мимо казино, поехали тише. Бросили машину в переулке. Изогнутое здание с балконами, газончик, подъезд в мраморе, звонок рядом с массивной дверью на первом этаже.

А потом объятия, скворчащие сковородки, кошки, собачки и молодая семейная пара в уютной квартире, состоящей из студии-гостиной с кухней и зеркалом в полстены и отдельной спальни с кабинетом. Она, пышечка-домохозяйка, встретила в фартуке. Он — в роговой оправе, похожий на хакера, с длинными невымытыми волосами, забранными назад. На его футболке рука в жесте «фак». Учитывая мое воодушевление, мне показалось, что один только логотип с оттопыренным средним отвечает на многие вопросы бытия.

Самым забавным в доме было то обстоятельство, что имена пушистых питомцев были длиннее и благороднее имен хозяев. Кошек звали Шахерезада, Эсмеральда и Кассиопея, а маленьких собачек Веспасиан и Навуходоносор. Хозяева же именовались Миша и Нюша. Каждое упоминание домашнего любимца

в привязке к имени хозяина воспринималось комично: «Нюш, Эсмеральда не пьет молочко», «Миш, дай колбаску Шахерезаде», «Миш, а ты не видел Веспасиана? Посмотри под кроватью» и, наконец, самое грандиозное «Навуходоносор обоссался». Ева принялась помогать у плиты Нюше, до меня донеслось интимное откровение хозяйки: «Я так люблю Мишку! Представляешь, недавно назвала его песиком». Пока девушки суетились, я присел на диван рядом с гуру физики .

— Хочу у вас столько всего спросить!

— Знаю, знаю. О двух наших ши-тцу. Знаете ли, древнейшая порода на планете!

Как будто услышав разговор, одна из рыжих лохматых собачек засопела и зачихала, подобралась к нашим ногам и брякнулась на живот, вытянув лапки.

— Вы знаете, их иногда называют хризантемными собачками. Пушистая голова напоминает цветок хризантемы.

— Забавно, но хотелось бы спросить...

— Про хризантемы? Вы знаете, это удивительно, у цветка тысячелетняя история, а в Россию они попали только в девятнадцатом столетии.

— Потрясающе. Но... я хочу понять главное!

Прищурился, снял очки и начал протирать их футболкой с неприличным знаком. Его длинные пальцы сильно натянули ткань, вцепились в очки и не отпускали их. Скорее признак спокойной задумчивости, чем нервозности. Знак на футболке искривился в указующий перст. Ученый снова, теперь без очков, близоруко посмотрел на меня, его лицо казалось вдохновенным и печальным.

— Я вам скажу сразу обо всем. Вы готовы сейчас воспринять описание Вселенной?

— Попробую...

Нагнулся ко мне. Появляло сладким запахом немых волос. И вдруг громко и отчетливо раскрыл главную тайну Вселенной, причем самым сжатым и многозначительным образом.

— Да!..

Не успел я, вытаращив глаза, переспросить, что "да", как он уже направился помочь девушкам у плиты. Я остался сидеть на потертом диване — в замешательстве и смяте-нии. Ши-тцу чихнул и отвернулся.

Ева отогнала лохматую хризантему и повела меня за руку в спальню.

— Пошли, покажу тебе его письменный стол, увидишь гору бесценных рукописных страниц.

Мы вошли в тесную комнатку с двуспальной кроватью и дубовым столом. Кровать была устлана покрывалом с вышитыми хризантемами, а стол... был совершенно пуст.

— Странно, — тревожно протянула она.

— Мне кажется, надо спастись...

Ева побледнела. Мы медленно вошли обратно в комнату.

У кухонного шкафа на боку недвижно лежала Нюша. На полу, спиной к зеркалу, раскинув руки, сидел Михаил. У обоих по кровавому пулевому отверстию во лбу. Бордовая жижга вытекала из дыры и скапливалась на массивной переносице очков великого гения. К женщине подошла кошка и принялась к образовавшейся лужице.

Наше оцепенение длилось несколько секунд. Ева с силой толкнула меня в спальню, я споткнулся о кровать и грохнулся у стола. На моих глазах Еву буквально унесло из гостиной, словно невидимая рука, некая неодолимая сила рванула ее в сторону окна, раздался звон разбитого стекла.

Я перелез через раму с торчащими по краям стеклами, никого вокруг не увидел — и побежал так, как не бегал никогда в жизни. Ксеноновые блики на стенах домов, скрип шин. Кто-то на скорости разворачивал автомобиль.

Мелькнули два овальных прожектора. Наш красный Porsche...

О, счастье — Ева за рулем!

Я закричал и, пока она сдавала назад, успел запрыгнуть в машину.

— Ты мне не нужен!

Она рвала мотор, неслась по улицам.

Всхлипнула.

— Они их убили, убили, сволочи!

Когда выехали на серпантин, она мельком оглянулась на меня, дышащего, как загнанный пес:

— А ты неплохо бегаешь.

Вдалеке показались огоньки черного Lamborghini: гоночный болид ревел мотором, маневрировал на тесной дороге, обгоняя медленные попутные машины по встречной полосе и ныряя обратно при приближении встречных фар. Те же пируэты выписывал и наш Porsche, Ева вела уверенно и невероятно смело. Все было понятно, ставки сделаны, так решила она. Я то и дело зажмуривался, тошнило от неизбежности развязки, перегрузок на поворотах и скорости. Между красным и черным оставался один автомобиль, серый Renault Megane. А дальше... Такое трудно объяснить, легче почувствовать. То, что в пылу погони, в пламени ненависти кажется логичным, при дальнейшем детальном разборе всегда выглядит глупой ошибкой.

Недалеко от Антиб, перед крутым поворотом, возник просвет на встречной полосе, Lamborghini замед-

лилась. Показалось, что открылась отличная возможность для атаки. Хотелось обогнать Megane по встречной и влететь в бок черному болиду, сбросить его с серпантина. Любимая так и поступила. Вывернула руль и педаль в пол. В это мгновение нас ослепила несущаяся навстречу фура. На невероятной скорости Ева сотворила чудо. Одним движением она повернула руль вправо и тут же влево, мы умудрились за мгновение до столкновения с фурой влететь обратно, да еще задеть Lamborghini. Черного «быка» закружило по трассе. А мы — мы вылетели в ночь... Porsche был не управляем еще до удара, а косое, трамплинное, столкновение на скорости за 200 вынесло кабриолет через ограждение.

Помню последний миг, медленный, вечный. Боковым зрением вижу черные волны, посеребренные луной, поначалу далеко, где-то внизу. А потом ясно различимый, молниеносно приближающийся, бриллиантовый блеск морской ряби. Но самое удивительное другое. В миг свободного полета, в миг величиной в пару секунд я успеваю повернуться к ней, положить ладонь на ее руку, сцепленную с рулем. И увидеть ее лицо. Она улыбалась, она была счастлива.

*Грустно жить и горько умирать.
Впрочем, выжить после смерти — горше,
Даже находясь при этом в Порше,
Даже в том, что мимо Кап Ферра*

*Серпантинно-глянцево несется.
Горько быть героем глупых пьес...
Лучше — не по стрелке GPS,
А к лучистому туннелю солнца!*

Последние часы

Проснулся. Ева прыгает на мне и сладко кричит. Ее тело освещает включенная лампа на прикроватной тумбе. Я крепко обнимаю ее и жестко продолжаю сверху. Почувствовав приближение оргазма, она резким рывком переворачивает меня на спину, и мы стоим одновременно. От наступивших конвульсий она выскальзывает, дергаясь у моих ног. И вдруг... Раздаются аплодисменты, слышен свист. Включаются ramпы на высоком потолке. Я в ужасе оглядываюсь. Взгляд, будто испугавшись падения, цепко хватается за окружающую реальность. Не могу поверить. Мы с ней на сцене какого-то странного небольшого театра. В зале полуголые люди на коврах и низких диванах, всюду кальяны, восточные чайники и чашки на подносах. Закрываются кулисы, отгораживая нашу кровать от зала любительского порнотеатра.

Я вскакиваю на колени и с размаха отвешиваю ей оплеуху. Она видит замах, но не защищается и, похоже, не чувствует удара.

— Сука! Что ты мне подмешала? Зачем унизила?

Я с ненавистью плюю на нее, секунду наблюдаю ее затихающие конвульсии, поднимаюсь. Дойдя до подмостков, сажусь на ступеньку и тру лоб, не в силах спра-

виться с головокружением. По ту сторону кулис слышны стоны. Переведя дыхание, встаю и иду вперед. Чувствую тепло, тело, прижатое к спине, ее руки на груди.

— Прости. Это сюрприз. Вытащила тебя из воды, попробовала на тебе коктейль из легкого наркоза и всякой химии, потом адреналин и...

Я набираю в легкие воздух, но она не дает мне говорить, крепко прижав ладонь к губам.

— Тут самый знаменитый и крутой свингер-клуб Средиземноморья, мы недалеко от Марселя. Надо успеть все попробовать. Пошли.

Я сбрасываю ее руку с губ, она перехватывает удар, цепко держит и с силой тянет за руку к дверям в зрительный зал. В полумраке мне кажется, что я внутри сюрреалистической фантазии. Светотени, фрагменты движущихся голых тел. Всюду стоны, жар, хлопки от страстных телодвижений. Различаю в месиве отдельные пары, тройки, четверки людей. Опускаю голову: что еще? Красивая девушка заглатывает, не глядя на меня, пока ее парень продолжает сзади. И тут я снова вижу мою Еву, мою единственную. Двое спортивных мужчин разложили ее на спинке ближайшего дивана и уверенно, активно работают. Она стонет, захлебывается, закатывает глаза. Вырываюсь, наступаю на тела, выскакиваю из зала, подхватываю чью-то одежду, отталкиваю охрану, бегу по бескрайнему песочному пляжу. Долго. Все дальше. Ноги тонут в песке, иду вдоль воды, оставляя влажный след. Но чувствую слабость и падаю в песок.

Проснулся на траве рядом с пляжем. Спина ноет — сторел под солнцем.

Оглядываюсь. Вокруг бродят голые мужчины и женщины всех возрастов.

Сколько же можно!

Перед пляжем отели, в глубине какой-то городок. Иду и не могу поверить: в супермаркетах, кафе, магазинах, на тротуарах — только обнаженные люди. По-английски общаюсь с продавцом. Оказывается, вокруг Кап д'Аг, мировой центр нудизма, город голых. Одеваюсь, бегу к охраняемому выходу, сажусь в такси. Прошу отвезти в Канны (оплата «по месту», мол, карта в отеле) и проехать на прощание мимо прибрежных городов. Таксист разговорчив, со сносным английским. По радио бренчит Somebody to love. Прошу прибавить звук.

*Вы одна из последних
Шлюшек, моих гулянок, наследниц трона.
Королева тридцатилетних.
Но где корона?*

*Ваше Упадничество и Порочность,
Расшаркиваюсь, но ухожу не сразу.
Оставляю Вас голой. Включаю Queer —
на полную мощность.
Выезжаю на трассу.*

В Марселе грязь и нищета, хотя город красивейший. В неработающем фонтане плавают мусорные пакеты. Арабы курят травку по углам. В маленьком Кассисе, падающем с холмов, тишина и покой, пляж шириной в тридцать метров и виноградники. Бандоль напоминает Канны, схожая планировка в две улицы вдоль моря, но здесь все грубее, дома потрепаны.

Мчимся.

Ошалело оглядываюсь.

Слишком много солнца: большой желток, брошенный на маленькую раскаленную сковородку.

Таксист рассказывает, что рядом очень живописное место, двадцать домиков недалеко от трассы за холмом, и, кажется, где-то еще по соседству студенческий лагерь.

Съезжаем с дороги. Вдруг он бьет по тормозам. Ударяюсь локтем. Водитель уже выскочил из машины, бежит куда-то вперед. Догоняю. Он стоит как вкопанный, потный, глаза на выкате. Бормочет:

— Здесь был холм, дома... Что? Что произошло? Еще вчера я здесь был! Что? Что произошло? Кто срезал холм? Где все? Что же? Что...

Я оглядываюсь: вокруг голая равнина, по которой будто прошли тракторы, взрыхляя почву для посева. Вдалеке что-то блеснуло. Сердце мое сжалось в тревоге.

Бегу вперед, проваливаясь в кривые борозды, увязая в свежей почве. Вижу знакомую фигуру, длинные волосы, бледный лик...

Она. В руке дымится то самое, «нанометное», жуткое оружие.

— Что ты наделала?

— Уходи. Я хотела спасти себя. Они гнались за мной. Уходи.

— Что ты наделала?

— Уходи. Я не прощу себе.

Бледное белое лицо. Но зрачки не расширены.

— Уходи. Ты мне больше не нужен.

— Не уйду! — реву я.

— Я соврала тебе! Охотятся только за мной, ты никому не нужен! Ты рисковал, но зря. Живи! Беги!

— Знаю! Не уйду, — шепчу я.

Ее зрачки расширились, лицо стало страшным. Мгновенным движением она упирает оружие в мой лоб. Я кричу в ответ, слезы льются сами собой.

— Убей меня! Я не хочу жить без тебя! Убей!

Опускает взгляд, выбрасывая фразы:

— Я уеду в Испанию, лягу под нож, снова изменю внешность. Мы никогда не увидимся. Поедешь в Польшу, по местам Катастрофы. Ты обязан увидеть то, что произошло с твоим народом. Так ты вернешься к самому себе, ты, возможно, последний из ашкенази! А потом... поезжай к Маше. И тебя никто не тронет, если сам не полезешь. Ты не гений, ты талантливый тьюфяк. Займись предсказаниями, в этом ты ас, будешь богат и известен. А станет совсем плохо и невольно... тогда... Что ж, тогда погибай с пользой. Полистай «МК», рубрику Аронова «Поговорим». Там я видела один из ключей к Организации, к их региональному лидеру. И все же постарайся: живи. Терпи, но живи. Ты сможешь выжить без меня. Не ищи меня — все равно не найдешь. Как там у тебя: «Эта поэма заполнит пустоты. Судьбы, диджей, готовь. Кто ты? Любовь». Я...

Картинка погасла. Она вырубил меня резким ударом.

Всё?

Вернулся в Канны. Подбросил небритый толстяк-марселец, добрый малый на огромной фуре. Пожалел бродягу с заплывшим глазом.

Квартира убитого гения закрыта, стекло вставлено.

Поездом до Милана, в Карлтоне забрал паспорт и кредитку, благо на ресепшн все сохранили. На карточке неожиданно оказалась небольшая сумма, как раз для выживания и перелетов, — видимо, продюсер перевел новый гонорар за мюзикл.

Научился жить без телефона и часов. Научился искать и ждать.

Объездил всю Испанию. Проверил все клиники эстетической медицины. Ведь ты сказала, где-то здесь ляжешь под нож. От скалистого Кадакеса дополз до самого Гибралтара.

Рыдал по ночам, блевал по утрам. Болел, не ел, мало спал, много пил.

Заметил: чем ближе к Гибралтару, тем сильнее течение, тем круче нрав моря. Ловил волну, уплывал к горизонту, отдаваясь холодному потоку, нырял в волны повыше, каждый день искал рискованные повороты берега, волнорезы, места, где море опаснее.

В детстве тренер по плаванию вывозил нашу команду в Батуми, на каменный пляж, плавать в шестибалльные штормы. Теперь я возвращался в детство, боролся с волной и с самим собой. Я мог стоять в метре от надвигающегося вала, прямо перед вздымающейся тонной соленой воды, и лишь за миг до обрушения нырял под самый гребень.

Но не события закаляют характер, а то, как мы их переживаем.

И вероятность выжить иногда страшнее смертельной угрозы.

И, тренируя смелость, ты еще не становишься мужчиной.

Не найдя ее в Испании и почти потеряв самого себя, я вылетел в Варшаву. Как она и потребовала. С разбитым сердцем и ворохом жалких стихов, потрепанным дневником моего взросления.

Итак, впереди «Большие стихотворные сноски».

В книге много отступлений (стихов и таблиц), которые разнообразят повествование. Сноска порой важнее основного текста. Вообще жизнь похожа на одну большую сноску.

Стоит процитировать главного светоча человечества — Википедию (если сослаться всего лишь на энциклопедию, заподозрят в некомпетентности — мол, неужели автор не заглянул в Википидею, он что, «не шарит в теме?»). Так вот, сама Википедия (или сам Википедия, ведь это портал, справочник, а в будущем, вероятно, робот-светоч) сказала: «Сноски иногда применяются для размещения текста, который, будучи вставленным в основной текст, мог бы отвлечь от основного предмета, но имеет ценность в объяснении какой-либо подробности».

Парадокс в том, что только не возгордившийся читатель, снизошедший до внимания к небольшим вкраплениям, узнает секрет, поймет деталь, отыщет главное. Своеобразное испытание сноской.

Да будут сноски, эти маленькие символы Вселенной. Чти и почитай сноску.

Первая
Большая стихотворная сноска
(записано чернилами на бумаге).
Ты и я

* * *

*Я жвачка на твоём каблуке,
Подлый плевок на твоём плаще,
Огрызок, задержавшийся в твоей руке.
Я никто и ничто вообще.*

*Прощальный мат в милых устах.
Ты выбрасываешь меня, бранясь.
Ты разлюбила меня. Раз так —
Я превращаюсь в пыль. В грязь.*

* * *

*Я тебя оцениваю в ломаный грош
Под долькой луны где-нибудь в Юте.
В свой сакс митингует черный Гаврош.
И душно. И юр май бьютти.*

Старые вывески «Миллер», «Пицца».
Бар на отшибе всю ночь пустой.
И ломаный грош под луной искрится
Американской мечтой.

* * *

Возьми меня в разработку.
Брежу от сумеречного житья,
Слушаю, как ветер хрипит в рваную глотку.
Жду дождя.

Пасмурный вечер. Наблюдаю тупо.
И вот уже вес окружающей меня картинки
приближается к одному килобайту.
Пешеход похож на очертание своего же трупа.
Он идет против ветра. Он все ближе к асфальту.

Жду тебя, твоих действий, твоей разработки.
Так, например, чиновника во время его уик-энда
вербует МИ-6.
Он предоставит все чертежи новейшей
подводной лодки,
А они уничтожат пленку, на которой он
в купальнике обнимает мужчину и шест.

Наконец ливень.
И если меня окружают зонтами во время
ночных облав,
Я скажу симпатичному следователю с твоим
лицом: ай эм ливин,
Понимаете, ай м ин лав.

* * *

Невозможность расстаться.
Невыносимость расстаться.
Мебели невыносимость.
Фортепьяно звенит, хочет остаться.
В нем еще музыка. Плюс лак. Минус
Груда заполненного пространства.
На вынос.

Невыносимость неба.
Свет и справа, и слева.
Воздух повсюду.
Вынести его мне бы,
Заранее укрыть машину, спрятать посуду,
Нанять бригаду таджиков, пусть себе
 выносят небо.
Впрочем, точно опрокинут, не буду.

Невыносимость лета,
Весом 92 дня нетто.
Полная невозможность
Выжить без поцелуев сладкого цвета,
В тайну любви твоей снова брошусь.
Выкроить бы время, ну хоть бы вечность,
 у рассвета
С помощью звездных ножниц.

Невыносимый город.
Домов и событий пыльный ворох.
Спешу к сверкающему приборю
Третьего кольца. К обмороку дорог.
 Из оконных створок
Вываливаются отслоившиеся в жару обои.

И, конечно, знают фортепьяно, небо, лето
и город:
Мне ну просто невыносимо расставаться
с тобою.
И я тебе дорог.

Песня 1

Сука. Твой путь полон грязи.
Ты взъерошена и бледна.
Сука. Разве
Ты до сих пор одна?

Твое солнце, все в листьях, с крыши на крышу.
Твои дороги завязываются в петлю.
Милая моя сука. Я тебя ненавижу.
Я тебя люблю.

Припев: собачий лай и скулеж.

Сука. Ко мне! Ты что, оглохла?
Впрочем, я сам уже подошел...
Завистницы думают — кончишь плохо.
Но ты это делаешь хорошо.

Хочешь, оближу тебя, озябшую, бесстыжую.
Убежишь, укусишь — все стерплю.
Милая моя сука. Я тебя ненавижу.
Я тебя люблю!

* * *

У меня очки-иллюминаторы. И снова
Рында солнца весело звенит.
Проплывают Мийас, и Гранада, и Кордова.
Либо: Проплывают Бельдиби, Кемер и Текирова
(не важно),
Каждый город очень знаменит.

Проплывают женщины в купальниках. Но что-то
Я смотреть на это не могу...
Все стоит у пирса одинокая тойота, Плачешь ты
и щелкаешь сигналом поворота На другом
далеком берегу.

Песня 2

Давай поиграем в будущее. Сейчас.
Ты моя женщина. Я твой мужчина.
Возможно, у нас дети. Но сегодня как раз
Они у наших родителей, на то есть причина.

Романтический вечер. При свечах.
Правда, свечи в капоте. Только мы и машина.
Камин, он же мотор, зачах.
И ты моя женщина. И я твой мужчина.

Припев:

И я ловлю твои губы в сырой маете
Летнего вечера, и при этом
Наше будущее вспыхивает в темноте
То ли ксеноновым,
То ли лунным светом.

*А давай играть в прошлое. Прямо сейчас.
Ты моя девушка. Я твой парень.
И, конечно, погоня. Мы мчимся, смеясь.
И я тебе благодарен. За все благодарен.*

*Мы еще не расстались. Но с дорогой беда.
Поцелуй в полете. Среди дыма и гари.
Мы уже не расстались. И теперь навсегда
Ты моя девушка. Я твой парень.*

Припев:

*И я ловлю твои губы в сырой маете
Летнего вечера, и при этом
Наше будущее вспыхивает в темноте
Лунным светом,
Звездным светом!*

** * **

Любовники.

*Может быть, на ночь. Может быть, навсегда.
Вспыхивает в небе мудрая звезда.
Нью-Эдем. Древо Познания. Мы садовники.*

*Из нашего окна не видно, как людские судьбы
сплетаются веками,
Как расширяется Вселенная, как мир жесток.
Оргазмы встряхивают тебя, словно
электрический ток.
И я ловлю твое тело руками.*

Девочка на экспорт. Дива не из нашей тусовки.
Официально — гордая, независимая личность,
официально не б..
Сколько же ты стоишь, спрашиваю я себя
опять и опять,
Почем ледяное сердце в солнечной упаковке?

Ты придерживаешься бесстыжих
Представлений о жизни, о мужчинах, а еще,
я надеюсь, ты все-таки придерживаешься мечты
О карманном муже и доме у озера, в котором
другая ты.
Неукротенная. Я уже понимаю, почему на кострах
сжигали рыжих.

Ты не похожа на многих. Сегодня каждая согласна
На принца с конем и дворцами. В обмен каждая —
ничего не готова дать.
Прет такая клонированная длинноного-
нецеллюлитная рать.
А ты выходишь навстречу... И ты прекрасна.

Ты прекрасна. Каким-то внутренним светом.
Твердым умением жить. Жидкой помадой губ.
Мощно закрученным ДНК. Сладкой кожей. Знаешь,
я однолюб.
Предлагаю — любить тебя одну этим летом.

Предлагаю вместе запросто перевозмочь
Силу тяготения к быту. Я включу радио «Секс».
Я включу энергию между нами.
Я занавешу окно рекламными вывесками, звездами
и огнями.

*И мы будем любить.
И будет День Седьмой.
И будет Ночь.*

** * **

*Я поклонник позднего бритпопа.
У тебя изысканная попа.
У тебя
Длинные такие сигареты,
Ногти, и вопросы, и ответы.
У тебя.*

*У тебя останусь для прикола,
У тебя мечта, и ром, и кола,
У тебя
Палл, Оазис, Блёр, смешные люди,
А еще мечта. Мечта о чуде
У тебя.*

** * **

*Пуговица на ткани пространства.
Генеральный слоган: «Оторвись!»
Небоскребы новоренессанса
Раскачивают высь.*

*Меркуцио смертельно ранен.
Визжат вороны
С индустриальных окраин
Вероны.*

*В ночные клубы,
Покусывая пухлые губы,
Летишь в облегающем платье,
В кабриолетовом бреду.
И полночь с тобой расплатится
За всех Ромео на свете.*

Жареные пирожки из творожного теста

250 г творога
щепотка соды
2 яйца
соль по вкусу

чайная ложка сахара
мука (сколько войдет,
чтобы тесто скаталось
в крепкий шар)

Тесто раскатать в большой блин толщиной в полсантиметра, вырезать стаканом кружочки.

Начинка по вкусу:

- сваренное вкрутую яйцо, порезанное с зеленым луком,
- слегка поджаренная капуста с яйцом, сваренным вкрутую,
- черника.

Слепить пирожки.

Жарить в большом количестве растительного масла на медленном огне до румяной корочки.

Скоро конец

Конец книги, как, впрочем, и жизни, печален. Но часто печаль светла. Так уж устроен человек. Покажи ему черную дыру, а он воскликнет: «Не просто черная дыра, а волшебные ворота в новое измерение» или «Вовсе не тупая и жуткая черная дыра, а совершенно уникальная космическая аномалия, и ведь другие ее не видели». И потом обязательно добавит, если успеет: «Как же нам повезло, что мы видим черную дыру и неудержимо падаем в нее, а-а-а!» Кстати, герой книги не зря столько раз прыгал в неизвестность, теперь он готов к прыжкам в настоящие пропасти. В бездонную пропасть любви. И в черную дыру истории, туда, где исчезали люди, целые народы.

Прыгнуть, не раздумывая, чтобы суметь возвыситься до небес в стихах. И еще попробовать погибнуть, чтобы воскреснуть.

Итак, пусть книга кончается и, как и положено, становится чуть-чуть грустно, тут явно есть практическая польза. Во-первых, давно пора. Во-вторых, реальными осязаемыми книжками хорошо измерять виртуальное время. Как увидеть, каким был час, как удержать его в руках? С помощью книги. Кто-то скажет — «вот мои

пять часов с 11 до 16, вот они лежат между «Онегиным» и «Карениной», «Полеты над вечностью».

Час можно убить, потратить, а можно прожить. Вместе со мной. До конца.

В Польше... Освенцим

Стою на рельсах. Они никуда не ведут. Они заканчиваются здесь.

Жирный комар на руке. Хлопаю и стряхиваю, но кровавый след остается.

Зачем-то все время поправляю очки.

Шумно проходит группа американцев. Белая обертка жвачки Wrigley кружит над рельсами и травой. Кружит и не может упасть.

Чугунные буквы над воротами: «Arbeit macht frei», «труд освобождает».

У неизносимого есть имена. Аушвиц, Биркенау, Бжезинка. Освенцим.

Холокост

«Ты поедешь в Польшу по местам Катастрофы. Ты обязан увидеть то, что произошло с твоим народом. Так ты вернешься к самому себе».

Фраза, словно паук, залезла в голову.

Солнечный свет потерялся в паутине.

Оставшись без любви, без смысла в жизни, я столкнулся с тем, что было ужаснее личных проблем.

Словно свежерытая яма вежливо остановилась перед пропастью.

Сталинская высотка в центре Варшавы. Район гетто исчерчен антисемитскими надписями. Концлагеря превращены в музеи, в которых вежливые экскурсоводы говорят вполголоса. В Тикочине, на месте расстрелов в лесу, ползают жирные муравьи. Житель радостно рассказывал: многие из тех, кто расстреливал, после войны служили в местной милиции. Седой турист из Израиля, бывший узник, поделился: когда привозили в Освенцим зимой, раздевали, обливали холодной водой и оставляли в открытом бараке. И только тех, кто выжил, отводили в рабочие бараки, чтобы через пару месяцев сжечь. А работа была нелегкая — тащить неподъемные валуны с одного конца поля на другой, а потом обратно. Или перетаскивать задушенных в крематории, дымив-

шие днем и ночью. В Освенциме душили специально разработанным газом Циклон Б. В Треблинке накачивали бани газом от танков. Я остановился в красивейшем Кракове, где со всех сторон мне кланялась Мария Магдалина. И писал, писал. Получилась тетрадь. Слова светились в страшной темноте открытого мной мира, они отражались и множились, как свечи в зеркалах Детского мемориала Яд ва-Шем, вечно горящие в память о полутора миллионах уничтоженных ребятишек.

Вторая
Большая стихотворная сноска.
Тетрадь

* * *

*Мы вместе движемся вперед.
В мечту, в удобный быт.
А я хочу вернуть народ,
Который был убит.*

*Мне воздух в нос, мне пищу в рот.
И мой карман набит.
А я одно: вернуть народ,
Который был убит.*

*Для всех часов — переворот,
Вселенную — в кульбит,
Взорвать все, чтоб вернуть народ,
Который был убит.*

*Вдруг — всюду музыки полет,
И звонкий смех среди острот
Фарфорово звенит,
Когда вернется мой народ,
Который был убит.*

*Переходили море вброд.
Освоили иврит,
Подумаешь — поднять народ,
Который был убит.*

*Но прах, но тишь, но небосвод.
Но только боль болит.
И я. Хочу. Вернуть. Народ.
Который. Был...*

Машина страшного времени

*Дайте мне машину времени.
Я дисплей зажгу в кабине.
Я турбин услышу вой.
Посмотрю, что было в Бремене,
Кельне, Мюнхене, Берлине
После Первой мировой.*

*Города сверкают лаково,
Бродят люди в черных шляпах,
Вид сияющий у них.
Сброс. Нажму на карту Кракова.
Свадьба, шум и сладкий запах,
Крики Сары: «Где жених?!»*

Снова сброс. Лечу в тумане я.
Расстояния короче
Там, где вечность пролегла.
А теперь — опять Германия,
Перезвон Хрустальной ночи,
Брызги крови и стекла.

Над пространствами и трупами
Я лечу. Огня не высечь.
Не оставить в небе тень.
Лишь следить за айнзацгруппами,
Что готовы сотни тысяч
Убивать жидов за день.

Вот старик с дырою в темени.
Вот малыш под ливнем в гетто
Прижимается к мячу.
Дайте мне машину времени.
Я хочу увидеть это.
Все увидеть я хочу.

В душегубку, в душ в Освенциме,
Боязливо, прямо скажем,
Но не ведая про газ,
Входят женичины с младенцами
В параллельном прошлом нашем,
Завтра входят и сейчас.

Не сыграю роль туриста я.
Баня — штука не простая.
В раздевалке толкотня...
А машина серебристая
Пусть воротится пустая.
Пусть вернется без меня.

* * *

Нарисуйте свастику
На могиле Стасика.
Стасика Смелянского.
Я прошу вас ласково.
Я прошу вас искренне:
Отрубите кисти мне.
Отрубите голову.
Закопайте голого.
Я еврей. Мне хочется
Умереть без почестей.
И в погроме, думаю,
Славу я найду мою.
А чтоб видеть временно,
Кто меня и где меня, —
Нарисуйте свастику
На могиле Стасика.

Виновны

Тихий мой гнев — неистов.
Где мой народ-кумир?
Мир обвинил фашистов.
Я обвиняю мир.

В рот не засунешь кляпа:
Буду хрипеть про грех.
Все говорят: «Гестапо!»
Я обвиняю — всех.

Каддиш, молебен, месса —
Шесть миллионов раз.
Вы обвинили Гесса.
Я обвиняю вас.

*Тех, кто обрел свободу,
Подвиги не спасут.
За приговор народу
Будет ли Страшный суд?*

*Проклято поколение.
Полулюдей орда.
Проклято — преступление.
Проклято. Навсегда.*

Анни Горовиц, №413

Анни-Иоланда Горовиц, 9 лет. Красивейшая девочка.
Родилась в Страсбурге. 31-м эшеленом отправлена
из Страсбурга в Освенцим.

*Вдоль Страсбурга не ландыши
Завязывают банты,
А Анни-Иоландыши
В честь Анни-Иоланды.*

*Красавица далекая —
Пример арийским немцам, —
Блондинка синеокая
Отправлена в Освенцим.*

*Ушла она, последняя
Красивая такая.
Ушла, девятилетняя.
Ушла, не упрекая.*

*В цветах и парк, и улица.
И до сих пор — ну надо ж! —
Здесь людям часто чудится
Великолепный ландыш.*

1945-й. Европа. Юден фрай

*Нового холопа
Выбирай.
Ты теперь, Европа,
Юден фрай.*

*Села и столицы,
Каждый край,
Банки и больницы —
Юден фрай.*

*Ищут корифеев
Старый Свет.
Только здесь евреев
Больше нет.*

*Юден фрай газеты
И экран,
Университеты
Разных стран.*

*Юден фрай качели,
И мосты,
И виолончели,
И холсты.*

*Юден фрай рыданья
И грехи,
Юден фрай свиданья
И стихи,*

*Тропы и опушки
На заре...
А еще игрушки
Во дворе.*

** * **

*Помогите мальчику!
Помогите мальчику!
Помогите мальчику!
Мальчика спасите!
Он такой хорошенький.
Он такой напуганный.
Помогите мальчику
Выжить на Земле.*

*Но состав уносится.
Но состав проносится.
Словно жизнь — уносится.
И визжат колеса.
И кричат в Майданеке,
Молятся в Освенциме:
«Помогите мальчику
Выжить на Земле...»*

6000205-й

*Шесть миллионов двести пятый.
Ты не подсчитан, мой родной.
Ты был не бедный, не богатый,
Ты был как все — и был иной.*

*Ты все бродил по тротуарам
И модный напевал мотив.
И долго вслед влюбленным парам
Смотрел, о чем-то загрустив.*

*Был твой костюмчик отутюжен,
Ты знал стишков и шуток тьму,
И все-таки ты был не нужен
На этом свете никому.*

*Под вечер, выпив лимонада,
В толпе ты таял городской...
И мне твой номер помнить надо.
Хотя бы номер помнить надо
Назло статистике людской.*

** * **

*Железная дорога в никуда.
И дым. И вонь. И жалобные стоны.
Железная дорога в никогда.
И дым. И переполнены вагоны.*

*И дым. И тени больше не видны.
Соседи по вагону смотрят строго.
И там, за поворотом у луны,
Теряется железная дорога...*

* * *

*Что вы натворили?
Что вы натворили?
В лагере Освенцим
Сделали вы что?
Что вы натворили?
Пепла нет и пыли.
Обращаюсь к немцам:
Сделали вы ЧТО?*

*Старики-фашисты,
Юноши-нацисты,
Все экскурсоводы,
Гиды корпусов,
Гости и туристы,
Говорите быстро,
Что здесь длилось годы?
Что, в конце концов?*

*Почему так тихо?
Почему ТАК тихо?
Теплая погода.
Чистый небосвод.
И лишь тихо-тихо,
Осторожно, тихо
Объясняет что-то
Мне экскурсовод...*

Сказка о лодях

Он был похож на ослика
В свои 16 лет.
И был похож на козлика
Его любимый дед.

Сестра, смешная девочка
Кудрявее овец,
И мама, словно белочка.
И, как енот, отец.

Шел ослик между пашнями,
Невспаханными в май.
Вдали с крестами страшными
Чернел немецкий лай.

С рыданьями сутулыми
Он видел мрак земли:
Семью его под дулами
На бойню повели.

Нашел он их, поверженных.
Стал огненным конем.
Уничтожал псов бешеных
Копытом и огнем.

И все же был он осликом
И в битвах, и в бегах.
Наивным, грустным, росленьким,
На тоненьких ногах...

Став львом в зверинце-городе,
Он тихо ждет ночей.
Чтоб скрыть в безлунном холоде
Скорбь ласковых очей...

Насекомые Треблинки

*Комары, комары,
Мошкара, мошкара.
Сколько здесь детворы!
С одного ли двора?*

*Комары, комары,
Комары, мошкара.
Сколько баб до поры!
Или было пора?*

*Комары, мошкара
Да на крыльях жуки.
Старики без добра.
Без любви мужики.*

*Миллионы людей
По-еврейски жужжат.
Миллионы людей
Улетать не спешат.*

*Миллионы людей
Не исчезли в огне.
Миллионы людей
Прилипают ко мне.*

*Удивится турист
Из нездешних миров,
И послышится свист:
«Много здесь комаров!»*

* * *

*Я сегодня буду мыться!
Я красива и бела!
Помню капли на ресницах...
Зря ты, Соня, наврала!*

*Время радостного дела
Мыльной пены и волны.
Жаль, я только похудела,
И все ребрышки видны...*

*Чтобы мыться-веселиться —
Раздеваюсь догола.
Соня, что за небылица
И зачем ты наврала?*

*Снова думаю про Яшку.
Хулиган и лоботряс.
Но ту самую бумажку
Я читала двести раз...*

*Душ! Ура!.. Воды упрямо
Не дают. Газ! Крик! Тела!
Душно! Ой, задавят! Мама!..
Сонька, ты — не наврала...*

* * *

*Пожатые крепких рук.
Взгляд нежен и тяжел.
Под шаркающий звук
Ушел мой друг,
Ушел.*

* * *

*Мы сухой своей кашель
Заедаем кашей,
Заедаем кашей,
Сделанной для нас.
Сколько ложек вкусных —
Столько мыслей грустных.
На солдат союзных
Не поднимем глаз.*

*В первую я ложку
Наберу немножко,
А вторая ложка
Будет до краев.
Буду есть из миски
За чужих и близких
Из чужих и близких
И родных краев.*

*Слезы льются, слезы...
Мчались паровозы
Сквозь дожди и грозы...
В них я не попал.*

*Мамочка и папа,
Ваш сынок — растяпа.
Кашу всю закапал,
Вас не закопал...*

** * **

*Чири-бири
Бири-бом.
Жили-были
Мы с трудом.*

*Балалайка
Тум-бала.
Мать-хозяйка
Не спала.*

*Лица-дрица
Гоп-ца-ца.
Мне б трудиться
Без конца.*

*Но убили
Нас потом...
Чири-бири
Бири... Бом.*

Тайна языка

Говорим «лехаим» —
Значит, отдыхаем.

Говорим «шалом» —
Делимся теплом.

При «Барух ата...» —
Б-г и доброта...

А печаль — без слов —
След от катастроф...

Голоса

«Ты держись, и я тебя спасу», —
Раздается чей-то слабый шепот.
Но его в серебряном лесу
Заглушает муравьиный топот.

И роса в звенящей тишине
С громким стуком шлепается оземь.
«Милый, ты не думай обо мне», —
Отвечает шепот в шум и осень.

Жук шипит с дождейкой на усах.
В паутинке лопается волос.
У жидов, расстрелянных в лесах,
Слишком тихий, слишком слабый голос.

* * *

Это стихотворение является фрагментом
из Википедии.
Информационная справка оформлена в виде
белого стиха,
Потому что стихи легче воспринимаются
аудиторией.

Итак, «Йозеф Мэнгеле —
Немецкий врач,
Проводивший опыты на евреях
В лагере Освенцим
Во время Второй мировой войны.
Йозеф Менгеле заполнял свое время
Многочисленными актами самой подлой
жестокости,
Включая
Анатомирование живых младенцев;
Кастрация мальчиков и мужчин без использования
анестетиков;
Подвергал женщин ударам тока высокого
напряжения
С целью тестирования их выносливости.
Занимался стерилизацией евреев
При помощи рентгеновского излучения.
За 21 месяц своей работы в Освенциме
Заработал репутацию одного из самых опасных
нацистов,
Получил кличку «Ангел Смерти».
Лично встречал поезда узников, приезжавших
в лагерь,
Сам решал, кому из них предстоит работать
в лагере,
Кто пойдет на его опыты,

*А кто сразу же отправится в газовую камеру.
Особый интерес доктора Менгеле
Вызывали близнецы.
Например, в 1943 году
Из 3 тысяч подопытных близнецов
Выжили только 300.
Среди его экспериментов были
Попытки изменить цвет глаз ребенка
Впрыскиванием различных химикатов в глаза,
Ампутации органов,
Попытки сшить вместе близнецов.
Он извлекал костный мозг,
Вырывал зубы и волосы,
Подвергал радиоактивному облучению,
Вводил бактерии,
Лил горячую и холодную воду в уши,
Закапывал в глаза ослепляющие капли,
Вводил в матку обжигающую жидкость
неизвестного химического состава.*

*Люди,
Оставшиеся в живых после его опытов,
Умерщвлялись.
Почти 35 лет Менгеле
Скрывался в Южной Америке.
Он умер от инсульта в Бразилии,
В 67-летнем возрасте,
В 1979 году,
Во время купания в море».*

Вечный Холокост

Выше притяжения
Твой метеорит,
Жертва всесожжения
Все еще горит.

В это небо ржавое,
В вековой погост —
Зарево кровавое
Плещет Холокост.

Смотрит мир заботливый
На него с трудом...
А огонь уродливый
Тянется в мой дом.

Планета сожженных

О милых и суженных,
О детях и женах,
Планета задушенных,
Планета сожженных
Заботится.

В местах неизученных,
В просторах забытых,
Планета замученных,
Планета убитых
Вращается.

*В затерянной гавани
Космической веры,
В сияющем саване
Святой атмосферы —
Спасенные.*

*Сжигать — прегрешение.
Убийцы в ответе
За невоскрешение
На прежней планете
Достойнейших.*

*От нас удаленная,
Чтоб не замечали,
Шестимиллионная
Планета печали,
Будь счастлива!*

После очередной прогулки по Кракову я вернулся в номер и... обнаружил листок с ее почерком поверх тетради.

«В этот раз уже не смогу написать в твоём стиле или что-то добавить. Разве что... дополню твои два четверостишия — третьим.

*Когда повсюду наступит Прага
В виде глобального архитектурного прорыва,
Когда даже самый последний скряга
Выбросит мелочь за кружку пива,*

*Когда шар качнется невидимой осью,
Так что стеклами задрожат пивные,
Я приду к тебе. С котелком и лаковой тростью.
И ты полюбишь меня впервые.*

*Прости, но мы поедem в путешествие
в товарном вагоне. Из мрака
Будет рыдать ветер сожженных свадебных песен.
Прости. Когда ПОВСЮДУ наступит Прага,
То все равно. Обязательно. Где-то рядом.
Будет — Терезин».*

*Я выскочил из отеля, бегал по городу. Кричал: «Где
ты?»
Когда прилетел в Москву, тетрадь из сумки исчезла.
Я больше никогда не писал стихов.*

Возвращение

Я позвонил в квартиру Маши. Она стояла передо мной минуты три и молча смотрела. Потом повернулась и пошла на кухню. Дверь осталась открытой.

Вошел. С удивлением увидел себя в зеркале: загорелый, тощий, небритый, нечесанный, с синяками под глазами.

Услышал знакомые духи, очень похожими пользовался мой дед. Где Машутка раздобыла такой аромат? Дедушка всегда обильно душил свои носовые платки, теми же духами пахли его кофты поло, ондатровые шапки, ратиновые пальто, мохеровые шарфы. И еще детский платочек, который он подкладывал под вязаную шапку, чтобы тесемки не резали мои младенческие щечки. Максимально близкий аромат я найду через полгода в бутике Dijan на Родео Драйв в Беверли Хиллс, в самом дорогом бутике мира.

Машутка сидела за столом, тихо рыдала, тряслась всем телом.

В окне гремела стройка. Тяжелые «хендриксовские» дрели с мощным ритмом ударов, фанковые грувы электропил и циклические семплы. Казалось, главный городской диджей устал от ремиксов и отжигает по полной в прощальном сете.

Бизнес

Я вернулся другим. Впервые твердо верил в себя. И впервые обладал ясной целью — найти и защитить свою любовь. Требовалась власть, а для власти нужны были деньги. Выгода и сила, лиса и лев Макиавелли.

Через день после приезда разместил в нескольких газетах рекламное объявление: «Консалтинговая компания Image-и-Nation предупреждает. Жизнь опасна для вашего здоровья». Далее шла реклама центра, предоставляющего информационные услуги, в том числе по прогнозированию и предсказанию будущего, а также услуги в сфере индивидуального и корпоративного консалтинга (слова «консалтинг» и «корпоративный» обладали в те времена гипнотическим эффектом). Дело быстро пошло в гору. Появились серьезные покровители. Я придумал собственную технику прогноза: чем парадоксальнее совет, тем больше он нравится клиентам. Атмосфера офисного обслуживания, сам принцип не предсказаний, а рекомендаций, фантазийная, непредсказуемая форма ведения приемов и ставшие знаменитыми прибаутки-экспромты новоявленного ясновидящего. Успех ошеломлял. Очередь была расписана на год, цены зашкаливали.

Попал в волну, стал модным. «Дешево все, что можно купить за деньги», — вспоминал я ее слова. Радовали командировки к международным заказчикам. Утомляя плоть, мы успокаиваем дух, и постоянные переезды и путешествия дарят чувство приближения к цели, а не удаления от нее. Вокруг крутились спецслужбы разных стран и корпорации, влиятельные люди и их подчиненные, но ни одна потенциально стрессовая ситуация не выводила меня из равновесия, ведь я везде искал только ее, а все прочее казалось сном. Кстати, по поводу сна. Кутерьма событий, новых чувств и знаний, бега и полетов, катастроф и жутких откровений, нагрянувшая в последнее время, создавала «твердое» ощущение зыбкости и нереальности происходящего. И тогда я по-новому увидел обидное событие в недавнем прошлом. Эпизод измены в свингер-клубе казался мне уже понятным актом «обретения почвы», логичным стремлением моей потерянной вакханки к осязаемой максиме телесного — в противовес протекающему сквозь пальцы безумному континууму пространство-время.

Ко мне иногда приходили продюсеры с проектами в кино и театре. Но создавать сны внутри мира, и так похожего на сон, мне казалось извращением. Не было ни времени, ни желания заниматься тем, что отвлекало от поисков любимой и собственного бизнеса ради этих поисков.

Машутка изменилась. Все чаще называл ее Марией. Говорить она стала длиннее, одеваться солиднее. Скучные платья вместо джинсов и футболок, скучные слова вместо сокращений. Стала театралкой — не пропускала ни одного нового спектакля. Нашлись и подруги, уважав-

шие ее связь со странным режиссером, который из профессии «с головой» ушел в какой-то крутой оккультизм, а по слухам и вовсе свихнулся после премьеры своего мюзикла. В любом театральном окошке администратора ей уважительно выдавали контрамарки. О спектаклях отзывалась туманно и строго.

— Была в Табакерке? И как?

— Ну, это же Табаков!

Или:

— Как Виктюк? Понравилось?

— Как всегда. Виктюк — это Виктюк.

На любую информацию реагировала кратко и многозначительно: «Я тебя поняла».

Я пил. И изменял Марии с моделями и гламурными девушками. Потом и вовсе ушел от нее — в загул. Исчез — насовсем.

Если бы отразить пять минут той моей жизни на экране, получился бы мультифреймовый клип. В левом экранчике я подбираю забытую женскую заколку, крем и пару золотых волос, на ходу выбрасываю их и набираю номер, в крупном экране по центру брюнетка модельной внешности в автомобиле подкрашивает губы перед зеркалом, а в правом экранчике звенят все три ее мобильных. Теперь по центру два экрана, в одном говорит она, в другом я, оба в движении, а рядом с нами маленькие экранчики тех, с кем общаемся, я говорю с насиликоненной стервой, а она с каким-то гламурным подонком. Мы выключаем мобильные, и экраны объединяются в один. Я открываю брюнетке дверь, словно только ее и ждал, а она улыбается, словно только обо мне и мечтала. На объятиях и проходе в спальню появляется второй экранчик, в котором идет укрупнение на гипсовый бюст хмурого Сократа в коридоре. Оказывается, мы

с ней, воркуя, прошли мимо, не заметив яркий черный лифчик на белой голове.

Машутка, милая, прости. Когда я просыпался в отелях и съемных домах, мне часто мерещилась твоя сережка на полу.

Между нами (записано в BlackBerry): **на солнечных ветрах!**

Ищу тебя, полагаясь на интуицию, случай и свет.

Ориентируюсь не по звездам — по солнцу.

Ноздри вздрагивают от перемены света. Поворачиваю налево, где-то там закат.

Солнце. Размазанное, жидкое в Москве. Выпуклое, вкусное в Риме. Колкое, влажное в Праге. И снова — теплое, такое родное в любимой Москве.

Ра, Гелиос, Дажбог.

Можно составить язык из его цветов, каждый оттенок — вместо иероглифа. Желтый — радость, пурпурный — грусть, оранжевый — жизнь, красный — моя любовь.

Мане это знал, Ренуар чувствовал, Моне изучал, Сёра и Пикассо раскладывали на элементы.

Выжигавшее путь Моисея, хлеставшее жарой Иисуса...

Я человек солнца. Восход — моя надежда, закат — приговор. Сумерки — сейчас. Жду рассвета.

Работаю.

Москва, прием-прием

Следующий.

Таки есть пророк в своем Отечестве.

— Зачем брал, свинья?

— Простите! Виноват!

— Ползи, гад, ползи. Так. Облизывай пол. Астрал-мастрал-переастрал! Не отвлекайся, хрюкай, сука. В пятак врежу, ползи, сказал!

Очередной прием. Работа.

Офис в моем особняке в Леонтьевском. Москва не отпускает. Город с яйцами, лучший в мире — во всем, сильный, родной, из которого не смогу уехать, город, который люблю. За ритм, за хамство, за красоту, за душу, грязь и открытость. За все. И за такое веселье, как сегодня.

Пришел шеф налоговой. Просил спасти, мол, подставили. Мол, меня посоветовали высокопоставленные друзья, поколдуйте, сделайте что-нибудь. Захотелось поизмываться над боровом, приказал ему свиньей кататься по углам. Потом, уж ладно, скажу другим клиентам, чтобы не сажали ворюгу.

Что-то с ним не то. Такая поросычья истерика... Хрюкает как-то правдоподобно. И в стул вцепился, сейчас ведь сожрет обшивку.

Метаморфоза, подмена действия: кажется, стул сел на него, а не он на стул.

Пора заканчивать, все же сеанс магии, а не паранойи.

— Так, встал, кабан. Вытерся. Уедешь на пять лет из Москвы, в профессию не вернешься. Утрись, говорю, вытри сопли. Два дня на сборы. Не бойсь, дело замнут. Не хрюкай. На, выпей святой воды. Жену с ребенком позовешь к себе, родишь еще, потом усынови двоих сироток, и все с тобой будет оки-доки. Оставь ты мои руки, не слюнявь меня, деньги не мне, на ресепшн. Все, ушел!

Лбом к окну.

Кленовый лист падает с черной ветки. Болезненно-прозрачная кожа, все ребра видны на просвет. Подхваченный потоком ветра, он последний раз повернулся к теплу, не веря, что умер. Пролетел мимо меня, поклонился, нырнул к проводам, повис над капотом Chevrolet. И тихо лег у обугленного сердечка, у березового листика.

Следующая.

— Хочу... хочу богатого, гы-ы-ы.

— Не реветь. Как попала ко мне? Ты знаешь, кого я вообще консультирую? У тебя денег хватит?

— Хватит! Я год копила!

— Зачем тебе богатый, дура?!

— Богатый, и чтоб любил!

Хрясь ей сырым яйцом по лбу. Оно растекается по длинным волосам и миловидному личику ожившей Барби. Кукла ревет в голос.

— Мечты твои — как это яйцо, поняла? Деньги спрячь, тебе скоро пригодятся. Теперь повторяй! Семя с хвостика на рот, а потом наоборот! Ладно, от меня только что вышел здоровяк, видела? Утрись, догони его. Пусть подвезет на своем S-классе, скажи — от меня, выйдешь у Романова переулка, считай мужиков, у двадцатого проси огонька, закуришь и на нем женишься. Не отпущай, головой думай, запомнила? Побежала!

Следующая.

Женщина. Крашенная, лет пятьдесят. Шарф Fendi с меховыми вставками снимать не стала, тоже мне, модница, смотрю — и губы ботексные.

Хлопает ресницами. Тушь Lancome Nupnose, не иначе. Но сами глаза... Больно карие.

— Ох-ох-ох! Тебедох-тебе-дух! Дети проживут дольше тебя.

— Ой, спасибо!

Что-то с ней не так. Карий, черный такой зрачок.

— Ты встретила мужчину на прошлой неделе, он моложе тебя лет на десять. Он прям влюбился, не волнуйся, никуда от тебя не денется.

— Ой, спасибо! Спасибочки!

Моргает. На щеке и виске блики осеннего пожара. Но смоляной, липкий, кромешный черный взгляд. Что-то здесь не так. Надо напрячься.

— Дай руки. Закрой глаза.

Обожгла касанием. Закрываю глаза. Открываю. Смотрю на нее. Зажмуриваюсь.

Вспоминаю твои, любимая, слова, которые ты прошептала в полузабытьи наших ночей в Милане... «Вспомни будущее и прошлое. Свое и чужое. Любое. Закрой глаза.

Нырни в биоток. Плыви. Не право-лево, не вперед-назад, а глубже-ближе, ярче-темнее. Ты здесь, ты видишь!»

Вижу. Мокрая листва. Темное на белом, на белом с голубым. На шее. Да, на мертвой шее. Открываю глаза. Одергиваю руки. Смотрит на меня черной пропастью.

— Знаю, что делал с тобой отец и как воспитывала сына. Ведьма! Родила монстра! Он убивал, в лесах, в Подмоскowie. Я все видел! Сделаю так, что сегодня его арестуют, он во всем признается. И без суицидов, таблетки те не пей. Все умрем.

Научные трактаты о любви.

Из MacBook Air отправлено в air.

Пророк

Итак, я самый высокооплачиваемый пророк, он же ясновидящий, он же провидец, он же консультант. Он же аферист с толикой интуиции. Консультирую три разведки, миллиардеров и президентов, их жен и визажисток жен и иногда, в самых исключительных случаях, подруг визажисток. В определенном смысле я даже переплюнул Нострадамуса с Вангой.

Всем хочется знать будущее.

Самое простое — воспользоваться моей УТПСЯЭУ (Универсальной таблицей предсказателя с явным эротическим уклоном). Если что, у меня в запасе еще есть таблицы с бизнес-, псих-, успех-, приворот- и отворот-стратегиями, а также ноу-хау-таблицы.

Тема

Закономерность

У всех есть так-себе-родственнички — скажем мягко. Даже хорошие родственнички — те еще. Про друзей промолчим, ибо речь о родственниках

Семья: родные

Универсальное предсказание

Через Японское море в астрал! Вижу. Ох, потревожат тебя в этом году родственнички. Ой-ой-ой-ой!

Индивидуальное уточнение предсказания

Апельсины-от осины-соски-сосны-отсосины-бум!
Когда нагрянут в гости — ходи по квартире в халате на голое тело. И нежданно, как бы случайно, наглядно покажи, куда им нужно пойти. Они туды и побегут. И выпей отворотного чайку: что надо, поднимет, остальных опустит

Тибетский бубен тебе

в голову! У ребенка все будет хорошо, все будет выполняться, что ты хочешь, успокойся, дурья башка. Хлоп тебе щелбан! Родовую карму у-гу-гу-сбере-бере-гу! Чакки-чакки-чакки!

Семья: дети

Больше думай о себе, а не о детях. Дети — цветы жизни, секс — трава. Не дай расти цветам в асфальте. Не откажись и от травы. Так что бао-бао-бах! Ментальное измерение — в пах! Фантом рассудит!

Тема	Закономерность	Универсальное предсказание	Индивидуальное уточнение предсказания
Любовь	<p>Все хотят встретить принца/принцессу, жддут счастливой любви и счастья в личной жизни. В итоге все хоть кого-то, с трудом, со скрипом, да встречают</p>	<p>Чмоки-чпоки-ша-ла-лай! Вижу! Будет романтическая встреча! Он будет плохо говорить / будет белый / с проблемными волосами / с женщиной на шее. Встреча — в роман, в голове туман, а в душе обман! Завидую!</p>	<p>Дай в первый день знакомства. В романтический момент не вздумай тянуть резинку! И в оргазм целуй в шею, якори на месте! Понятно? Яр, ярмо и егеря, НЛП и якоря! Ох, зашепчу-шептуха, аж в горле сухо! А ну-ка повторяй за мной заклинание на удачу в любви! «У мерина меринастого жопастого-крыластого-хренастого стоит жила, становится, на кобылицу на вороную, аль гнедую, аль в яблоках. От ведуна проворного булатного жила-тужила расстается, эх, тело белое. Встречная-поперечная! Чпок!»</p>
Здоровье	<p>Все боятся любых болезней. Особенно болезней-лидеров (к самым массовым относятся сердечно-сосудистые, раковые, венерические, инсультно-альцгеймерные, вирусные, зубные и абсолютно все прочие болезни)</p>	<p>Срочно проверь сердце и давление. Срочно! Вот видишь — уже поднялось давление! И зрочки расширились. Ай-ай-ай. Астральный панцирь и коньячок тебе! На, глотай. Ух-ты. Еще будешь лечить зубы. Керды-мердык-зуб-за-язык. 3-3-3!</p>	<p>Люби до потери пульса, не снимая с шеи тонометра. А еще — иди к врачу. Первому в лечении откажи, ищи второго. И купи какую-нибудь пасту, не забывай чистить вечером — и не только зубы. И не принимай все так близко к сердцу. Лечись любовью близких. И не напрягайся в чпоке своем. И ссуший в сущем. И пусть суета сует. И трах-тебе-дох-тебе-трах!</p>

Тема	Закономерность предсказания	Индивидуальное уточнение предсказания
Перемены	<p>У всех будут перемены в жизни. Не отвертисься</p>	<p>Амулеты и Таро. Руны для и Руны про. Яйца, иглы, дырка, нить. Карма-марма-изменить! Так. Главное — не измени самой/самому себе. Остальным — в твоём случае — можно. «Изменим! Жизнь к лучшему!» — как говаривал мудрый Phillips, на которого нажмешь — и включается. Бери пример!</p>
Дорога	<p>Ох, все будут путешествовать — ух, всех ждет дальняя дорога. Эге-гей! Хотя в наше время крикнешь «эге-гей», так небось прискачет распрекрасная мужичина с пышной гривой и мощным кулоном. Так что эге-гуй!</p>	<p>Перекаати-поле, вставили на воле! Хрустальный шар среди лошар! Вижу. С любимым в поездке будут проблемы, но отношения на этом не кончатся. Главное, не забудь дать напоследок по-взрослому. Как говорят американцы, если даст — остальное the dust!</p>

Вкривь-да-вкось-ноги-вросы! Колдуй-репа-чпаки-упс! Вижу! Да не пугайся ты так! Тебя в этом году ждуг серьезные перемены!

Бр-р-р! Ближайшая поездка будет плохая, лучше б отказатьсь, хотя — неа, ты все равно поедешь.
Тыгы-дым-тыгы-дым-тыгы-дым, пьяный в хлам, голый в дом, жгучий в дым!

Тема	Закономерность	Универсальное предсказание	Индивидуальное уточнение предсказания
Страх	<p>Все трусы, все чего-то боятся. Все боятся плохого. Все боятся будущего. Все боятся болезней, смерти своей или любимых, одиночества, крупных и мелких потерь и т. д. Короче, все боятся всего. Возможно, кстати, и в ответ всё боится всех</p>	<p>Чисть-чисть-нечисть! Вытряхну, продую, выдую и вдую! Главное — не бойся. Все закончится удачно. Но придется потерпеть. Кое-что случится с тобой / с бизнесом / с любимым. Но лично ты выплывешь — такие точно не тонут</p>	<p>Чую-чую-заночую. Ох, как все запущено! Дрянь-срань-хрень! Нашепчу и готово! «Защищу от врагов девяти девяткижды, десяти десяткижды, одиннадцати одиннадцатикжды, от хулы-хулижды и напраслины-напраслижды, от яда в сосуде-сосудежды и хряща в трахее-трахеежды!»</p>
Успех	<p>Все хотят только успеха. Никто не хочет проиграть. У всех есть мечта и планы. И все настроены получить исполнение желаний прямо на блюдечке (цвет каемочки выбирается индивидуально)</p>	<p>В рог изобилия, до ую! Тебе выпадет удача — греби деньги лопатой! Возьмешь астральную лопату на ресепшн после оплаты</p>	<p>Молеу небесные, бац! Как загребешь чемоданы бабла — в багаж и навyleт. И не забывай, ты побеждаешь интеллект, дурень/дура. И тебе не хватает энергии — срочно подзарядись от кровати! Чем больше с бабой — тем больше бабок!</p>

Тема	Закономерность	Универсальное предсказание	Индивидуальное уточнение предсказания
Деньги	Все хотят конкретно много денег, баблоса, зелени и т. д.	В чем сила, брат? В чем Цезарь, Брут? В чем газы, брют? Бинго! Деньги будут с тобой	Бисквит на части — и много кекса. И в деньгах счастье, и в тонне секса! Тебе подходит все, что связано с большими деньгами/проектами/женщинами/мужчинами, не берись за мелкое. Миллион, 4 размер/20 см — и вперед!
Время	У всех в прошлом есть что-то важное, причем у всех в основном одно и то же. Все не удовлетворены настоящим. И у всех в будущем обязательно что-то произойдет	Ахтунг-бахтунг! Маракуйа! Ого-гошеньки-огорошеньки! Ты сядь, не волнуйся. Дыши спокойно. Так! Дыши, я сказал. Так, повтори 20 раз слово «перепись»! Вот, уже лучше. К тебе придут. Дыши, говорю! Ты все решишь. Мы ж не в Западной Европе, правильно? Восток — пачка тонкая	Прочь заразу — лучше сразу. Придется дать взятку. Так что давай другим, а сам получишь удовольствие. Организмически кармически, смотрю, дела у тебя средние. Открыть, что ли, сайт для таких, как ты: ве-ве-ве (он же во-во-во, вах-вах-вах, оно же долбаный-долбаный-долбаный), точка, жмина, точка джи!
Счастье-несчастье	Все хотят счастья себе, любимым и близким. А также защиты от несчастья. А также, в особых случаях, несчастья кому-то. Про все это можно сказать одно — бывает	Карма-домра-мырра! Счастье есть. Но оно на Сардинии. Думай. Бубны-трефы-черва — дергай в Порто Черво!	Оберег — за щеку, закрывать — в щель! Ладно, сбегу тебя от несчастья на год! Возьми вот семян перекати-поле и пучок петрушки, на ресепшене растолчи семена стилусом от мобильного, завяжи в носовой платок, спрячь в нижнее белье и иди до третьего перекрестка. На перекрестке платок сожги, трижды приговаривая: «Что в штанах несущу, а потом поспе!»

Пикантные подробности. Лубянка

Встреча с генералом была ключевой в моей карьере провидца-консультанта. В ряд стояли ельцинские министры и силовики. На старом кожаном кресле сидел только генерал, теневая фигура, пожалуй, самый влиятельный человек в стране. Бледное лицо, влажные глаза, когда-то синие. Он предложил мне устроиться напротив.

— Ты, понимаешь ли, говорят, хороший предсказатель, так сказать, гуру в своем деле.

— Я консультант. У меня консалтинговая компания Image-и-Nation. — Я эффектно закинул ногу на ногу, прямо Шэрон Стоун в мужском обличе.

— Станислав, понимаешь ли, Анатольевич, ты не забывай, понимаешь ли, с кем говоришь. Я ж с тобой по-хорошему.

— Просто не хочу, чтобы вы переоценили мои и без того переоцененные возможности.

— Не скромничай, ты помог многим нашим. И тебя рекомендовали весьма... уважаемые, понимаешь ли, люди. — Генерал понизил голос на последних словах.

— Не хочу неприятностей. Я не Нострадамус и не Ванга. Поэтому открыл именно консалтинговую компанию.

— Опять за свое. Да о тебе, понимаешь ли, вся Москва говорит!

— У меня немного интуиции. И свой метод.

— Что за метод?

— Мое ноу-хау. — Я зачем-то поменял ноги, снова закинув одну на другую.

— Как ты думаешь, в этом здании, тем более на нашем нижнем этаже, кому-то удавалось скрыть, понимаешь ли, хоть одну ноу-хау, твою мать?

Шум и ропот вокруг. Мокрые глаза смотрели в мои, не мигая. Офицер, кажется, не шутил. Я сдался:

— Мой метод — парадоксальные советы на фоне среднеразвитой интуиции. Я играю в провидца, играю по жизни, лишь бы заработать и получить хоть какую-то власть.

— Зачем?

— Есть причины. У меня враги...

— Кто?

— Например... предположительно... один старик, скорее всего, из ваших.

— Мы своих не сдаем. По крайней мере дешево!

Снова шаркающе-кашляющее оживление.

— Давай так. Проверим эти твои советы. Не ссы! Мы, понимаешь ли, недовольны одной страной. Зажимает, сука. А тут еще прошлогодний кризис, силенки не те. Что посоветуешь?

— Понятно. Что-нибудь парадоксальное, конечно... Шмец-пипец-шалай-малай-мантра-бум! Вырубить какую-нибудь систему, водоснабжение, электричество. В большом масштабе, например, в Нью-Йорке, или на всем Восточном побережье.

— Кузьмич! Слышал? Возможно?

Серый мужичок в таких же генеральских погонах сделал шаг вперед и что-то промямлил.

— Ну хорошо, пробьем, но, понимаешь ли, мера разовая. Нам бы поглобальнее.

— Дайте время, надо подумать.

— А мы никуда не спешим. Ребята, давайте, садимся, по чайку.

Через полчаса я обратился к генералу:

— Мантры-гранты-упс! Ясно предвижу, американцы узнают о том, что я вас консультирую, и начнут меня вербовать, просить о схожих консультациях.

— Конечно. Слушай, ты, понимаешь ли, свою родину, Россию, любишь?

Я вспыхнул:

— Вообще-то считаю себя патриотом!

— Сколько работаю — всегда жидята рвутся в патриоты! Вот, мать их, нация! — Генерал приготовился смеяться, набирая воздух в легкие, но осекся, увидев мое лицо. Речь была разухабистой, но слова его вылетали четко и скоро, одно за другим. — Придут, ну и что! И не только СиАйЭй, мать ее, будет еще одна разведка. Я ж сказал, понимаешь ли, не ссать! Все разрулим. Мы ж за хренов многополярный мир. Будешь работать на нас и еще как бы на них, но на самом деле на нас, и еще на одних. Не ссы, тройной агент самый богатый, пока живой!

Последние слова были сказаны явно на публику. Дружный хохот. И резкая пауза. Я заговорил, и все усталились на меня.

— Вуду-будду-хлоп-стоп-бумм! Можно... Можно устроить крепкий такой глобальный кризис! Он случится лет через десять. Америку накроет первой. Россия пострадает меньше других. После кризиса Штаты потеряют

нынешний вес в мире, все у них жестоко порушится, Европа напугается и по уши увязнет, вы все разбогатеете и получите влияние.

— Понимаешь ли, долго. Но, блин, допустим. Слушаю.

— Марс-Венера-под-Драконом-бум-бум-бумм!

— А ты можешь без этих своих штучек?

— Не могу!

— Ладно, давай!

— Марс-Юпитер-и-Сатурн-под-Драконом-бумм! Пусть группка ваших агентов пройдетя по домохозяйствам в американской глубинке. Придумайте повод — откройте фирмы с риелторскими услугами. И в качестве личного доброго совета, этак невзначай, между делом, уходя, небрежно, на прощание — пусть псевдориелторы каждой семье порекомендуют не выплачивать ипотеку. Мол, бесполезно ее, такую дорогую, полжизни выплачивать, так как скоро кризис и недвижимость в разы подешевеет... Вот и все.

— Что все?

— Все. Вообще — все. Кризис с недвижимостью подорвет систему. Система попытается восстановиться путем огромных долгов. Долги свяжут руки дипломатам. Россия выиграет. Политических препятствий в сырьевой борьбе почти не будет.

— Интересно! Кузьмич, что скажешь?

Между нами

(из Nokia перенесено в Acer):

Ты

Ты.

Орущая над лавинами, с разинутой пастью ведьмы.

Ты.

В своей наготе, как в парадном платье.

Ты.

Уничтожающая убийц, невинные города, заодно и меня.

Ты, фея революций, гений, моя женщина.

Позволь быть счастливым. Рядом.

Мне.

Таки бедному еврейскому мальчику, влюбленному
в лучшую из женщин.

Аферисту-миллионеру-псевдоисповидающему, агенту
трех разведок и патриоту России, в очках попате
и рубашке Lacroux, замшевых ботинках Prada и джинсах
D&G, случайно купленных со скидками от 30 до 50
процентов, с уцененным и неактуальным в новом сезоне
желанием мести — за тебя, за невинно убиенных гениев,
за сожженный народ.

Позволь просто быть. Мне, не гению. С тобой.

Работа та еще и там еще. Тройной агент-провидец-консультант

Путешествия-вспышки. Солнечные блики остаются где-то внутри, сплетаясь с воспоминаниями о поездках, в которых я искал тебя. Блики не исчезают, они иногда рвутся наружу судорогами, всхлипами, лучами.

Вспышка...

Одиночество.

Я познал тебя. Я дышал тобой, я жрал твой хлеб и запивал его твоим вином.

Одиночество. Я запутался в твоих улицах. Мой адрес в твоих отелях. Моя безымянная могила уже вырыта, а грязный надгробный камешек в моем кармане.

Миллионы видеокамер снимают меня. Поднятый воротник, перекрученный шарф, на площади города N. «Моя холеная ладонь превратилась в хилый кулак». Мягкие, безвольные губы и внимательный взгляд карезеленых глаз под стекляшками "-2,5". Мигает неон, отблески на окнах и асфальте. Космос близко, в ста километрах. Стынут колючие звезды. И ни души. Ни прохожих,

ни отдыхающих на верандах, ни официантов, ни полиции. В автомобилях не видно лиц. Зябко, нет ветра и, кажется, времени. Камеры, снимайте. Красивая картинка для рекламного ролика про ничто.

Осталось смонтировать и наложить титры. Герой занимается любовью, гуляет под руку, пирует по ресторанам и танцует — с пустотой. В финале он оборачивается на свое отражение в стекле витрины. Загорается слоган: «У Тебя всегда есть Ты!» И последний кадр: герой хмурится. Теперь — исчезло и его отражение.

Вспышка.

Лас Вегас, казино Bellagio, слишком ярко, слишком фонтаны на улице (слишком до неба, с подсветкой, под музыку и синхронно), слишком муранское стекло на потолке, слишком белладжио.

Подушечки пальцев по прохладному пластику фишки — сегодня в последний раз.

Вялым жестом ставлю на zero.

Причем важен именно жест.

Не хватает солнца — электричество.

Наверху, в пентхаусе, обессилив от моего «ту бедрум дабла», сладко похрапывает наследная королева небольшого государства. Американцы тайно привезли ее по моей просьбе, стараются угодить.

— One million! Zero! — рычит крупье.

Ставка принята. Рулетка летит.

Все здесь: охрана, служба, спецслужбы, зеваки, шлюхи.

Шарик теряет скорость.

Конечно же, знаю, что выпадет шесть, но специально поставил мимо.

Ведь полюбить, так королеву, а проиграть, так миллион!

Шарик поворачивается на месте и иногда подпрыгивает. С его точки зрения, казино, со всеми цветными муранскими плафонами, игорными столами и автоматами, людьми и коврами, и одновременно блюдо рулетки внизу, с такими огромными белыми цифрами на красном и черном, — зачем-то крутятся в разных направлениях и с разной скоростью.

Шарик грохочет по ребрам ячеек.

Шестерка.

Шумно. Но не весело.

Поднимаюсь в лифте. Бесконечно множусь в зеркалах. Когда теряешь себя как личность, ты лишь то, что видят другие. А значит, в лифте меня миллиарды. Мы выстроились в очередь, плечом к плечу, от первого, большого, до дальних, маленьких, и мы одинаково ждем, чтобы двери открылись.

Вспышка.

Небоскребы, небо, вода, все сверкает. Журнальная картинка! Солнечная подвеска — Graff; бриллиантовые блики на дальних зданиях — Cartier; платиновый отсвет соседнего небоскреба — Chanel Joaillerie; переливы морской глади — Van Cleef & Arpels; изумрудные вкрапления вдоль берега — Boucheron; цветные огоньки на трассах — de Grisogono; хлопковые облака по краям — Johji Yamamoto.

Токио, отель Ritz-Carlton, 45 этаж. Окна в пол, с видом на залив и город. Стены в деревянных панелях. Переводчица вытянулась в струнку, руки высоко вверх — прямо к моему подбородку, лицо подбострастно вниз.

В руках визитка. Ее костюм куплен не в шопинг-центрах X Madonna или Shibuya 109, где женская одежда одного размера и кроя. Тут что-то из районов Omotesando или Ginza, стеклянных и тихих, в которых йены перетекают из крокодиловых кошельков японок на корреспондентские счета глобальных брендов. Присматриваюсь к воздушной синтетике, знакомая плиссировка, кажется, Issey Miyake. Семилетним мальчишкой Мияке видел ядерный взрыв в родной Хиросиме, а потом дружил со Стивом Джобсом и другими американцами. Его метод плиссировки позволяет ткани помнить сгиб и не терять красоты. Замечаю и браслетик Mikimoto с пятью темно-серыми жемчужинами. Кокити Микимото десятилетиями экспериментировал над созданием круглого жемчуга и многослойным перламутровым покрытием ядра, имплантированного в устрицу. Морские приливы убивали миллионы устриц, но он не сдавался. И вот в результате я вижу на тонкой руке под парящими фиолетовыми манжетами четыре идеально круглые жемчужины, нанизанные на золотую цепочку. Либо ты не простая переводчица, либо с этих ребят можно содрать тройную цену. Соображаю, что обе версии верны. После церемониальных поклонов с самураями в синих пиджаках и вежливых утонченных благодарностей наконец приступаем к беседе. Но разговор не клеится. Вспоминаю совет инструктора с Лубянки: «Они не понимают анекдотов, и не пытайся их развеселить».

— Вы знаете, везде пытаюсь вкусно поесть. Не получается. А в Токио — вкусно поел! Аригато!

Неожиданно искренний хохот минут на десять. Потом пауза. И — резким движением передо мной расстилают карту мира. Карта геологическая. Что-то в ней пугает. Ничего себе. На карте красным цветом выделены фраг-

менты территорий, а где-то и целые страны. В красной зоне Греция, Италия, Кипр, Япония, Новая Зеландия, Калифорния и часть Восточного побережья, а по всему миру — множество розовых пятен.

— Понятно. Карта прогнозируемых землетрясений, скорее всего, прогноз лет на пятьдесят вперед.

В ответ японцы с шумным выдохом кланяются.

— Саке-суки-сан! Японию в ближайшие годы будет сильно трясти, будут и цунами, погибнут люди, но экономика выстоит. И я, саке-суки-сан, сейчас ясно вижу, вы все и так знаете. Поэтому давайте закончим, вы мне ничего не должны за консультацию, благодарю за встречу.

— Подосдите! — И переводчица буркнула нечто короткое и грозное соплеменникам. В ответ раздалось что-то наподобие «асисй асй», и она лихо затараторила, чтобы перевести эти два слова. — Мы знаем, сто сдет Японию, мы десвисено знаем, откуда сколо к нама плидет цунами, оно навелно затлонет атомна стансия. Но нисего не сообщай населения, потому сто экономически не селесообразно.

— Гинза-шиза-мото-киото-бум! Все с вами понятно. А вы что-нибудь узнали по моему вопросу, который я передавал через вашего помощника?

Переводчица испуганно оглянулась и выпалила:

— Мы осень холосо саплатим. Но мы не насли никакой инфолмации по олганизации, котолую вы исете.

Влажный, смелый взгляд японки, линии лодочкой сужаются к краям, в карих угольках зовущая тайна. Обращаю внимание и на красивые губы. Американская сеть Subway была вынуждена закрыть добрую сотню своих японских кафе, так как размер сэндвичей и роллов был слишком крупным для маленьких ротиков японских жен-

щин. Но, пожалуй, этой женщине был бы по зубам и фирменный тридцатисантиметровый острый итальянский.

— Нага-саки-бум! В таком случае, помимо оплаты, переведите, мне понадобится до утра ваша переводчица.

Ее голос дрогнул, наклонила голову так низко, словно рассматривала под стулом собственные поджатые ножки, конечно же, кривые, как у всех японок. Один из самураев, услышав просьбу, хмыкнул и вежливо поклонился. Переводчица выпрямилась. Яркий румянец покрыл ее лицо вплоть до маленьких ушек. Поправила челку. Кажется, скорее возбуждена, чем смущена или обижена. Никогда не понимал азиатов. Она медленно провела рукой по карте — прямо волшебница из восточной сказки. Жемчужины шелестели, касаясь глянцевої бумаги. Тончайшая манжета колыхалась.

— Итак. Пелед вами калта. Скажите нам, где в миле, кроме Японии, будет следующее... землетрясение.

Вспышка.

В пластмассовый ящик в который раз бросаю растегнутый часовой пояс. Прохожу досмотр. И вот опять куда-то прет: опять жующая, живущая, срущая мразь, я то есть, летит вперед.

Отель. Ресторан. Жареные органы животных и растений. Гирлянды на пальмах в конце декабря. Куда эти толпы в такую рань! Вглядываюсь в отражения, тени. Ищу, высматриваю, тебя.

Наблюдаю за филиппинками, расстилающими ска-терти для пикника прямо под 179-метровой штаб-квартирой HSBC, под самым высокотехнологичным шедевром Нормана Фостера.

Гонконг напоминает макет внештатного верстальщика в молодом рекламном агентстве. Лихо наложил Гогена на Кандинского, на заднем фоне подретушировал абстракции Марка Ротко, сдвинул цвета в сепию, напу-тал с растровым цветоделением. В точечной структуре многолюдно-небоскребной картинки белые пропуски солнечного света, дофотошопился.

В тесном отеле Mandarin Oriental получаю конверт с визиткой. На ней место и время. Только ЦРУ могло назначить встречу в туристическом трамвае-фуникулере. Моим непосредственным кураторам нравится красиво отдыхать за корпоративный счет, и я их понимаю. Причем ребят из Ленгли, штат Вирджиния, порой можно вычислить (что, кстати, наши и делают) по наличию бокала хорошего шампанского в руке. Так американские партнеры представляют Dolce Vita, и в чем-то они правы. Мы уже встречались на VIP-трибуне Формулы-1 в Барселоне. Потягивали Veuve Clicquot Yellow Label и слышали друг друга через раз, каждое второе слово вычеркивал визг пролетающего болида. Виделись на корриде в Барселоне (одной из последних в Каталонии), правда, я заказал себе пиво в алюминиевой банке. Важные предсказания я сообщал в момент решающего удара матадора (увы, мы наблюдали Volarié — такой способ бес-смысленного убийства несчастного быка, когда тореро сам бежит ему навстречу, держа мулету в левой руке и вонзая шпагу правой). Смотрели футбол в Риме в специальных кабинках, наслаждаясь Martini Asti со льдом. Посасывали выдох шийся Mondoro из пластиковых бокалов в фойе мельбурнского Regent Theatre после мюзикла Jersey Boys про мою любимую группу Four

Seasons. Местные зрители, работяги в шортах и шлепках, не понимали, почему мы с агентом так разоделись (фирменные джинсы, ботинки, рубашки), — в толпе раствориться не удалось, явка была почти провалена, почти, ибо мюзикл удался. Пили дорогой Dom Pérignon Rosé из дорогих бокалов в Ла Скала. Мой собеседник с видом знатока сообщил, что «монах-бенедиктинец Периньон открыл секреты купажирования». «А еще он догадался делать затычки из коры пробкового дуба», — я тоже блеснул интеллектом. Обменялись документами в монументальной Венской опере во время Оперного бала, красуясь в арендованных фраках и чокаясь драгоценным Louis Roederer Cristal Rosé. Тот же собеседник произнес нараспев под вальс Штрауса: «При Николае Втором Cristal поставляли в Россию исключительно в хрустальных бутылках с короной российского императора». На скучной игре поло в Буэнос-Айресе (Campeonato Argentino Abierto de Polo) заказали Piper-Heidsieck Brut, а в парижском Диснейленде, среди жуткой толчеи, пригубили чешское безалкогольное Robby Bubble. Уимблдон не обошелся без Moët & Chandon Brut Imperial, так же как и Королевские скачки Royal Ascot в Аскоте. Раньше Жан-Реми Моэт снабжал винами Наполеона Бонапарта, ныне Моët — поставщик королевы. На скачках прятались за вычурные шляпки коренастых леди, и одна дама так наступила на меня своим копытом, то есть ножкой, что способность к ясновидению угасла на неделю. А играя в гольф на знаменитых полях старинного клуба Honourable Company of Edinburgh Golfers, что в шотландском Мюирфилде, мой новенький опекун в штатском умудрился выйти прямо на поле с бутылкой Taittinger Brut Réserve, опозорившись перед клубом и distinguished игроками. Хотелось шархнуть его клюшкой

Wood. Свою информационную записку я незаметно спрятал в одной из лунок, в момент, когда доставал мяч.

Итак, под звон и скрежет гонконгского трамвая-фуникулера Пик Трам, перемешанные с визгом туристов, находясь буквально под углом 45 градусов к линии горизонта, держась за поручень обеими руками, выслушиваю благодарности от непримечательного потного парня в бейсболке. Консультация по созданию WikiLeaks успешно отработана, проект закрывается, руководство довольно и теперь ждет новых идей по «псевдоутечкам». Понизив голос, продолжает. Руководство помнит по Лас-Вегасу, как я борюсь с депрессией, и дарит сегодня индивидуальный вечер в элитном СПА с пятнадцатью тайками-массажистками. И напоследок, в самое ухо, обдавая запахом пота, — предостережение. Мол, я интересуюсь организацией, про которую никому не известно и которая наверняка не существует. Но мой «активный интерес по данному вопросу», видите ли, может «создать неуместные предпосылки беспокойной атмосферы в системах безопасности нескольких стран». Как всегда, допотопная, бюрократическая, чисто цэрэушная формулировка угрозы. НЛП-техника неконкретного Милтон-языка прежде приводила в ужас, а ныне вгоняет в тоску, в том числе — по крепкой на словцо Родине.

...Вглядываюсь в отражения, тени. Ищу, высматриваю тебя.

Вспышка.

Оптика жужжит. Сферическое зеркало, система линз. В объективе кривятся небоскребы и речка. Укрупнение на отель Raffles, далее на мой номер. Кто ты, следящий

за мной всюду, а теперь и здесь, в Сингапуре? На кого ты работаешь? Зачем тебе я, с моим чемоданом Bric's Pininfarina, с моей футболкой Gaultier и душой — настоящая Marras, по созвучию.

Ворох рубашек теперь не разгладить. Всюду влага тропиков. Кажется, сам свет растворен во влаге, и если включить осушитель воздуха, станет темно.

В прошлом году раздобыл для местного китайца телефон посредника, у которого полная база всех российских специалистов по нанотехнологиям. Посоветовал заманивать отдельно, но держать вместе на охраняемом предприятии. Лучше всего — на судне-лаборатории.

Лысенский клиент теперь показывал свой «кораблик». Девять палуб. Люди в белых халатах приветливы, они здесь на три года, а заработают на полжизни. Чтобы потом спокойно применить новые знания в российском технопарке. Лысина блеснула и заверещала: первый патент для фармрынка принес миллионы. Просит еще что-нибудь посоветовать или предсказать. Черепушка, знай меру. А кто посоветует мне, хотя бы как жить. Sunny-funny-give-me-money-бум!

К речке Сингапур. И по подвесному мостику к бетонным высоткам. Высоченная вертушка и сияющий пол. Я в Бэнк оф Чайна, здесь один из моих счетов. Переслал полтора миллиона на счет Фонда «Билла и Мелинды Гейтс». Во-первых, модно. Во-вторых, видимо, порядочно, они ведь собираются выделить все свои миллиарды на вакцины для бедных. Ну а в-третьих, пригодится. Баффетт на благотворительном вечере в Майами брякнул мне что-то про конец света в виде серии катаклизмов на планете, про то, что спрятал в Фонде свой капитал, а еще... Как-то так цэрэушно-неясно шепнул, что знает про мои вопросы, но не может помочь. Помню, в тот

момент я смотрел на семейную пару за соседним столиком. Они увлеченно поедали черную икру, а бриллиантовое кольцо загорелой дамы казалось пририсованной улыбкой к лозунгу на дальнем плакате — «Мы на стороне бедных». Помню, потом майамская парочка попала мне то в Бал Харбор (покупали французский полшубок из сибирских соболей), то на баскетбольной арене (игра Miami Heat — LA Lakers; VIP-сектор, первый ряд), то на вечеринке-презентации художественной ярмарки АртБазель и шампанского Ruinart в The Betsy Hotel (она — шелковое платье Lanvin, туфли Laubutin, он — костюм Brioni, ботинки Berlutti).

Остаток тропического дня выжигал на Орчард роуд. Выбрасывал истлевающие спички минут на мраморные полы одинаковых торговых центров. И ведь не лень азиатам тащиться в очередной магазин, где висят те же, извиняюсь, Trussardi, по той же цене.

Поймал себя на мысли, что и здесь, на линии экватора, на дальних переулках Востока, ищу — только тебя.

Вспышка.

Кислое белое вино, на этот раз в кафе «У Голема» в центре Праги. Незнакомец, проходя мимо, ловко подхватывает мой портфель и уходит, даже не обернувшись.

Смотрю в окно, морщу лоб, хмурю брови. Нет, не получается, напрочь разучился плакать.

Я сам словно Голем, теряющий руку, ногу, шею. Я из глины, она рассыпается. Спасите!

Голем, нелепый истукан, созданный человеком.

По легенде, каждые тридцать три года Голем оживает, исполняет задание и превращается в прах.

Мне скоро тридцать три. И от меня мало что осталось.

Пустота в пустоте бытия. Неудачный проект изначально. Это мы, это ты, это я. Это общее наше отчаянье. Пустота без тебя.

Будет холодно. Ты проверишь билет. Соединенные штаты Европы. Москва — Прага. Оглянешься в недоумении: где твой по снегу след? Через два с половиной часа от Зеппелина останется только Лэд. А от билета неясные буквы и скомканная бумага.

Ты будешь трогать холодные стены. Ты будешь смотреть. Закажешь хот-дог на Вацлавской площади. Взглядом бесстыжим будешь провожать студенток по Карлову мосту. И улыбаться, ведь... В прошлом последние судороги, хрипы, смерть. А еще купишь два хрустальных бокала Moser в качестве хрупкого доказательства, что выжил.

Вспышка.

По следам твоих революций выезжал на митинги антиглобалистов. Плотная кожаная куртка для защиты от ударов «демократизатора» (резиновой дубинки) и респиратор от адамита (слезоточивого газа из гранаты). У пражского Конгресс-центра, во время саммита МВФ и Всемирного банка, вымок до нитки от водомета. В Ницце и Гетеборге задышался и полдня тер глаза, респиратор не помог. В Генуе разделил безумие 150-тысячной толпы. На площади Алимонда парень в белой майке и синей лыжной маске, которую он подобрал в цвет своих штанов, замахнулся красным огнетушителем на застрявший черный полицейский Land Rover Defender. И был убит карабинером выстрелом в упор, прямо в лицо, после чего внедорожник дважды

переехал его. Карло Джулиани, симпатичный 23-летний мальчик, тифози футбольного клуба «Рома» и первая жертва антиглобалистских выступлений. В Париже с молодыми весельчаками увлекся креативом, сочинял и развешивал фальшивые указатели, заменив площадь Звезды на площадь Билла Гейтса, площадь Пантеона, в центре Латинского квартала, на площадь Auchan, а площадь Согласия у Елисейских Полей — на площадь LVMH, последнее ты, моя Ева, точно бы одобрила.

Эвиан, Глениглс, Нью-Йорк... Нигде не встретил, не разглядел, не вынюхал, не расслышал, не почувствовал тебя.

Теперь в Милане.

Кобель без сучки. Пес, ищущий след. Где ты?

Человекопес, человекабель, чепс, чел.

Медленно-медленно, вдоль Белладжио, под рокот мотора в 1200 лошадей. По серпантину выше. Оглянулся на озеро.

Водное зеркало пускает солнечные зайчики обратно в небо, растапливает облака.

Подумал, как бы ты поступила на моем месте, за рулем Bugatti Veyron Super Sport у скалистого обрыва. Мягко захлопываю дверь и толкаю двухместного монстра.

Медленное, вялое падение. Может, для этого кузов и наштигован легким карбоном? Автомобиль уткнулся скошенным капотом в каменный откос, нехотя оттолкнулся, ударился боком, развернулся в полете оранжевыми дисками вверх. Ни звона, ни взрыва, увы. Неловко сцедил слюну, так и не научился сплевывать. Оглянулся на горы. Там еще недавно паслись двадцать лучших альпийских коров, кожа которых пошла на выделку салона. На высокогорье мало живого, нет комаров, и поэтому кожа парнокопытных без малейших изъянов.

Молчаливый ответ на твое удивление — лицом к пушистой гортензии: «Прости, сам уже не летаю, наверное, разучился». Наше сознание в неустанном диалоге с потерянными любимыми, потому что все мы чувствуем: любовь вечна, как секунда или слово.

Виа делла Спига, самая узкая улица Квартала моды. Немые манекены селятся моргнуть и почесать нос. Ночь. Никого. Милан спит, лишь зябкая парочка семенил мимо. В Армани Нобу — ты его называла «суши-туши бар» — туристы, похожие на роллы, жуют сашими.

Зябкая делла Спига. Здесь в такую же ветреную ночь я фотографировал тебя. Жеманно позировала, словно манекенщица, прислонялась прямо к витринам, касалась этих стен, смеялась. Поднявшись на подоконнике, пыталась оторвать букву «d» от вывески Fendi. Оголяла плечо, и мои руки дрожали, смазывая кадр. Подходила, неожиданно хватала за ширинку, точно зная, с какой силой сжать, и вдруг отпускала, равнодушно уходила, актриса.

Здесь ты нашла меня, чтобы бросить. Так бросают собаку. Блохастый вонючий пес еще долго скулит. Переводя со скулиного, Володарский прогнусавил бы что-то наподобие: «Я лучше всех принесу тебе мячик, я оближу твою руку, я прощу тебя, я жду тебя, хозяин!»

Статья

Все же я не выдержал. Если в главном уравнении чего-то слишком много или слишком мало, система нестабильна.

Следуя твоему совету, полез в архив прессы. Стал искать треклятую статью. Среди прочих материалов рубрика «Поговорим» была как глоток чистой воды. Ведь Александр Аронов — из настоящих, из поэтов. Кажется, нашел... «МК» от 30.11.1994:

«А однажды Гныпа рассказал нам секрет, который мучает его и по сей день.

...Не знаю, кто его арестовывал, но вести следствие поручили мне... Я сел с ним рядом и, направив «юпитер» ему в лицо, чтобы он не заснул во время допроса, спросил, чей он шпион... Он ответил стихами... Коротенькие стихи мне понравились. Я записал все его показания, и он собственноручно под ними расписался.

— А вы так и не догадываетесь, кто это был?

И тогда Гныпа вынул из внутреннего кармана кителя синенький листок и показал мне, не выпуская из своих цепких пальцев.

Там был этот стишок. Внизу было подписано крупными круглыми буквами: «О. Мандельштам».

С короткой заметки началось мое большое расследование. Иван Макарович Гныпа оказался вымышленным персонажем, его придумали Вадим Черняк и Александр Аронов. Но сама история оказалась горькой правдой в литературной обработке. Один приятель поэтов рассказал про некоего таинственного офицера, который как раз и знал редкие стихи Мандельштама, возможно, неизданные. Как я потом убедился, стихи с допросов, стихи вместо показаний, стихи вместо прощания.

Старик vs Мандельштам

Прожектор окна. Диагональ света в черной комнате. Старик, упершийся в ходунки. Стальной поручень сверкает.

Блеклый взгляд скользит по вороху бумаг. Машинописные страницы, казенные папки, газетные вырезки. Среди мрачного бардака углом цветная фотография, кажется, на ней рыжеволосая девочка.

Шершавые руки шевелят письмо, пальцы багровеют в закатном луче.

На размякших листах синие чернила с подтеками и задиристый почерк.

«Я нахожусь — Владивосток, СВИТЛ, 11-й барак.

Получил 5 лет за КРД по решению ОСО. Из Москвы из Бутырок этап выехал 9 сентября, приехал 12 октября. Здоровье очень слабое. Истощен до крайности, исхудал, неузнаваем почти, но посылать вещи, продукты и деньги — не знаю, есть ли смысл. Попробуйте все-таки. Очень мерзну без вещей. Здесь транзитный пункт. В Колыму меня не взяли. Возможна зимовка. Приехал комиссар из Москвы по мою душу, надеюсь на перемены.

Родные мои. Целую вас. Ося».

Старик берет в руки пачку листов со стихами. Тот же синий почерк. Строки легкие, беглые, без правок.

И сверху на каждом листе серым по белому, допотопной печатной машинкой с западающим «а»: «УТВЕРЖДАЮ. Начальник Секретариата, комиссар ГБ 3-го ранга ОСО НКВД, 1938 года 20/12».

Газетная вырезка. Письмо лагерника

«Я, бывший узник архипелага ГУЛАГ, прочел в вашей газете (№ 7 с. г.) краткое сообщение о том, что на окраине Владивостока найдена могила Осипа Мандельштама... Как прямой свидетель смерти гениального поэта хочу поделиться дополнительными подробностями. Весь декабрь 38-го года поэта сутками допрашивал в изоляторе один и тот же комиссар НКВД из столицы, причем совсем еще молодой парень. Однажды Мандельштам признался, что комиссар заставляет писать стихи, морит голодом, бьет. Он еще назвал его «убийца гениев».

Лагерь назывался «Спецпропускник СВИТЛага», то есть Северо-Восточного исправительного трудового лагеря НКВД (транзитная командировка), 6-й километр, Вторая речка. Здесь подолгу узников не задерживали. На морских судах «Джурма» и «Дальстрой» с четырехъярусными нарами в трюмах отправляли до бухты Нагаево, где уже строили Магадан. Плыть семь суток, многие умирали в пути. Этих просто выкидывали в Охотское море, кормить рыб. Родным об их смерти не сообщали.

Осенью 1938 года во Владивостоке стояли солнечные прохладные дни, синие звездные ночи. Дули северо-восточные ветры. В ноябре стали заедать породистые

белые вши, начался тиф. Был объявлен строгий карантин. Запретили выход из бараков.

Рядом со мной на третьем этаже, помимо Осипа Мандельштама, был Володя Лях (ленинградец), Ковалев (Благовещенск), Иван Белкин (молодой парень из Курска).

После пяти недель допросов комиссар отправил Мандельштама на пару суток в барак с больными сыпным тифом.

В конце декабря, за несколько дней до Нового года, всех повели в баню, на санобработку. Но воды там не было никакой. Велели раздеться и сдавать одежду в жар-камеру. А затем перевели в другую половину помещения, в одевалку, где было еще холоднее. Пахло серой, дымом. В это время и упали, потеряв сознание, двое мужчин, совсем голые. К ним подбежали держиморды-бытовики. Вынули из карманов куски фанеры, шпагат, надели каждому из мертвецов бирки и на них написали фамилии: «Мандельштам Осип Эмильевич, ст. 5810, срок 10 лет». И москвич Моранц, кажется, Моисей Ильич, с теми же данными. Затем тела облили сулемой.

Трупы накапливали в ординаторской палатке, а потом партиями вывозили. Мертвые тела втаптывали в каменный ров, в одну могилу. Копать землю было очень тяжело... Я тогда был молод, всего 24 года. Тоже осужден за «контрреволюцию». Срок полностью отбыл. Повидал «виды».

*Ю. Моисеенко,
Осиповичи, Могилевская область,
сосед Мандельштама на третьем ярусе нар в 11-м
бараке пересыльного лагеря Вторая речка, куда прибыл
с этапом 14 октября 1938 года,
на день позже этапа с Мандельштамом.
Фрагмент опубликован 22.02.1991 в газете «Известия»*

На багровых руках старика

Закат как жертвоприношение, свет струится по тусклому стеклу, капает с рамы на подоконник, заливает листья.

Багровые пальцы старика на древней папке. Аккуратно отодвинут осколок сургучной печати с прессовкой — орлиное крыло и половина угловатого креста. Внутри документ с оригинальной подписью и титульной свастикой.

**«Рейхсмаршал Великой Германской империи
Уполномоченный по 4-летнему плану
Председатель Совета министров
по обороне рейха
Берлин, 31.7.1940 г.
Только для соответствующих
уполномоченных лиц
Организации.**

Согласно предписанию от 24.1.1939 года было поручено реализовать на территории Рейха оптимальный в настоящее время вариант окончательного решения еврейского вопроса.

Поскольку решение по гениям в рамках проекта Untermensch (Недочеловеки по законам от 15 сентября 1935 года Нюрнбергского партийного съезда НСДАП) затрагивает компетенцию других центральных и региональных органов руководства Организации, все они проинформированы о событиях этим письмом.

Геринг».

Научные трактаты о любви.

Из Vertu загружено в Mamba.

Ролевые игры

У мужчин и женщин десятки ролевых игр — в исследовании приведены лишь немногие. Создается впечатление, что в эпоху унифицированного потребления и поведения мы с детства получаем потрепанный набор ролевых игр, учим все их однообразные правила и преспокойно играем себе до глубокой старости и полного маразма. Большинство ролевых игр направлены на удовлетворение собственных специфических желаний, прихотей и комплексов и вовсе не нацелены на удовлетворение того же самого у противоположного пола. Того пола, не путать с потолком, который с нами постоянно рядом и чрезвычайно заинтересован в нашем внимании, в нашем тепле.

Женская ролевая игра

«Невеста». Быть в белом платье (часто безвкусно-пышном), муж (бывший прынец / лошара / «что есть, то есть») держит под руку, все красивые, подруги завидуют

«Королева бала». Танцевать, искриться, а мужики языки высунули и штабелями, штабелями

«Самая красивая». Появиться в сногшибательных туфлях с высоченной платформой, с укладкой, в шикарном платье и с брюликами везде — перед лапоющимися от зависти некрасивыми подружками

«Генерал в юбке, или Крутая хозяйка». Командовать домашними делами, всех строить, приказывать послушному мужу

«Проститутка». Зачем-то доказывать себе и другим, что способна снять любого

«Мамаша». Выставлять напоказ заботу о ребенке / сиську во время кормления / самого ребенка / страшную усталость от заботы о нем / истории про ребенка

Мужская ролевая игра

«Крутая телка». Просто появиться на людях с высокой блондой и небрежно с ней обходиться

«Крутая тачка». Просто ездить на крутой тачке

«Полно бабла». Просто иметь полно бабла

«Надо выпить!». Пить для храбрости / расслабления / уверенности в себе. Так вести себя пьяным, как слабо и боязно в трезвом виде

«Крутой любовник». Искать и находить любые, пусть самые незначительные, подтверждения своим выдающимся успехам в любовных делах

«Я работаю». Выставлять напоказ свою крайнюю озабоченность делами. Бездельничать деловито, под прикрытием работы.
С умным видом играть в «носинку» или перелистывать сайты

Женская ролевая игра

«Ведьмочка». Грозить крупными неприятностями, если обидят. Захаживать к гадалкам и то и дело убеждаться в реальности мистических сил. Склонять несчастных экстрасенсов к колдовству и манипуляции реальностью

«Капризулька». Капризничать без причин и привлекать к себе внимание мужчины. При этом дуть губки и делать глазки. А также сводить с ума окружающих под предлогом ПМС

«Истеричка». Истерить без причин и отчаянно привлекать к себе внимание мужчины, по сути, извращенное повторение ролевой игры «Капризулька»

«Самая влюбленная, или Люблю — не могу». Отчаянно демонстрировать любовь к мужчине — подругам / мужчине / родителям / встречным-поперечным. В том числе целовать и вешаться ему на шею при всех / слать ему СМСки 10 раз в день / спрашивать советы у всех / жаловаться на него всем. Незапланированно беременеть. Ревновать его хоть к тумбочке, с допросами и вопросами. Быть счастливой по уши, но все равно продолжать жаловаться на него подругам. С легкостью позволять себе в этот период любое самое неадекватное поведение

Мужская ролевая игра

«Гульну!». Гульнуть, сходить налево, поиметь — телок / неприятности / приключения и проблемы. С разовым мощным выбросом денежной массы в никуда

«Друг». Полжизни разными способами доказывать себе, другу и окружающим, что вы с этим другом друзья

«Мужик». Вести себя прямолинейно, тупо, уверенно, без сомнений и долгих раздумий, с загадочным лицом, с напряжением мускулов, с ощущением собственной харизмы. В целом вести себя неадекватно, но эффектно. И обязательно ругаться матом

«Девайсы». Любить любые технические устройства, от механических до электронных, включая часы, оружие, компьютеры, мобильники и т. д. Покупать соответствующую новинку независимо от наличия в ней необходимости. Вскоре терять интерес к устройству, либо, в тяжелых случаях, долго им восхищаться

Женская ролевая игра

«Барби». Строить из себя дурочку / недотрогу / неумеху / белоручку / хрупкую даму / модницу / небесную красотку / эксперта в красоте и моде. Моргать и наряжаться. Предпочитать шопинг, спа, салоны красоты, путешествия и все такое, тратить на это основное время жизни. Осматривать других Барби с ненавистью, читать/смотреть правительные СМИ для Барби, уважать знаменитых Барби и на них равняться. Украшать себя, Барби, и жилище Барби, используя Кена (хрена), друга Барби, в качестве послушной игрушки

«Сексуальные ролевые игры и фантазии». Особенно возбуждает — увести друга подруги / мужа / матери / отца / кого угодно. А также, среди прочих, много мужчин, негр, поп-/теле-/кинозвезда, плохой парень (возможно, преступник), начальник, садовник, врач, пожарный, офицер (полковник / герой / летчик), рабочий (сантехник), первый встречный (имя не запомнила).

Секс на пляже, на крыше, где угодно, но все-таки лучше хоть с какими-то минимальными удобствами

Мужская ролевая игра

«Хрен в костюме». Прийти в костюме на мероприятие (чаще в темном костюме), пожать руки другим «мужчинам-костюмам», остроумно пообщаться с ними, сверкнуть часами и глазами, заодно показавшись перед «женщинами-платьями». У некоторых перерождается в острое желание носить какую-либо форму, в восхищение перед погонами и различной унифицированной одеждой, а также соответствующими аксессуарами

«Сексуальные ролевые игры и фантазии». Возбуждают женщины во всех видах. Гувернантка, медсестра, школьница, полицейская, садистка с хлыстиком. А также, среди прочих, массажистка, стриптизерша, проститутка, менеджер в офисе, секретарша, начальница, бизнесвумен, водитель, чужая жена/девушка, родственница знакомых (дочка/сестра/мама), первая встречная где-либо (имя не запомнил), негритянка, японка, звезда с сиськами. Секс где угодно и желательно с двумя/тремя и более. С данной ролевой игрой связано преувеличенно неадекватное поведение под предлогом спермотоксикоза или выпивки

Женская ролевая игра

«Я — мужик». Любить тачки / футбол / руководящие должности / рыбалку / мужские собрания / забивать гвозди. Убеждать мужчин, что «свой в доску». Иногда дополняется любовью или ненавистью к женщинам

«Шопоголик-анорексичка». Болеть какой-либо манией или фобией в легкой форме (шопинг, диеты и т. д.), культивировать в себе эту манию/фобию, находить подруг по мании/фобии, заниматься манией/фобией напоказ вместо малейшего самоконтроля, а лучше лечения

Мужская ролевая игра

«Метросексуал». Любить красивые вещи и аксессуары, следить за модой и за собой, ходить на все фильмы. Хорошо разбираться в одежде и косметике мужчин и женщин. Иногда дополняется любовью к мужчинам

«Спорт-рыбалка-хобби». Иметь хобби, довести его до мании в легкой форме, культивировать в себе хобби/манию, находить друзей по хобби/мании, чрезмерно много заниматься хобби/манией вместо самоконтроля и выполнения более полезных дел

Найден

Деревня в 20 км от МКАД. Здесь жили и отдыхали советские партийцы. Четырехэтажный деревянный особняк, необыкновенно большой даже для цекашных дач. Стоит вдалеке от поселка, ближе к лесу. Почерневший и заржавевший, старый.

Еще светло. Ближайшие деревья сдерживают натиск ночного неба.

Стучу в калитку. Тишина.

Перелезаю через забор.

Кулаком в дверь. Тишина. Дернул — открыто.

Еще раз смотрю в записку и на номер дома. Сходится.

Крикнул.

— Кто-нибудь есть? Я тут заблудился! Не подскажите?

Тишина. Захожу. Скрип пола. Пахнет чем-то гнилым и еще лекарствами, но везде чисто.

Уютная гостиная. Большая кухня. Мебель старая, крепкая, из красного дерева.

— Есть кто живой?

Судя по кухне, по вытертой пыли, по вещам, дом обитаем.

— Ау!

Поднимаюсь наверх по широким скрипучим ступеням. Помимо перил, всюду крепкие ручки для подъема и спуска.

Спальня. Кровать на одного. Соседняя дверь — огромная бильярдная. На стене карта мира.

Еще вверх. Ступени скрипят. На следующем этаже гостевые комнаты. Кровати застелены, полки пустые. Ощущение, что здесь никто никогда не жил.

Еще выше. Чердак. Вхожу в кабинет. Запах вкусной сигары. Все стены в стеллажах до потолка. По центру стол с зеленым сукном. Диагональная полоса света.

Подхожу к ближайшей полке. Не может быть... Подхожу к другой. Нет!..

Папки. Везде картонные папки разной толщины. На каждой наклеена пожелтевшая бумага с надписью, выбитой на старой печатной машинке с западающим «а».

Надписи... Эти проклятые надписи...

«Гумилев Н. С.», «Маяковский В. В.», «Есенин С. А.», «Цветаева М. И.», «Блок А. А.»...

На столе открытая папка. На пожелтевших листах стихи с подписями Мандельштама...

В ухо гремит низкий, старческий, трескучий голос.

— Смелянский? Станислав Анатольевич. Гм...

Отскакиваю к полке. Маленький скрюченный старик опирается на мощные инвалидные ходунки. Его скрывала тень, наверно, он с самого начала был в комнате. Несмотря на несчастный облик, голос мощный, с хрипотцой.

— Говорят, неплохой мюзикл, но стихи так себе.

— Вы...

— Да. Я давно жду кого-то вроде вас. Но вы совсем жалкий.

Старик двинулся к косому лучу. С его выбеленных щек, казалось, сыпется известка. Редкие белые волосенки на пятнистой лысине. Сморщенное лицо. Блеклые глаза.

— Что вы с ними сделали?

— Что положено. Слишком гениальные. Но я любил их. Вычислили, прочитав «МК»? Дешевая статейка!

— Что! Сделал! С ними?!

— Здесь полное собрание. Этих творений вы не найдете нигде. Только здесь.

— Что...

— Станислав Анатольевич. Я лично пытал таких, как вы. Я наступил Мейерхольду на глотку, и он не мог говорить до расстрела. Я держал Есенина, стрелял в Гумилева, помог с суицидом Маяковскому, насильовал Цветаеву в Елабуге. И собирал их последние стихи, четко, системно. Хотя ваше творчество не стоит моего внимания. Вот Мандельштам был гением, настоящим, писал стихи сразу, без исправлений, будто в припадке. Интересно было наблюдать.

Старик медленно сдвинул опору, шаркнул в сторону ближайшего кресла. В луче света тускло сверкнул пистолет. Дорога к лестнице перекрыта.

Он повысил голос.

— А кому нужны гении? Именно из-за ваших, жидята, талантов, весь ваш народ был уничтожен. Гитлер был не случайной фигурой. Он действовал согласованно.

— Кто вы?.. Сколько вас?

Лоб старика затрясся. Он хохотал пронзительно, мерзко. И приблизился ко мне.

Порыв ветра ударил по балконным дверям и раскрыл их. Стопка листов со стихами разлетелась по комнате. Старик ловко поймал фотографию рыжеволосой девчонки.

Грозовые тучи надвигались с востока.

Невидимая рука вечерней прохлады трепала ворот рубахи, похлопывала по щеке.

Я глотал воздух, схватившись за перила балкона.

— Что вы знаете?

— Вас-то я знаю лучше, чем вы себя. Кстати, ваши пророчества эффективны, но плохо сбываются.

Старик смотрел в сторону балкона, и, кажется, его больше интересовала непогода.

— А еще?

Он пожал хилыми плечами.

— Это я три года назад организовал вашу встречу с генералом на Лубянке, я его знаю с пеленок, посоветовал ему пообщаться с молодым поколением, прощупать, так сказать, на тему предсказаний.

— Что?!

— С кризисом вы тогда прилично придумали. Кое-кто и так готовил обвал на бирже. Но все начать с ипотек — нечто. Вы нелепый, несчастный человечиска, но порой и вправду — почти! — гений.

Всё

Ливень колыхался серой занавеской. Хотелось ее сдёрнуть с невидимых петель.

Воспоминания утихали...

— Значит, встречу с генералом устроили вы?

— Да.

— Зачем?

— Посмотреть, что из этого выйдет. Как видите, все хорошо, вы соавтор ипотечного кризиса.

— Чего еще вы подстроили? Что вам известно?

— Когда-то я был знаком с отцом королевы, которая гостила у вас в Вегасе. Согласитесь, такое знают немногие. Я даже могу раздобыть видеозапись из того пентхауса, скрытые камеры есть во всех крупных отелях.

— Допустим.

Старик сидел передо мной в сукодном кресле. Положив пистолет на колени, он спокойно отрезал золотой карманной гильотиной кончик сигары. Долго раскуривал от газовой зажигалки — слишком влажно. Потом ответил.

— Понимаете, есть люди, которые стоят повыше политиков, спецслужб и корпораций.

— И много вас?

— Мало. Какая разница?

— Зачем вы мне сообщаете секрет такого уровня?

- Вы же почти пророк. Догадайтесь.
- Нужны мои услуги?
- Нет, спасибо. Хотя, пожалуй, да. Можно и так сказать.

Старик сделал движение, вечерний полусвет снял маску старости с его лица. Что-то неуловимое почудилось мне... Я закричал от пережитого потрясения.

- Вы ее родственник! Возможно, дед или прадед?
- С чего вы взяли?
- Вы похожи. Скулами... н-не знаю!
- Станислав Анатольевич...
- Что с ней, где она?
- Не знаю. Пока. Но если она появится и вы...
- Я не сообщу.
- Она больная девочка, ей нужна помощь.
- Что с ней?

Дым от сигары ударил в лицо.

- Говорите же! Я люблю ее.
- Знаю. Не вы первый.
- О чем вы?
- Она гениальная девочка с поврежденной психикой. Мании, фобии, невроз навязчивых состояний с идеями о гениях и о мировой революции, множественные личности. Случай сложнейший. Она выбирает жертву-мужчину, подавляет его волю и меняет его своими суггестивными способностями, рассказывает одну и ту же басню про Организацию.

- Но Организация существует, вам ли не знать!
- Все ложь! От первого слова до последнего.
- Как ложь, если в нас стреляли!
- Пиротехника хорошего качества. Как в кино. Снайпера не было. Когда она прыгала, прихватила с собой несчастного японца для мягкого приземления.

— А в Сент-Морице?

— Она устраивает лавины, правда. Что делать — крикунья.

— А во Франции? Это же ваша работа!

— Ничего не было. Если не считать взорванную яхту. Убитые гении — ее приятели с дешевым гримом. Оружие — авторская игрушка, пустышка. Распаханное поле — просто поле. Ей подыграл таксист за немалое вознаграждение. Он же был за рулем Ламборджини, машина взята в VIP-прокате. Кстати, никакой он не таксист, никчемный дружок из свингер-клуба. А разбиться вы могли по-настоящему.

— Я же нашел вас, вот вы здесь!

— Подумаешь. Вы случайно вышли на высокопоставленного маньяка, который когда-то убивал поэтов, больше ничего.

Я с силой ударил в перегородку:

— Не верю! А вдруг вы и есть руководитель Организации!

— Решать вам. Но, я говорю, не вы первый. Кто-то сходил с ума, кто-то случайно погибал, кто-то, как вы, добивался небывалого успеха. Ведь она применяет приемы суггестии, действующие по аналогии с плацебо.

— Что?

— Умудряется внушить человеку, что у него определен дар. И тот верит, становится настолько уверенным в себе и в своих действиях, что действительно добивается больших успехов. Плацебо — таблетка без активного вещества. В любых медицинских экспериментах плацебо действует не хуже реального лекарства. Если бы она, например, внушила вам, что вы гениальный художник, то сейчас ваши картины стоили бы не дешевле Пикассо. Вы съели таблетку!

Я отвернулся, сполз по стене. Сел на мокрые доски балкона.

Серая морось заштриховывала квадрат неба, зачеркивала темные облака.

— Как назло, она снова поменяла внешность, так что я очень надеюсь на вашу помощь, будьте любезны. — Старик произнес последние слова не то что утвердительно, а с какими-то железобетонными нотками.

Прошло минут пять, прежде чем я пришел в себя. Дождь остановился, осталась холодная свежесть. Свет постепенно исчезал. Кляксы черной акварели падали на карандашный рисунок деревни. Я подошел вплотную к собеседнику.

— В любом случае, где бы ни была правда, есть факты. Вы держали ее в заточении в замке. Так?

— Да.

— Вы всю ее жизнь следили за ней. И до, и после побега. Так?

— Да.

— И вы не оставите ее в покое!

— Да.

— И я вам нужен, так как вам показалось, что она ко мне привязалась, что она меня полюбила.

— Мне так не показалось.

— Но вы дали мне выжить, опекали и следили. Я нужен вам. Вы окончательно потеряли след. Если она придет, то только ко мне.

Старик крутил в пальцах сигару, словно изучал кубинскую скрутку.

— В таком случае предлагаю вам сделку, — произнес я тихо.

— Слушаю.

— Я стою здесь, на балконе, мило общаюсь с вами, и тогда я в любом случае ваш. Или я прыгаю вниз,

на каменные плиты, и тогда вы оставляете ее в покое навсегда.

— У меня другая сделка.

— Только такая! — Я сказал так твердо, как не говорил еще никогда.

— Что ж... Пожалуй, согласен.

Я наклонился, посмотрел вниз. И отпрянул от перил. Почему-то подумал о бабушке в его последние дни, он показал мне, как умирать с достоинством. И почему-то вспомнил мамин яблочный пирог.

— Станислав Анатольевич, я же сказал, что знаю о вас больше, чем вы сами знаете о себе. Вы способны на подвиги только в ее присутствии. А вообще-то вы нормальный, здоровый человек.

— Вы все и всегда контролировали. Но, похоже, вы никогда не любили. Поэтому вы ничего не знаете обо мне.

Я прыгнул.

Она?

— Але, але. Как слышно?

— Сказал же, слушаю.

— Мы на месте. Видим объект. Что делать? Генерал приказал делать все, что прикажете. И просил передать, по Организации ничего не нашли, по девушке тоже отбой, не хватает информации.

— Скормите старику его архив. Пусть подавится, сука.
Молчание.

— И снимите на видео. Я проконтролирую. Набивайте его брюхо стихами, пока не сдохнет, понятно?

— Э...

— Понятно?!

— Гм... Так точно.

— Потом сожгите все.

Отключаю телефон и бросаю его в урну у дверей.

Студент помогает мне выехать из опустевшего кинозала в хохот и шум. На карловарском фестивале студенческого кино, как всегда, тесно и весело. Мои ноги в гипсе, торчат из инвалидной коляски и все время натываются на препятствия из рюкзаков, сумок и их обладателей.

Подъезжаю к информационной стойке. Листаю расписание фильмов.

Рука девушки перелистывает страницу моей брошюры и показывает ноготком на следующий фильм.

Я смотрю на руку и боюсь поднять глаза.

Потом все же решаюсь.

Сероглазая. Кажется, линзы. Легкие морщинки. Широкая улыбка. Худая. Прическа под третьекурсницу. Бейджик — что-то на чешском. Джинсы и свитер.

Не она.

Но какая-то неуловимая черта.

Но какая-то надежда.

Но эти тонкие пальцы.

Но что-то в уголках этих глаз.

Может?..

— Девушка, вы не бросите меня?

— Я с тобой.

Яблоки в тесте

В небольших зеленых яблоках вырезать в виде конуса сердцевину. Поставить на три минуты в микроволновку.

Приготовить слоеное тесто. Тонко раскатать. Разрезать на большие лоскуты. Помазать растопленным сливочным маслом. Густо посыпать сахаром. Добавить немного корицы.

В центр лоскута поставить яблоко из микроволновки. В конус насыпать сахар. Завернуть яблоко в лоскут, крепко соединив его наверху (можно скрепить зубочисткой). Смазать яйцом. И в духовку на 20 минут: выпекать при температуре 180 градусов.

При остывании присыпать сахарной пудрой и украсить листиками мяты. А еще — добавить немного солнца.

Смелянский Станислав

ПОЛЕТЫ НАД ВЕЧНОСТЬЮ

Руководитель проекта *А. Маркелова*
Дизайн обложки *Студия Артемия Лебедева*
Компьютерная верстка *С. Новиков*

Подписано в печать 05.12.2012. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 14,5 печ. л. Тираж 2000 экз. Заказ №

ООО «Альпина Паблишер»
123060, Москва, а/я 28
Тел. (495) 980-53-54
www.alpinabook.ru
e-mail: info@alpinabook.ru